

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 8 (130)

Academic Journal

Series:

Philology.
Linguistic Studies

Moscow Journal of Linguistics
Volume 16

Moscow 2014

ВЕСТНИК РГГУ

№ 8 (130)

Научный журнал

Серия «Филологические науки.
Языкознание»

Московский лингвистический журнал
Том 16

Москва 2014

УДК 1(07)
ББК 87я7

Главный редактор
Е. И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б. Г. Власов

Серия «Филологические науки. Языкознание» /
«Московский лингвистический журнал»

Редакционная коллегия серии:

С.И. Гиндин – главный редактор серии
Н.Г. Семенова – ответственный секретарь серии
А.В. Дыбо
О.А. Казакевич
Г.Е. Крейдлин
М.А. Кронгауз
Р.И. Розина
М.Б. Рукодельникова
Я.Г. Тестелец
З.М. Шаляпина

СОДЕРЖАНИЕ

Московская лингвистика: люди, институты, ценности

Н.Н. Розанова, А.В. Занадворова Фонотека русской разговорной речи – историческое свидетельство и культурное достояние.....	9
С.А. Крылов, А.Я. Шайкевич Владислав Митрофанович Андрющенко: к 80-летию ученого.....	22
О.А. Казакевич, С.Ф. Членова Полвека Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова.....	28
В.М. Андрющенко Мемуарное приветствие по случаю 50-летия Лаборатории автоматизированных лексикографических систем.....	39
С.И. Гиндин А.Н. Барулин и становление лингвистического образования в РГГУ.....	43

Теоретические и описательные исследования

В.В. Глебкин, А.В. Аляпкина, Е.Н. Беспалова Перцептивные портреты абстрактных понятий («счастье», «свобода», «беда»).....	46
А.В. Дегтярева Синтаксические свойства глагольного аппроксиматора (японское деепричастие репрезентативности в текстах он-лайн-дневников).....	63
П.С. Дронов, С.Ю. Бочавер Варьирование идиомы (<i>разрубить гордиев узел</i>) и ее аналогов в русском, английском, немецком и испанском языках.....	73
Р.Н. Златинский К сопоставительному синтаксису латинских и древнегреческих обстоятельственных причастий.....	84
О.М. Кадырова Критерии (не)финитности глагольных форм турецкого языка.....	102
Г.Е. Крейдлин Рудименты как тип соматических объектов.....	109
М.Н. Крылова Генитивные сравнительные конструкции в современном русском языке.....	124
М.А. Сафонова Языковые особенности индивидуального стиля Литтона Стрейчи.....	132

Прикладные разработки

Л.А. Григорян Разработка словарей морфем химической номенклатуры	139
---	-----

Лингвистика в кругу наук

И.В. Рыбакова Особенности использования гомеровских эпитетов, характеризующих героев, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского	150
В.Ф. Спиридонов, Э.В. Эзрина Возможности эмпирической проверки грамматической теории Н. Хомского	162

Из истории языкознания

Н.В. Драчёва Спор об аналогии и аномалии в трактате Марка Теренция Варрона «De Lingua Latina»	181
--	-----

In memoriam

А.В. Гладкий Воспоминания о Саше Диковском.....	190
Н.Н. Розанова Маргарита Васильевна Китайгородская.....	199
Е.Г. Устинова Памяти Ирины Анатольевны Муравьевой.....	203
Е.М. Сморгунова Муза Александровна Оборина (1923–2014).....	207
З.М. Шаляпина Нина Васильевна Солнцева: памяти ученого.....	209

Лингвистические источники и справочные материалы

Авторы и участники «Московского лингвистического журнала» (1995-2014) (<i>сост. Н.Г. Семенова</i>).....	224
Abstracts.....	231
Об авторах.....	236

CONTENTS

Moscow Linguistics: Persons, Institutions, Values

Nina N. Rozanova, Anna V. Zanadvorova Phonetic Archive of Russian Colloquial Speech is a Historic Evidence and Cultural Property.....	9
A.Ya. Shaikevich, S.A. Krylov Andryushchenko's Eightieth Birthday.....	22
Olga A. Kazakevich, Svetlana F. Chlenova 50 years Anniversary of the Automatic Lexicographic Systems Laboratory in the Moscow State University (MSU).....	28
V.M. Andryushchenko A Memoir Address on the Occasion of 50th Anniversary of the Automatic Lexicographic Systems Laboratory, MSU.....	39
S. Gindin Aleksandr Barulin and the Formation of the Faculty of Theore- tical and Applied Linguistics at the RSUH.....	43

Theories and Descriptions

V. Glebkin, Anastasia V. Alyapkina, Elizaveta N. Bepalova 'Harmony' in the "Production Dictionary of Russian".....	46
Anna V. Degtyareva Syntactic properties of approximate verb (Japanese represen- tative verb in online text of diaries).....	63
P. Dronov, Svetlana Ju. Bočaver Modifications of the Idiom <i>the Gordian laurel</i> in Russian, English, German, and Spanish	73
R. Zlatinskiy Towards a Comparative Syntax of Latin and Ancient Greek Cir- cumstantial Particples.....	84
Olga M. Kadyrova (Non)Finiteness Criteria of Turkish Verbal Forms.....	102
G. Kreidlin Rudiments as a Type of Somatic Objects.....	127
Maria N. Krylova The Genitive of Comparison in Modern Russian Language.....	144
Maria A. Safonova Linguistic Peculiarities of Lytton Strachey's Individual Style....	152

Applications

L. Grigoryan On the Development of Morpheme Dictionaries of the Chemical Nomenclature.....	139
--	-----

Linguistics Among the Other Sciences

Irina V. Rybakova Features of Use of Homeric Epithets which Characterize Heroes in the “Argonautica” of Apollonius Rhodius.....	150
V. Spiridonov, Emily V. Ezrina Empirical Verification of N. Chomsky’s Early Theory of Grammar....	162

Linguistic History

Nina V. Drachiova Controversy Analogy – Anomaly in the Treatise of Marcus Teren- tius Varro «De lingua Latina».....	181
---	-----

In memoriam

A. Gladkij Recollections about Sasha Dikovskij.....	190
Nina N. Rozanova Margarita Vasilievna Kitaigorodskaya.....	199
Elena G. Ustinova In Commemoration of Irina Muravjeva.....	203
Elena M. Smoryunova Muza Oborina (1923–2014).....	207
Zoya M. Shalyapina Nina Vasilyevna Solntseva: in memoriam.....	190

Linguistic Sources & Reference Materials

Natalia G. Semenova Author’s and Other Participants of the <i>Moscow Journal of Lin- guistics</i>	224
Abstracts.....	231
About the Authors.....	238

Московская лингвистика: люди, институты, ценности

Н.Н. Розанова, А.В. Занадворова

Фонотека русской разговорной речи — историческое свидетельство и культурное достояние¹

В статье рассказывается о создании Фонотеки Отдела современного русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, дается краткий ее обзор. Упоминаются ее основные собиратели, сотрудники института Е.А.Земкая, Л.А.Капанадзе, Г.А.Барина и др.

Ключевые слова: Фонотека Отдела современного русского языка Института русского языка, Е.А.Земкая, Л.А.Капанадзе, русская разговорная речь.

Фонотека Отдела современного русского языка начала создаваться в 1960-е годы XX в. и тесно связана с началом работы над темой «Русский язык и советское общество». Работа над этим проектом осуществлялась в 1960-е – 70-е гг. под руководством М.В. Панова. Основная теоретическая концепция исследования была изложена М.В. Пановым в проспекте «Русский язык и советское общество» (Алма-Ата, 1962)² и получила воплощение в четырехтомной коллективной монографии под тем же названием³. Для реализации подобного масштабного проекта проводилось массовое социолингвистическое обследование носителей современного литературного языка с помощью специально подготовленных вопросников⁴. Помимо «направленных» методов анализа различных речевых форм активно использовались и «ненаправленные» методы наблюдения за спонтанной речью носителей русского литературного языка. Для этого необходимо было получить так называемые аутентичные магнитофонные записи живой устной речи наших современников. Обычно подобные аутентичные записи использовали в своих трудах только диалектологи. Литературная же разговорная речь изучалась по данным художественной литературы – современной и классичес-

кой. Например, Н.Ю. Шведова в своей замечательной монографии «Очерки по синтаксису разговорной речи»⁵, явившейся во многом пионерским исследованием, не отступает от сложившейся традиции и анализирует различные разговорные формы, отраженные в художественных текстах.

С 1962 г. сотрудники Отдела приступают к целенаправленному и регулярному сбору записей спонтанной устной речи горожан. И этот год мы можем считать годом начала создания Фонотеки.

Е.А. Земская

Работа над расширением фонда аудиоматериалов особенно активизируется во второй половине 1960-х гг., т. е. с того времени, когда начинается работа над новым актуальным проектом Отдела – «Русская разговорная речь». Руководителем этой темы стала Елена Андреевна Земская, а работу по записи материалов устной непринужденной речи возглавила Ламара Андреевна Капанадзе. Ламара Андреевна очень много сделала для организации корпуса устных магнитофонных записей, их классификации и паспортизации. Назовем также и других сотрудников Отдела – основных «собираателей» фонда аудиозаписей в эти годы:

Галина Алексеевна Барина, Вера Леонидовна Воронцова, Надежда Евгеньевна Ильина, Елена Васильевна Красильникова, Светлана Максимовна Кузьмина, Лариса Владимировна Степанченко, Евгений Николаевич Ширяев. Наряду с сотрудниками Отдела записи производили и другие исследователи, работавшие в Институте русского языка РАН в эти годы: Рената Васильевна Бахтурина, Валерия Николаевна Даниленко, Ирина Николаевна Егорова-Кручинина и некоторые другие.

Заметим, что работа по пополнению корпуса устных записей никогда не прерывалась и продолжается до настоящего времени – теперь уже другим поколением сотрудников. Однако базовую и наиболее ценную часть Фонотеки составляют записи, сделанные в период с 1962 по 1975 гг. В настоящее время материалы данного периода составляют приблизительно 700 единиц хранения. Записи были получены от разных информантов (носителей литературного языка и городского просторечия) в разных условиях и разнообразны в жанрово-тематическом отношении. Остановимся более подробно на характеристике этого массива аудиоматериалов.

Характеристика корпуса аудиоматериалов (записи 1962–1975 гг.)

В Фонотеке записи группируются по годам: каждая единица хранения при поступлении в Фонотеку получала порядковый номер. Таким образом, все материалы имеют сплошную нумерацию – вне зависимости от их жанрово-тематической принадлежности, социальных характеристик информантов и т. п. Материалы Фонотеки очень разнородны. Их тематика и ситуативно-жанровые особенности во многом определялись конкретными задачами собирателей. По характеру записей можно проследить историю работы Отдела над теми или иными проектами.

До 1965 года в рамках темы «Русский язык и советское общество» в основном производились записи москвичей – представителей разных поколений, социальных групп и образовательного уровня, носителей литературного языка и просторечия.

Особую группу составляют материалы, полученные на московских заводах и фабриках в период с 1962 по 1964 гг. В основном записывалась речь рабочих, но среди информантов есть также представители и заводской интеллигенции: библиотекари, инженеры и др. Записи производились на старейших московских предприятиях: Трехгорная мануфактура, Завод им. Лихачева, Завод им. Ильича, типография «Красный пролетарий», позднее (в 1974–75 гг.) были сделаны записи на фабрике «Красная Роза».

Эти материалы ценны и в собственно языковом, и в историко-культурном плане, т. к. речь представителей данной социальной группы не часто становилась предметом научного исследования. Совершенно уникальная часть Фонотеки – это записи бесед со старыми рабочими, родившимися в конце XIX века. На пленках данного раздела можно слышать образцы старого московского просторечия, так называемого московского народного говора, основные черты которого были описаны С.С. Высотским⁶. К аудиозаписям носителей просторечия обращались авторы книги «Городское просторечие: Проблемы изучения» (М.: Наука, 1984). Несколько расшифрованных фрагментов из Фонотеки представлено в приложении к ней. Эти материалы чрезвычайно интересны по содержанию, т. к. представляют собой воспоминания очевидцев о разных периодах нашей истории: дореволюционное время, гражданская и Великая отечественная войны, коллективизация, первые пятилетки и т. п. Нужно заметить, что важна здесь не только событийная сторона, но и сам характер изложения: живой непосредственный рассказ, не просеянный сквозь «сито» цензуры. Перед нами бесхитростные

истории о повседневной жизни и переживаниях людей, обычно не очень хорошо владеющих письменными жанрами и, как правило, не писавших дневников или мемуаров⁷.

В качестве примера приведем небольшой фрагмент беседы двух старых москвичек. Запись была сделана В.Л. Воронцовой и В.Н. Даниленко в 1964 г. Старшей из информанток – Прасковье Николаевне (П.Н.) – 87 лет, младшей – Елене Игнатьевне (Е.Н.) – 62 года. Прасковья Николаевна – коренная москвичка в третьем поколении, «образцовый» носитель московского народного говора, Елена Игнатьевна родом из села на границе с Белоруссией, но с 14 лет живет в Москве; в ее речи можно услышать отдельные диалектные черты. Приводимый ниже фрагмент интересен в языковом отношении: он содержит некоторые старые номинации: *аэроплан* (вместо *самолет*); довоенное название города Пермь – *Молотов*; интересно также произношение *Перьмь* с мягким вибрантом перед мягким губным, свойственное московскому народному говору. Ср.:

Е.Н. А скоко вам лет?

П.Н. Восемьдесят седьмой год//

Е.Н. Ну вы еще молодец/ сами ходите везде//

П.Н. Ну/ положим ещё не большой молодец// Никуда я особенно не хожу последние годы// Ну/ была молодец//

Е.Н. Ну как же? Ездили недавно на юг// Или в Ригу?

П.Н. Да нет// Я недавно ездила токо в Ростов-на-Дону//

Е.Н. Ну вот видите//

П.Н. А в Ригу я/ давно уж ездила// Пийсят каком...

Е.Н. А в Астрахань ездили?

П.Н. В Астрахань несско раз ездила// Там у меня родня// Там у меня племянники/ племянницы// Ну вот видите// Несско раз ездила// Раза три// Еще в Ростов/ на Дону ездила раза два// Ездила э... вот... бывший... Молотов/ как оно называется теперь? Пермь? Пермь// Пермь ездила// И на Уфу езд... в Уфу ездила// Всё/ пароходами// Катаюсь//

Е.Н. Молодец// Ведь вы кажется на *аэроплане* летали?

П.Н. Летала// Но это я-а летела до Харькова только// Вот// А там ехала уже в Красный Лиман/ отдыхала в Красном Лимане// А в Риге была/ кажется... э... в пятьдесят третьем что ль году//

Е.Н. Молодец// Мне тоже хочется тоже на *аэроплане* по... пролететь//

П.Н. Очень хорошо! Очень хорошо// Мне очень понравилось//

Е.Н. А то помрешь/ и не полетаешь//

П.Н. Нужно/ нужно// Обязательно//

Как уже отмечали некоторые исследователи, современное городское просторечие неоднородно. Оно включает в себя старый и новый слои, так называемое «просторечие-1» и «просторечие-2»⁸. В материалах Фонотеки имеются также записи более молодого поко-

ления рабочих – носителей «просторечия-2». Представим небольшой фрагмент разговора Е.В.Красильниковой с двумя рабочими-раклистами (Р1 и Р2) на фабрике «Трехгорная мануфактура». Оба информанта – коренные москвичи, работают и учатся в ПТУ. Фрагмент интересен тем, что там встречается ушедшее из речевого обихода слово *массовка* в значении ‘коллективный выезд сотрудников предприятия в выходные дни куда-л., обычно за город с целью совместного отдыха’. В современном речевом обиходе на смену этому слову пришло другое – *корпоратив*.

Е.К. А в воскресенье вы ездите вообще куда-нибудь?

Р1. Да/ выезжаем на *массо-о-вки*// У нас вообще на комбинате очень хорошо насчет этого// Каждое воскресенье/ вот особенно/ летом/ у нас выезжают значит на парохо-о-дах/ значит выезжают/ так автобусы...

Р2. Вот в это воскресенье/ сейчас/ висит объявление/ значит

Р1. Да//

Р2. вот будет вылазка//

Е.К. Нет/ ну а что в это воскресенье? Что там можно делать?

Такая...

Р1. Как что можно?

Е.К. Опять дождик будет/

Р1. Ну если дождик будет/ если дождя не будет/ хорошо//

Е.К. Ну а что вы? Мяч берёте/да/ или что?

Р1. Мяч/ там... будет... *массовка есть массовка*// От... во-первых отдохнуть/ на лоне природы/ это/ большое дело//

Е.К. Ну это конечно//

Общее число записей речи рабочих – около 80. В Фонотеке они обозначены индексом «Р».

Другая группа материалов этого раннего периода – беседы-интервью со старыми москвичами. Год рождения многих информантов – 80-е – 90-е гг. XIX в. Тематический диапазон бесед достаточно ограничен. Это обычно рассказы информанта о себе, о своей семье, работе, учебе, а также ответы на вопросы интервьюера о современной речи. Представители старшего поколения нередко вспоминают о старой Москве, жизни до революции. Цель интервьюера – получить образцы речи (в основном произношения) представителей старшего поколения носителей литературной нормы. В этом разделе представлено более 30 записей носителей старомосковской литературной нормы.

Особую группу составляют записи речи, относящейся к судебной сфере. Сюда входят разные по ситуативно-жанровым особенностям материалы: разговоры на следствии, беседа со следователем, допросы свидетелей, выступления на судебных заседаниях. Это в основном речь официальная. Участники разговоров относятся к разным

социальным слоям; одни из них являются носителями литературного языка, другие – московского просторечия, в речи третьих можно обнаружить диалектные черты. По этим материалам можно проследить, как работают механизмы переключения в разных речевых ситуациях у носителей разных языковых подсистем. Материалы этих записей использовались рядом исследователей при работе над плановыми темами Отдела: «Городское просторечие» и «Проблемы изучения городской устной речи»⁹. Данный раздел Фонотеки включает 42 единицы хранения. Записи, относящиеся к этой группе, снабжены индексом «С».

С середины 1960-х гг. начинается работа по сбору материалов для новой темы: «Русская разговорная речь». В процессе проведения записей разговорной речи вырабатывались новые приемы работы с информантами. Сотрудник, производящий запись, являлся не просто интервьюером, задающим наводящие вопросы и пытающимся «извлечь» из информанта нужные слова и грамматические формы. Исследователь превращался в активного «со-беседника» информанта. Он участвовал в беседе на равных: спорил или соглашался с информантом, иногда даже перебивал его, отстаивая свою точку зрения, смеялся, спорил и т. п. Задача состояла в том, чтобы создать максимально естественные условия коммуникации, заставить собеседника забыть о том, что его записывают и вести себя непринужденно, спонтанно порождая разговорные речевые формы. Ведь согласно базовой теоретической установке исследователей, основными экстралингвистическими параметрами, определяющими выбор разговорной речи как особой функционально-речевой разновидности русского литературного языка, являются: неподготовленность, непосредственность и неофициальность общения коммуникантов¹⁰.

Приведем фрагмент беседы приятельниц, записанный в Ленинграде в 1964 г. На пленке представлен разговор между Е.А. Земской (Е.З.) и информанткой Е.К. (женщина 30 лет, преподаватель вуза, коренная ленинградка):

Е.К. Лен/ а у тебя-то ребёнок-то большой совсем наверно?

Е.З. У меня в восьмом классе//

Е.К. Я и говорю//

[Е.З. Светка знает/ это совершенно большая девица// Да//

[Е.К. Я и говорю/ ребёнок большой//

Е.З. Ребёнок у меня огромный// Она так ра... рвалась со мной в Ленинград//

Е.К. А она наверно в школе? Да?

Е.З. Она в школе// Она ж не может неделю не ходить в школу//

Е.К. Угу//

Е.З. Она очень хотела// Она вообще любит Ленинград/ она несколько раз была... Лен/ ну не возись ты (нрзбр.)

Е.К. Да ну страшное дело! Господи! Если б я готовила// Ну и что//
Всё щас уже я чайку только подогрею//

Записи разговорной речи производились в двух городах – в Москве и в Ленинграде. Количество материалов, полученных в Ленинграде – около 180 пленок; приблизительно столько же было записано в Москве. Около 50 единиц хранения составляют записи телефонных разговоров.

Как проводилась паспортизация записей разговорной речи

В основу классификации собранных материалов был положен жанровый принцип членения разговорной речи. Авторы серии монографий «Русская разговорная речь» писали: «При собирании материала мы стремились к тому, чтобы охватить как можно большее число типов привычной реализации разговорной речи, чтобы в поле исследования ее оказались все главные жанры ее, все виды»¹¹.

Классификация типов разговорной речи базировалась прежде всего на параметре «число участников речи», т.е. выделялись такие разновидности, как *монолог*, *диалог*, *полилог*.

Записанные монологи, как правило, представляли собой развернутые рассказы информантов о чем-либо: воспоминания о прошлом, актуальные события и т. п. Соответственно записи получали в зависимости от их жанровой принадлежности индексы: «М», «Д», «П» («М» – монолог, «Д» – диалог, «П» – полилог). Обычно запись проводилась на протяжении достаточно долгого времени (от 20 минут до полутора-двух часов), поэтому жанровый статус общения нередко менялся: оживленная беседа-полилог могла перейти в развернутый рассказ о чем-либо, а монологическое сообщение завершиться спором между собеседниками. В этом случае на коробке с магнитофонной пленкой жанровые характеристики записи индексировались соответствующим образом: М – Д. Указывался также город, где была произведена запись (М – Москва, Л – Ленинград).

Особую группу составили записи разговоров в семье, проводившиеся в течение дня. Они представляют собой последовательную смену различных в жанровом отношении речевых фрагментов, в основном небольших по объему: микродиалогов, стереотипов, отдельных реплик монологического характера. Подобные записи погружают слушателя в повседневный речевой мир семьи, позволяют

представить ее реальное языковое существование. Это в большинстве своем ситуативно прикрепленные реплики, заданные актуальной ситуацией. Компрессивность, высокая эллиптичность подобных текстов определяется «общностью апперцепционной базы» коммуникантов. Материалы подобного типа впервые были опубликованы в первой хрестоматии разговорной речи в 1973 году. Вот небольшой фрагмент из этой книги¹² (магнитофонная запись расшифровки хранится в Фонотеке):

(В спальне В. и Б.)

В. *(просыпаясь)* Сколько уже?

Б. Полвосьмого//

В. Угу// Надо будить// *(ребенка)*

Б. Ну подожди до без пятнадцати//

В. Угу//

(Б. уходит в кухню. В. будит ребенка и занимается с ним)

В. *(входит)* Ну что/ творог? *(приготовить для ребенка)*

В. Давай творог// *(Б. снова уходит)*

Б. *(входит)* Я творог// И яичко ему ещё/ уже сам// *(приготовь)*

В. Ладно/ ладно//

Нужно заметить, что запись, обработка и анализ аутентичных материалов русской разговорной речи впервые была предпринята в конце 1960-х – начале 70-х гг. В последующие годы эта работа была продолжена рядом других ученых. Одно из последних исследований такого рода – это проект «Один речевой день», осуществляемый учеными Санкт-Петербургского университета¹³.

Помимо домашних разговоров, отражающих повседневный речевой быт семьи, имеется небольшое число записей (приблизительно около 20 единиц хранения), записанных в открытом городском пространстве, где реализуются совсем особые жанры – так называемые стереотипы и городские микродиалоги. Запись городской устной речи производилась также в Москве и Ленинграде. К сожалению, качество этих материалов не вполне хорошее, тем не менее, они имеют особую ценность, т. к. представляют собой синхронный срез речевой жизни мегаполиса 1960-х – 70-х гг. Позднее, с появлением более совершенной звукозаписывающей аппаратуры, появилась возможность делать более качественные записи городской устной речи. В Фонотеке отдела хранятся материалы, относящиеся к разным временным периодам жизни мегаполиса: конец 1980-х годов (время тотального дефицита), начало 1990-х (реформы в экономике, отпуск цен), 2000-е гг. Таким образом, пользователи Фонотеки располагают возможностью для сопоставления и анализа повседневного речевого обихода горожан на разных временных срезах. Так, наблюдения за микродиалогами покупки 1960-х гг. и их сопостав-

ление с современными магазинными стереотипами позволяют выявить новые тенденции в речевой жизни современного мегаполиса, с одной стороны, и отметить старые, сохранившиеся до наших дней модели¹⁴. Напомним читателям некоторые фрагменты магазинных разговоров пятидесятилетней давности, зафиксированные на пленках.

Булочная: Столовый и батончик; Половину орловского и три калорийки; – Круглый свежий? – Нет // – А булки? – Булки только получены //; Батон тринадцать / булочка девять //.

Молочный отдел: Кефир есть у вас?; Ряженка есть / или кончается?; Два молока / и масло сливочное //; Скажите / у вас творог в пачках сколько стоит?

Касса продовольственного магазина: Шестнадцать хлеб //; Два двадцать семь в вино //; Рубль двадцать две первая (секция) / конфеты //; Есть пять бутылок // Два молока и триста колбасы //; Две бутылки молока / посуда есть / и сыр за двадцать //.

Рис. 1. Так выглядят коробки с магнитофонными записями – единицами хранения Фонотеки

На коробке, в которую вложена пленка, представлена необходимая информация о записи. Указываются следующие параметры: дата записи, некоторые технические характеристики (скорость, количество дорожек, качество и т.п.), участники разговора (из соображений конфиденциальности указываются лишь инициалы; полная информация об информантах содержится в специальной картотеке), краткое его содержание и замечания об условиях записи (напри-

мер: *обстановка непринужденная, в начале беседы информант немного скован и т.п.*); порядковый номер записи в Фонотеке, город, где производилась запись (М – Москва, Л – Ленинград) и жанровая характеристика, имя сотрудника, производившего запись. Если запись расшифрована, то эта информация содержится обычно в правом верхнем углу в виде аббревиатуры: РГБ (расшифровано Г.Бариновой), РЕШ (расшифровано Е.Ширяевым).

Информанты Фонотеки

Особо следует остановиться на характеристике информантов. В 1960-е гг, когда изучение разговорной речи только начиналось, выбор информантов производился наиболее тщательно. Необходимо было записать абсолютно бесспорных носителей образцовой литературной речи, чтобы снять возможные возражения типа: «Вы записываете людей, не владеющих литературной нормой»; «Это никакая не разговорная речь, а просто речь неграмотная, вы фиксируете речевые ошибки» и т. п. Среди информантов очень много представителей московской и ленинградской интеллигенции, это, можно сказать, цвет российской культуры 1960-х – 70-х гг., ее интеллектуальная элита. Большинство людей, чьи голоса звучат на магнитофонной пленке, увы, уже нет в живых, и таким образом, Фонотека приобретает теперь особую историко-культурную ценность.

В подтверждение приведем два коротких фрагмента из записей 1972 года. Первый – разговор Е.А. Земской с Д.С. Лихачевым. В этом отрывке Дмитрий Сергеевич рассуждает о старом петербургском произношении и упоминает о речевой манере сотрудника Пушкинского дома, выдающегося филолога-пушкиниста, Николая Васильевича Измайлова. А второй фрагмент – это запись речи самого Николая Васильевича.

1.

Д.Л. Но дело в том что/ петербургского-то произношения не сохранилось ни у кого//

Е.З. Очень мало/ но наверно всё-таки есть//

Д.Л. Вымер город// Вымер вот/ в блокаду//

Е.З. Ну я понимаю// Но не совсем все...

Д.Л. Блокада/ потом война/ потом/ революция/ полная смена//

Е.З. Переезды всякие// Всё это//

Д.Л. Так шо скажем кто/ вот в нашем институте/ там больше ста человек/ родился/ в Петербурге? Кроме молодёжи/ из стариков? Измайлов// Больше никого// По-моему больше никого//

Е.З. А Измайлов нет!

Д.Л. Не/ в Петербурге?

Е.З. Нет-нет-нет-нет//

Д.Л. А!

Е.З. Он из Нежина// Ну так он родился в собственном поместье//
(смеется) Он там воспитывался// Вы его записали/ да?

Е.З. Да/ мы его записали/ очень хорошо// Да//

Д.Л. Это очень важно// Потому что хотя он уверяет что у него/ вот эта картавость/ э... от французского языка/ на самом деле/ это настоящее училище правоведения/ как я его помню//

Е.З. Я тоже думаю что это не/ не французское/ да//

Д.Л. Нет-нет/ это правоведение// Это училище правоведения//
Такой/ такой там был приём//

II.

Н.И. Когда я приехал сюда/ моя первая поездка/ по Невскому/ была на имперiale конки// С которой было очень хорошо смотреть// Но уже были проведены пути/ поставлены трамвайные столбы/ всё подготовлено// Но в Москве значительно раньше// Пошёл трамвай//

Е.З. А в Москве когда?

Н.И. В Москве? Вероятно в самом начале/ девятисотых годов// Я/ не знаю точно когда// Но московский трам...московский трамвай был хуже нашего//

Е.З. Хуже?

Н.И. Потому что там были/ очень узкие и высокие вагоны/ и на московских поворотах и горках/ они страшно раска...

Е.З. Падали?

Н.И. Не/ ну не падали/ они страшно раскачивались// Находу// А здесь у нас/

Е.З. Всё было ровно?

Н.И. Здесь всё очень ровно/ широкие улицы/ мягкие повороты//

Заключение

Мы рассказали о составе лишь одной части нашей Фонотеки Отдела современного русского языка – записях 1960-х – 70-х годов. В 1980-е, 1990-е и т. д. продолжался сбор аутентичных материалов устной речи в связи с разработкой других плановых тем и решением других теоретических задач.¹⁵

В настоящее время ведется работа по оцифровке магнитофонных записей, их паспортизации и классификации. Перед нами стоят задачи сведения в один общий корпус разнородных материалов, собранных на протяжении полувека, объединения их по ситуативно-жанровому принципу. Необходимо внести ряд изменений и уточнений также и в систему паспортизации.

Корпус аутентичных текстов устной речи, собранный сотрудниками Отдела, уже не одно десятилетие служит надежной эмпирической основой для фундаментальных лингвистических исследований Отдела. И, вероятно, может быть использован в дальнейших исследованиях, при этом – не только сотрудников Института русского языка. Кроме того, собирание и исследование материалов устной спонтанной речи не является лишь сугубо лингвистической задачей. Изучение речевого мира повседневности, в частности, его языковой стороны, представляет собой один из возможных аспектов исследования русской повседневной жизни в целом.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Соглашение № 14-04-00398/14, проект «Прагматические и лингвокультурные константы неформального русского общения».
- ² Переиздана в двухтомнике: *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. / Под ред. Е.А. Земкой и М.С. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 197 - 304.
- ³ Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1: Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968; Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 2: Словообразование современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968; Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968; Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 4: Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968.
- ⁴ Вопросник по современному русскому литературному произношению / Сост. М.В. Панов. М.: Наука, 1960; Вопросник по современному русскому словообразованию / Сост. Р.В. Бахтурина, отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1963; Вопросник по современной русской морфологии / Отв. ред. И.П. Мучник, М.: Наука, 1963; Вопросник по современной русской лексике / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1964.
 О методике составления вопросников и технике проведения опросов см.: *Панов М.В.* О том, как составлялся вопросник по произношению // Развитие фонетики современного русского языка (фонологические подсистемы). М.: Наука, 1971. С. 294–301; *Баранова Г.А., Панов М.В.* О том, как кодировался фонетический вопросник // Там же. С. 302–314; *Баранова Г.А., Ильина Н.Е., Кузьмина С.М.* О том, как проверялся вопросник по произношению. // Там же. С. 315–342. См. также Крысин Л.П. Объект и методы исследования // Русский язык по данным массового обследования / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Наука, 1974. Гл. 1. С. 5–37.
- ⁵ *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису разговорной речи. М.: Наука, 1960.

- ⁶ *Высотский С.С.* О московском народном говоре // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 22–37.
- ⁷ Едва ли не единственный документ подобного рода – это записки Евгении Григорьевны Кисилевой, опубликованные в книге: *Козлова Н.Н., Сандолмирская И.И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.
- ⁸ См.: *Крысин Л.П.* Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 56. Тенденция к «сдвигам» внутри данной подсистемы русского национального языка, была замечена исследователями в середине 1980-х гг. прошлого века. *Л.А. Капаназде* писала: «В последнее время происходит “смена вех” в русском просторечии: изменяется социальный состав его носителей, изменяется и лингвистическая “материя”, сам набор языковых единиц, составляющих просторечный слой современного городского разговорно-обиходного языка. Если в XIX – начале XX вв. городское просторечие формировали диалектные словоупотребление и городское койне, то к 60-м годам нашего века такими языковыми доминантами становятся жаргоны и “мещанизмы” разного рода. Различие этих двух просторечных стихий очевидно» (*Капаназде Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 11–12). Отметим, что в наше время выявленная исследовательницей тенденция проявилась еще более отчетливо.
- ⁹ *Морозова Т.С.* Некоторые особенности построения высказывания в просторечии // Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. С. 141–167; *Журавлев А.Ф.* Опыт количественно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 84–150; *Китайгородская М.В.* Наблюдения над построением устного просторечного текста // Там же. С. 156–181.
- ¹⁰ Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973.
- ¹¹ Там же. С. 35.
- ¹² Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978. С. 218.
- ¹³ *Богданова Н. В., Асиновский А. С., Маркасова Е. В., Степанова С. Б., Супрунова А.В., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Труды международной конференции «Диалог 2010». М., 2010. С. 41–46.
- ¹⁴ О новом и старом в городском общении москвичей см., например, в книге: *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: 2010. С. 278–380 (Глава 3. Языковое существование современного горожанина в ситуациях и жанрах).
- ¹⁵ Более поздние записи, хранящиеся в Фонотеке, частично представлены в следующих работах: *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995; *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999 (1-е издание); М.: Научный мир, 2005.

С.А. Крылов, А.Я. Шайкевич

Владислав Митрофанович Андриющенко: к 80-летию ученого

Владислав Митрофанович Андриющенко известен, главным образом, как инициатор широкого проекта «Машинный фонд русского языка», разработанного им в 1980-е гг., но так и не осуществленного в запланированном масштабе. В статье дается описание жизни Андриющенко в контексте эпохи.

Ключевые слова: Владислав Митрофанович Андриющенко, Машинный фонд русского языка, машинный перевод.

Владислав Митрофанович Андриющенко родился 20 февраля 1934 г. Путь его к тому, что станет делом жизни, начинался рано. Уже в средней школе он полюбил немецкий язык, а серьезное лингвистическое образование получил в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ) – весьма солидном вузе послевоенной Москвы. В середине 1950-х гг. ВИИЯ был расформирован, профессура и студенты перешли в Московский государственный педагогический институт иностранных языков (МГПИИЯ), который В. М. Андриющенко и закончил в 1957 г. (Бывшие «ВИИЯковцы» навсегда сохранили

В.М. Андриющенко

чувство корпоративной взаимовыручки, часто помогавшее им в дальнейшей жизни). В аспирантуре МГПИИЯ наш герой занимался историей немецкого языка (научным руководителем была О.И. Москальская, тоже пришедшая из ВИИЯ), темой диссертации был «Синтаксис Томаса Мюнцера»¹. С 1962 г. В.М. Андриющенко преподавал немецкий язык на межфакультетской кафедре МГУ и вел занятия по истории немецкого языка со студентами филфака. (Любопытно, что на той же кафедре в то время обретались Б.А. Успенский и О.Г. Ревзина). Казалось бы, начинается обычная научная карьера германиста. Но...

Рубеж 1950-х и 1960-х гг. был временем тесных контактов лингвистов и математиков. Взаимный интерес был очень велик, пер-

спективы казались многообещающими, но все же неясными. Одних увлекала идея построить теоретические основания лингвистики, опираясь на математическую логику. Другие связывали свои надежды с общественно значимой задачей машинного перевода. Третьи пытались внедрить статистику в языкознание. Владислав Митрофанович всерьез принялся за математическое самообразование. Он ходил на занятия Ю. А. Шихановича в МГУ, посещал семинары Ю. А. Шрейдера в ВИНТИ, один из немногих лингвистов он овладел практическим ремеслом программирования. Интерес к задачам сопряжения ЭВМ и лингвистики вызрел и у университетского начальства, но инициатива шла снизу. В 1964 г. была создана межфакультетская лаборатория, чье первоначальное название «Лаборатория структурной типологии языков и лингвостатистики» хорошо отражает тогдашние научные устремления соответственно Б.А. Успенского и В.М. Андриющенко.

Если Б.А. Успенский все больше уходил в теоретическую семиотику, то В.М. Андриющенко как заведующий лабораторией чем дальше, тем больше становился научным организатором, проявив на этом поприще незаурядные таланты. Сейчас (из XXI века) трудно даже представить себе те трудности, с которыми он должен был столкнуться полвека тому назад. Начать с того, что в лаборатории не было своей ЭВМ. Было устройство для считывания информации с перфокарт и возможность арендовать машинное время за пределами МГУ. Сизифовым трудом становится отлаживание программ, когда одна за другой лампы оборудования выходят из строя. Тем не менее, лаборатория набирала силу, вскоре она стала называться «Лабораторией вычислительной лингвистики». Выполняя самые разные задачи университета (вплоть до учета отметок в аттестатах абитуриентов), лаборатория завоевывала доверие начальства. В 1977 г. она переезжает на Ленинские горы и получает собственную ЭВМ «Минск-32». В 1964 г. в ней было четыре сотрудника, теперь под началом Андриющенко было больше сотни человек.²

К этому времени академическая общественность осознала отставание нашей страны в сфере информатизации родного языка. Во Франции, например, зримым доказательством успехов Института французского языка (Нанси) стал *Dictionnaire des frequences* (1971), построенный на корпусе литературных текстов объемом более 70 млн. словоупотреблений. Позднее этот институт создаст монументальный и образцовый многотомный словарь «*Trésor de la langue française*». В 1978 г. профессор Новосибирского университета (будущий академик) А.П. Ершов, специалист по технологии программирования, на конференции «Диалог-78» делал доклад, посвященный

диалогу человека с ЭВМ. В нем он произнес важные слова: «Любой прогресс в области построения моделей и алгоритмов останется... академическим упражнением, если не будет решена наиважнейшая задача создания Машинного фонда русского языка. Это фундаментальная проблема, решение которой будет иметь очень большую научную, общекультурную и прикладную ценность». Слово было найдено. Личное знакомство с Ершовым окрылило Андриющенко. В основание будущего фонда стали закладываться первые краеугольные камни. Был оцифрован первый сравнительно небольшой корпус устной речи (Саратовский корпус). Из опытов переноса словарей на машинные носители наибольшее значение имела оцифровка «Грамматического словаря» А.А. Зализняка, быстро разошедшегося по самым разным автоматическим системам, имеющим дело с русскими текстами.

Между тем, над нашим будущим юбиляром сгустились тучи. К этому времени был облегчен выезд из СССР, и некоторые сотрудники лаборатории оказались эмигрантами, что, конечно, вызвало недовольство партийных и других компетентных органов. Скоро нашелся и повод для того, чтобы наказать неугодного заведующего. Издавая в 1982 г. сборник докладов Совместного советско-французского семинара «Актуальные вопросы практической реализации автоматического перевода», В.М. Андриющенко своей властью восстановил ссылки на И.А. Мельчука и В.А. Московича, вычеркнутые было боязливymi редакторами. В ответ на возмущение начальства он просто объяснил, что дал слово авторам докладов оставить их статьи в неизменном виде. Для В.М. Андриющенко понятие чести не пустой звук, у начальства на этот счет другие взгляды. Впрочем, гонители сразу успокоились, когда он ушел с заведования лабораторией.

В.М. Андриющенко нашел сочувствие и поддержку у Ю.Н. Караулова, директора Института русского языка Академии наук. В феврале 1983 г. Ершов, Караулов и Андриющенко открывали Всесоюзную конференцию по проблемам создания машинного фонда данных для автоматизированной системы лексикографических исследований. Труды конференции были изданы в 1986 г. под заголовком «Машинный фонд русского языка: идеи и суждения» (19 более или менее пространных докладов и 37 кратких выступлений). Обзорная статья Андриющенко в этом сборнике называлась «Концепция и архитектура машинного фонда русского языка» (это же название имела его докторская диссертация, защищенная в 1986 г., в 1989 г. опубликованная как отдельная книга). В начале статьи автор поименно благодарит тех, кто ответил на вопросник, разосланный перед конференцией (более 30 человек), и добавляет следующее:

«Материалы...» автор обсуждал с А.П. Ершовым, Ю.Н. Карауловым, Ю.Д. Апресяном, И.А. Большаковым, А.С. Гердом, О.С. Кулагиной, М.Н. Реммелем, Г.С. Цейтиным, мнение которых оказало наибольшее влияние на формирование точки зрения автора, который стремился в той или иной мере учесть и обобщить все предложения и замечания».

Обратим особое внимание на три черты, проявившиеся в этой работе и характеризующие **научную этику**, свойственную личности Владислава Митрофановича Андриященко:

- (1) учет мнений **разных** ученых (причем довольно **многих**, и при этом принадлежащих к **разным** учреждениям и коллективам);
- (2) проявление человеческой **благодарности** тем ученым, которые внесли свой вклад в разработку концепции и архитектуры МФРЯ (Машинного фонда русского языка);
- (3) **эксплицитное указание на авторство идей и предложений**, проявившееся при изложении тех или иных мнений.

Теперь перейдем к **собственно научной** стороне дела.

Концепция и архитектура МФРЯ, разработанная В.М. Андриященко (на основе интегрирования мнений научного сообщества), является глубоко продуманной и сохраняет свою актуальность спустя тридцать лет после конференции. Согласно этой концепции машинный фонд включает (1.1) иллюстративно-текстовой фонд; (1.2) генеральный словник (аналог Сводного словаря русских словарей Р.П. Рогожниковой); (1.3) автоматический толковый словарь-тезаурус; (1.4) автоматическую документально-фактографическую информационную систему по русистике.

В совокупности эти четыре компонента образуют «информационное обеспечение МФРЯ». «Инструментальное обеспечение МФРЯ» сосредоточено в процессоре русского языка (включающем формальный словарь русского языка, формальную грамматику русского языка, лингвистические алгоритмы анализа и синтеза текста, а также программное обеспечение.

С приходом Горбачева к власти охранительный инстинкт партийных органов стал слабеть, и Караулову наконец удалось полностью перевести Андриященко в Институт русского языка. Здесь был создан особый отдел машинного фонда, где В.М. Андриященко стал *de facto* руководителем компьютерной части, а с 1992 г. и руководителем *de jure* уже уменьшившегося отдела. Во второй половине 1980-х гг. состоялись еще две конференции по машинному фонду русского языка и других языков СССР. В обзорной статье 1990 г. (*Russian Linguistics* 14, 171-179) Андриященко пополняет список

проектируемых компонентов МФРЯ – добавлены Фонетический фонд, Диалектологический фонд, Терминологический фонд. Перечисляются уже сделанные работы – Автоматические варианты Диалектологического атласа русского языка и Синтаксического словаря русского языка Г.А. Золотовой, указывается на расширение текстовых фондов (общественно-политический, фольклорный и т.п.).

В тяжелые 1990-е гг., когда финансирование академии было так нестабильно, многолетняя программа исследований претерпела неизбежные изменения. С одной стороны, перед отделом встала важная техническая задача - переход на персональные компьютеры не только в самом отделе, но и во всем институте. С другой стороны, появление сканеров облегчало создание коллекций литературных текстов, прежде всего, XIX в., где не возникало конфликтов с авторским правом. Машинный фонд русского языка к своим планируемым функциям мог бы добавить еще одну – снабжать пользователей общезначимыми текстами прошлого, стать чем-то вроде Оксфордского архива текстов или Проекта Гутенберга. И на этом новом пути ярко проявилось бескорыстие Владислава Митрофановича. Как только заканчивалась проверка электронных текстов писателя, они тут же выставлялись в Интернете для бесплатного копирования. Эта практика вызывала негодование некоторых коллег-прагматиков, но одновременно способствовала росту коллекций текстов на компакт-дисках вроде замечательной Библиотеки Мошкова.

Проект строительства машинного фонда, детально разработанный В.М. Андриющенко в 1980-е годы, увы – не был осуществлен в полном объеме. Болезни заставили ученого стать пенсионером, но из своего дома он продолжает поддерживать сайт машинного фонда (cfrl.ru), а как исследователь он вернулся к научным увлечениям полувекковой давности – к лингвостатистике, для которой только сейчас (при наличии большого корпуса текстов, при современной программной и технической оснащенности) открываются новые перспективы.³

Пожелаем же Владиславу Митрофановичу Андриющенко здоровья и сил для осуществления всего задуманного.

Примечания

¹ С ее основными идеями можно познакомиться по статье: *Андриющенко В.М.* Базисные модели простого и сложного предложений (опыт дескриптивного синтаксиса произведений Томаса Мюнцера) // Вопросы германской и романской филологии. Уч. записки 1-го МГПИИЯ. М., 1963.

- ² Теперь она называется Лабораторией автоматизированных лексикографических систем. Само понятие автоматизированных лексикографических систем было введено в статье: *Андриющенко В.М.* Автоматизированные лексикографические системы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- ³ Именно В.М. Андриющенко осуществлена подготовка электронных версий трех обширных словарей в кн.: *Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А.* Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. М.: Языки славянских культур, 2003; *Они же.* Статистический словарь языка русской газеты (1990-е годы). Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2008; *Они же.* Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850 – 1870-х гг. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2013.

О.А. Казакевич, С.Ф. Членова

Полвека Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова

Рассматривается история и современное состояние исследований и прикладных работ в одном из известных лингвистических центров Москвы. В заключение формулируется общая культурная установка, объединяющая многочисленные направления работы Лаборатории.

Ключевые слова: автоматизация лингвистических исследований, типология языков, корпусная лингвистика, документация исчезающих языков, сохранение культурного и языкового многообразия.

Бродячая лаборатория, меняющая имена

Лаборатории автоматизированных лексикографических систем была основана 24 апреля 1964 г. под названием «Лаборатория структурной типологии языков и лингвостатистики». В названии отразились научные интересы ее создателей – двух молодых, только что защитившихся, талантливых и энергичных кандидатов филологических наук Бориса Андреевича Успенского и Владислава Митрофановича Андрущенко. Первоначально лаборатория состояла при кафедре немецкого языка для гуманитарных факультетов и имела статус межкафедральной, потом ее ненадолго передали в Институт восточных языков (нынешний Институт стран Азии и Африки). В 1968 г. лаборатория становится межфакультетской и получает новое название – «Лаборатория вычислительной лингвистики».

Однако и на этом странствия лаборатории по административному пространству МГУ и смена имен не закончились. В 1977 г. лабораторию переводят на экономический факультет, а в 1979 – в Научно-исследовательский вычислительный центр (НИВЦ), существовавший в то время в рамках факультета вычислительной математики и кибернетики, а в 1982 ставший самостоятельным подразделением МГУ. Последнее переименование произошло уже в

структуре НИВЦ в 1988 г., когда лаборатория получила то имя, с которым живет и по сей день.

С момента основания и до 1983 г. заведующим лабораторией был Владислав Митрофанович Андрущенко; фактически он руководил работой лаборатории и после своего смещения с поста заведующего вплоть до перехода в Институт русского языка АН СССР в 1987 г. Административные обязанности зав. лаба в это время выполняла Дина Абрамовна Бухштаб. В 1993 заведующим лабораторией стал Валерий Закиевич Демьянков, выпускник ОСиПЛ'а (Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ), к тому времени уже защитивший докторскую и ставший профессором. С 2007 г. лабораторией заведует Ольга Анатольевна Казакевич, тоже выпускница ОСиПЛ'а.

Деятельность: история

Первоначальное название – «Лаборатория структурной типологии языков и лингвостатистики» – обозначило два главных направления в её деятельности, разворачивавшейся в русле магистральных течений мировой лингвистики конца 50-х – начала 60-х годов прошлого века.

Сравнительно-типологическое направление возглавлялось Б.А. Успенским, прошедшим стажировку в лаборатории Луи Ельмслева при Копенгагенском университете. В 1962 и 1965 гг. вышли две книги Б.А. Успенского, первые в нашей стране монографии по этой проблематике¹.

Научная группа Б.А. Успенского (О.Г. Ревзина, В.М. Живов, С.Ф. Членова) занималась разработкой общей теории грамматических категорий и методов типологического описания в области грамматики, словообразования, фонологии, а также методологии универсалий². Поиск универсальных категорий, в системе которых можно было бы описывать не только язык, но и литературу, историю, культуру и даже внекультурную сферу, сформировал Московско-Тартускую школу семиотики. Б.А. Успенский, О.Г. Ревзина и В.М. Живов были активными участниками конференций в Кяэрику и авторами статей в знаменитых тартуских «Трудах по знаковым системам, издававшихся под редакцией Ю.М. Лотмана.

Большой известностью пользовались проводившиеся лабораторией регулярные открытые семинары. На Моховой, где лаборатория обреталась до 1977 г., собиралась вся лингвистическая Москва. Обсуждались новейшие концепции в разных областях гуманитарного знания. Достаточно перечислить имена докладчиков: В.М. Иллич-Свитыч, Г.П. Щедровицкий, Ю.М. Лотман, А.А. Зализ-

няк, Б.А. Успенский, А.К. Жолковский, Г.П. Мельников, Вяч. Вс. Иванов, В.В. Биbihин, А.Я. Шайкевич, Ю.Д. Апресян и другие.

Возглавлявший второе направление Владислав Митрофанович Андриющенко, в должности заведующего лабораторией проявил себя как выдающийся организатор науки. Впечатленный первыми успешными опытами машинного перевода середины 1950-х, он увлекся идеей использования ЭВМ в филологических исследованиях. В.М. самостоятельно, посещая семинары ОСиПЛА и ВИНТИ, изучал математику, теорию вероятностей, основы программирования. Всему, чем овладевал сам, он старался обучить сотрудников лаборатории, устраивая лекции и занятия по основам математической логики и математического моделирования.

Во главе с Андриющенко группа лингвостатистики (поначалу также весьма малочисленная) занималась лексикографическими проектами, используя статистические методики для создания разнообразных частотных словарей и исследования текстов на естественном языке. Лаборатории приходилось заниматься и нелингвистическими задачами. К ее помощи прибегала администрация университета для составления расписания занятий, учета оценок в аттестатах абитуриентов и т.п. На ее базе проводили исследования научные подразделения МГУ. Например, группа археологов из Института восточных языков (под руководством Д.В. Деопика) применяла статистические методики для обработки данных по большому объему фрагментов керамики с целью установления их временной локализации.

Сначала в распоряжении лаборатории были только ненадежные механические устройства для считывания информации с бумажных перфокарт, машинное время приходилось арендовать у других организаций. Тем не менее уже тогда началась разработка автоматизированных программных систем «АЛЕКС» и «ДУПЛЕКС» для создания словарей машинного перевода.

Со временем техническое оснащение лаборатории совершенствовалось, увеличивался штат сотрудников. Многие приходили сюда после ОСиПЛА, близкого лаборатории по приверженности точным методам в гуманитарных науках, по свободной интеллектуальной атмосфере. Пик численности сотрудников приходится на середину 70-х гг., тогда в лаборатории работало больше сотни человек, правда, в основном по хоздоговорам.

При этом расширялся диапазон и увеличивалась сложность решаемых задач. Так, семантически и синтаксически продвинутая система «Мультилек», разрабатывавшаяся по хоздоговору с ВЦП, предназначалась для многоязычного машинного словаря, в лаборатории занимались построением формальной грамматики, описываю-

щей структуру статей в энциклопедических словарях (хоздоговор с «Советской энциклопедией»), а также словарей филологических. Среди последних – подготовленный сотрудниками лаборатории под руководством Н.В. Павлович автоматизированный «Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII-XX веков»³.

1977 г. ознаменован двумя существенными для дальнейшей жизни лаборатории событиями: ядро типологической группы (Б.А. Успенский, В.М. Живов, О.Г. Ревзина) переходит на филологический факультет МГУ, а лаборатория получает, наконец, в свое распоряжение ЭВМ ЕС 1020 и помещение на Ленинских Горах во втором гуманитарном корпусе. Однако лаборатория теряет межфакультетский статус, войдя в состав экономического факультета. Спустя два года при переводе в НИВЦ, резко сокращается численность сотрудников (до 30 с небольшим человек).

С самого основания важной гранью деятельности лаборатории как серьезного научного центра было издание сборников, отражающих разнообразную тематику проводимых в ней исследований. Сборники были посвящены грамматике и типологии языков, теоретическим и прикладным аспектам вычислительной лингвистики, автоматической обработке текстов на естественном языке. Редактором сборников неизменно был В.М. Андриященко⁴.

Владислав Митрофанович организовывал и поддерживал научную деятельность не только своих сотрудников, организованные при его активнейшем участии семинары для сотен компьютерных пользователей со всей страны, проходили в актовом зале МГУ. В.М. был соратником А.С. Нариньяни в учреждении существующих и поныне междисциплинарных теоретико-практических конференций «Диалог», объединяющих лингвистов и программистов. Вдохновленный идеей необходимости создания машинного фонда русского языка, высказанной академиком А.П. Ершовым в конце 1980-х, В.М. Андриященко стал одним из главных организаторов трех всесоюзных конференций «по проблемам создания машинного фонда данных для автоматизированной системы лексикографических исследований» (1983, 1987, 1989 гг.). В подготовке этих конференций, а также в последующей подготовке материалов конференций к публикации были задействованы многие сотрудники лаборатории.

Вполне естественно, что лаборатория, наряду с академическим Институтом русского языка, стала колыбелью Машинного фонда русского языка, местом создания корпусов текстов и словарных баз данных, которые и сейчас используются для прикладных и теоретических лингвистических исследований. Силами лабора-

тории были введены в компьютер и организованы в базу данных «Орфографический словарь русского языка», словарь «Слитно или раздельно?» Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой, «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова и, наконец, словарь, на который сегодня опираются все автоматические системы морфологического анализа русского языка – «Грамматический словарь русского языка: Словоизменение» А.А. Зализняка. В лаборатории был оцифрован и отлемматизирован Саратовский корпус устной речи, ставший первым компьютерным корпусом русских устных текстов.

На Второй всесоюзной конференции по созданию Машинного фонда русского языка (1987 г.), наряду с докладами о работе над словарными и текстовыми базами данных по русскому языку, были представлены доклады о работе над машинными фондами языков народов СССР, в двух из них речь шла о проектах машинных фондов бесписьменных и младописьменных языков Сибири (О.А. Казакевич, ЛАЛС НИВЦ МГУ) и Дальнего Востока (А.С. Асиновский, сектор палеоазиатских и самодийских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР). Так в лаборатории началась работа над машинными фондами малых языков Сибири, первым из которых стал селькупский⁵.

В лаборатории сформировались программисты-основные работчики текстовой и словарной баз данных Машинного фонда русского языка Ж.Г. Аношкина (Мошкович), Л.И. Колодяжная и Е.Н. Морозова, составившие в 1987 г. вместе с В.М. Андрущенко ядро Отдела машинного фонда в Институте русского языка.

Настоящее

В начале 1990-х лаборатории входила в состав Отдела информатики НИВЦ. Основная часть ее сотрудников работала по договорам. В 1992 г. после избрания ректором МГУ В.А. Садовниченко, всех сотрудников, работающих в МГУ длительное время по договорам, переводят в штат. К началу 2000-х лаборатория становится самостоятельным подразделением НИВЦ. Стремительное развитие вычислительной техники, переход с больших ЭВМ на персональные компьютеры открывало новые возможности для проведения прикладных и собственно лингвистических исследований. В эти годы лаборатория в лице Э.К. Лавошниковой внесла существенный вклад в развитие работы спел-чекеров для русскоязычных текстов⁶.

Сегодня в лаборатории работает 17 человек. Костяк составляют сотрудники «андрущенкоковского» набора, но есть и молодежь (надемся, они смогут отпраздновать лабораторское столетие).

Лаборатория многолика, но основные направления работы вполне гармонично продолжают и развивают изначальные устремления ее основателей. Общая тема лаборатории на ближайшие несколько лет – «Лингвистическое моделирование нестандартных текстов и проблема выбора адекватной модели описания различных языковых уровней и процессов». Собственно, именно нестандартность – в выборе материала, в подходе к анализу материала, в использовании различных средств работы с материалом, в том числе и технических, – вот то, что объединяет все направления нашей сегодняшней работы.

Документация и исследование исчезающих языков

Ведется работа с языками двух регионов: Западной и Центральной Сибири (О.А. Казакевич – руководитель, Т.Б. Багаряцкая, Е.М. Будянская, Д.М. Вахонева, М.И. Воронцова, Ю.Е. Галямина, Т.Е. Реутг, В.С. Хоружая) и Молуккского архипелага (С.Ф. Членова). Если по Молуккам С.Ф. Членова занимается обработкой собственного полевого архива 1960-х гг., постепенно делая достоянием специалистов материалы мало изученных или вовсе не изученных языков Юго-Восточной Азии⁷, то для сибирских документационных проектов неперменной составляющей являются ежегодные лингвистические экспедиции в места проживания носителей исчезающих языков. С 1993 г. на базе лаборатории или при ее участии было проведено 22 экспедиции. Все экспедиции были организованы при поддержке научных фондов, прежде всего РФФИ и РГНФ. В экспедициях регулярно принимают участие студенты, с 2005 г. это прежде всего студенты Института лингвистики РГГУ, с которым лаборатория тесно сотрудничает⁸.

Мультимедийный компьютерный архив лаборатории содержит видео, аудио и графические текстовые и лексические и грамматические материалы в основном по говорам трех сибирских языков – селькупского, эвенкийского и кетского, хотя есть и небольшой объем энецких, нганасанских и долганских материалов. Ведется постоянная работа по морфологическому индексированию текстов и их представлению в стандартном формате, принятом для международных лингвистических архивов. Именно этот формат использован в созданном при поддержке РФФИ мультимедийном размеченном корпусе текстов на говорах западных эвенков⁹.

В настоящее время при поддержке РГНФ в лаборатории ведется работа над интернет-сайтом «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»¹⁰. Сайт адресован как научному сообществу, прежде всего лингвистам, антропологам, историкам, так и носителям язы-

ков, представляемых на нем, а также тем, кто эти языки преподает, изучает, хочет их выучить или просто хочет что-то узнать о языке и культуре сибирских народов. Контент сайта формируется, прежде всего, за счет материалов экспедиционного архива лаборатории и результатов обработки этих материалов. Специальный раздел сайта посвящен языковой ситуации в местах работы экспедиций. Результаты документационного направления широко представлены в публикациях.¹¹

Изучение и документация поэтического языка

Н.Н. Перцова возглавляет в лаборатории два направления: «Построение модели узуального и окказионального русского словообразования» и «Поддержка и развитие интернет-сайта “Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...”».

Построение компьютерной модели узуального русского словообразования находится сейчас в начале разработки (в группу входят М.И. Воронцова и А.В. Рафаева). Но оно опирается на исследования окказионального словообразования, которыми Наталья Николаевна занимается уже много лет, работая с опубликованными и рукописными текстами Велимира Хлебникова, дало интереснейшие результаты¹². Недавно ею завершен титанический труд – подготовка комментированного издания ранних словотворческих рукописей Велимира Хлебникова.

«Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...»¹³ – это проект, доставшийся лаборатории по долгу памяти после гибели в 2007 г. автора идеи и создателя сайта Галины Антоновны Воропаевой. Н.Н. Перцова ведет этот проект вместе с М.И. Воронцовой, Э.К. Лавошниковой, А.В. Рафаевой, Н.Т. Тарумовой, И.В. Шумариной). По материалам сайта издается серия поэтических антологий. Вышло шесть выпусков. Первые четыре были составлены Г.А. Воропаевой¹⁴, 5 и 6-й выпуски вышли были составлены и вышли под редакцией Н.Н. Перцовой¹⁵. Они, помимо стихов, содержат подробные биографии поэтов и ранее не публиковавшиеся архивные материалы. Антология открыла несколько новых имен первоклассных поэтов, никогда ранее не публиковавшихся.

Е.Э. Разлогова ведет направление «Исследование логических и стилистических факторов в лексической семантике» (в ее группе заняты Э.К. Лавошникова и В.С. Хоружая). Проблемы логического анализа языка и лексической семантики, всегда находившиеся в фокусе интересов Е.Э.¹⁶, в последние годы все чаще рассматриваются ею в контексте проблем перевода. Недавно она завершила поддержанный РГНФ проект «Произведения А.С. Пушкина во

французских переводах: лингвостилистическое исследование», получив весьма любопытные результаты¹⁷. Елена Эмильевна тесно сотрудничает с кафедрой французского языка филфака МГУ, где в частности, читает курс теории перевода.

Направлением «Анализ дневниковых текстов» руководит М.Ю. Михеев (в его группу входят .П. Зайончковская и В.С. Хоружая). Тексты дневников М.Ю. Михеев рассматривает как маргинальный вариант художественного текста (анализом которого также не перестает заниматься)¹⁸. В рамках направления ведется интернет-сайт «Universitas personarum»¹⁹, на котором размещаются дневниковые тексты и материалы организуемых М.Ю. Михеевым каждые два года на базе лаборатории (совместно с Институтом русского языка РАН) и ставших популярными среди лингвистов и не-лингвистов международных конференций «Маргиналии: границы культуры и текста». Особо надо отметить размещение на этом сайте известного много-томного указателя под редакцией П.А.Зайончковского «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях». В прошлом году группа М.Ю. Михеева совместно с другими подразделениями НИВЦ и МГУ начала работу над новым проектом «Создание интернет-ресурса «Студенты Московского Императорского университета», который также планируется разместить на сайте «Universitas...».

Наконец, направление «Создание компьютерной справочно-аналитической системы для работы с текстами русских сказок» представляет А.В. Рафаева. Результаты работы представлены в недавно вышедшей монографии и других публикациях²⁰.

Лаборатория продолжает традицию научных семинаров. И сегодня на нашем ежемесячном семинаре «Когнитивные аспекты компьютерной лексикографии» выступают ведущие лингвисты, фольклористы, антропологи России и зарубежья. Гостями нашего семинара в последние годы были Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, А.Я. Шайкевич, С.Ю. Неклюдов, А.Ю. Айхенвальд, В.М. Алпатов, С.Е. Никитина...

Создавая в 2007 г. новый лабораторский сайт²¹, мы придумали девиз, возможно, несколько выпященный, но адекватно отражающий суть наших устремлений: «Все осуществляемые в лаборатории проекты направлены на сохранение культурного наследия нашей страны и языкового и культурного многообразия нашей планеты».

Примечания

¹ Успенский Б.А. Принципы структурной типологии. М.: Изд-во МГУ, 1962. 64 с.; Он же. Структурная типология языков. М.: Наука, 1965. 286 с.

- ² См., например: *Ревзина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во МГУ, 1969; *Живов В.М.* Очерки по синтагматической фонологии (признак звонкости). М., 1970; *Ревзина О. Г.* Общая теория грамматических категорий // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973; *Членова С.Ф.* Категория числа в личных местоимениях // Лингвотипологические исследования, вып. I, М., изд-во МГУ, 1973. С. 164-201; *Она же.* Типологические наблюдения // Там же, Вып. II. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 249-256; *Живов В.М., Успенский Б. А.* Описание языка и языковые универсалии // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. М., 1981. С. 3-28; *Членова С.Ф.* Типы строения языковых универсалий // Там же. М., 1981. С. 29-70.
- ³ См материалы: *Багаряцкая Т.Б., Казакевич О.А., Павлович Н.В., Членова С.Ф.* Автоматизация подготовки словарей / Под ред. Н.В. Павлович. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. 170 с.
- ⁴ Лингвотипологические исследования. Вып. I. М.: Изд-во МГУ, 1973; Лингвотипологические исследования. Вып. II, М.: Изд-во МГУ, 1975; Проблемы вычислительной лингвистики и автоматической обработки текста на естественном языке. М.: Изд-во МГУ, 1980; Исследования в области грамматики и типологии языков. М.: Изд-во МГУ, 1980; Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1981; Актуальные вопросы практической реализации автоматического перевода. Ч. I, II. М.: Изд-во МГУ, 1982; Вычислительная лингвистика: Теоретические аспекты. Вопросы автоматизации лексикографических работ. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- ⁵ *Казакевич О.А.* Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков (На материале селькупского языка). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. 8,5 п.л.
- ⁶ *Лавошникова Э.К., Трусов А.В.* Знакомьтесь, «спелл чекер» // Интеркомпьютер. № 2. 1989, С. 7–9; *Они же.* От «спелл чекера» к автокорректору // Там же. 1991. № 1–2, С. 59–64; *Лавошникова Э.К.* О «подводных камнях» в компьютерных системах проверки правописания // Вестник Московского ун-та. Серия 9: «Филология». 2002, № 6. С. 151–163; *Она же.* Компьютерная проверка орфографии: вчера, сегодня, завтра // Там же. 2003, № 5. С. 53–68.
- ⁷ Уникальность Молуккского полевого архива состоит в том, что для некоторых языков материалы архива до сих пор остаются единственной их фиксацией, в то время как сами эти языки стремительно выходят из употребления. Вот только несколько публикаций с результатами обработки архива: *Членова С.Ф.* Манусела, язык Центрального Серама: материалы и заметки // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XIX. М.: ИСАА МГУ, 2012. С. 128-174; *Она же.* Заметки о языке гором с приложением словника и образцов предложений // *Studia Anthropologica*: Сб. статей в честь проф. М.А. Членова, М.-Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2010. С. 360-410; *Mikhail A. Chlenov, Svetlana F. Chlenova.* The Damar-Batumerah (West Damar language) of South-Eastern Indonesia // *Vanishing voices: The Endangered Languages Across the Globe.* Bangalore, Icfai Research Center (IRC), 2008. P. 141-162.
- ⁸ О.А. Казакевич преподает на кафедре теоретической и прикладной лингвистики РГГУ, где, помимо прочего, читает спецкурс «Документация исчезающих языков».

- ⁹ Грант РФФИ 10-06-00532, рук. О.А. Казакевич. Корпус размещен на Московском сервере языковых архивов LangueDOC (<http://languedoc.philol.msu.ru>).
- ¹⁰ Грант РГНФ 12-04-12049, рук. О.А. Казакевич. Адрес сайта: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru>.
- ¹¹ Публикации сотрудников лаборатории в рамках документационного направления многочисленны, укажем здесь только некоторые: *Казакевич О.А., Будянская Е.М.* Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под ред. О.А. Казакевич. Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.; *Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Ким-Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В.* Мифология селькупов. Энциклопедия уральских мифологий. Том 4. Томск, 2004. 382 с. (Англ. перевод: *Tuchkova, Natalya A., Kuznetsova, Ariadna I., Kazakevich, Olga A., Kim-Malony, Aleksandra A., Glushkov Sergei V., Baidak, Aleksandra V.* Encyclopaedia of Uralic Mythologies 4: Selkup Mythology. Translated from the Russian edition. Budapest: Akademiai Kiado; Helsinki: Finnish Literature Society, 2010. 320 p.); *Kazakevich O.* Education and its role in language endangerment in Siberia and the Far East // *Ethnographic Contributions to the Study of Endangered Languages: A Linguistic Anthropological Perspective/ Granadillo Tania, Heidi Orcutt-Gachiri* (eds). Phoenix: University of Arizona Press, 2011. P. 30-41; *Kazakevich O., Kibrik Al.* Language Endagerment in the CIS (Chapter 11) // *Language Diversity Endangered / Matthias Brenzinger* (ed.) Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 233-262 (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 181); *Казакевич О.А., Будянская Е.М., Галямина Ю.Е.* Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов. Публ. 1 // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание». 2008. №6. С. 246-285 (МЛЖ, №10); *Они же.* Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов. Публ. 2 // Там же. 2009. №6. С. 246-285 (МЛЖ, №11); *Казакевич О.А.* Изменение структуры языка с ограниченной сферой употребления // *Малые языки и традиции: существование на грани.* Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посв 75-летию акад. Вяч.Вс. Иванова / Под ред. А.Е. Кибрика. М.: Новое издательство, 2005. С. 122-134.
- ¹² *Перцова Н.Н.* Словотворчество Велимира Хлебникова / Предисл. Р.Вроона. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 192 с.; *Перцова Н.Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Вена – Москва, 1995 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40); *Она же.* Сравнительный анализ ранних и поздних рукописей Хлебникова // *Velimir Khebnikov, poète futurien.* Centre d'Études Slaves André Lirendelle. Lyon: Université Jean Moulin Lyon 3, 2009. P. 87-117.
- ¹³ Адрес сайта: <http://www.poesis.ru>
- ¹⁴ Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Кн. 1-4. М., 2005-2009.
- ¹⁵ Поэзия Московского университета от Ломоносова и до... Кн. 5-6. М.: НИВЦ МГУ – Бослен, 2011.
- ¹⁶ *Разлогова Е.Э.* Семантические инварианты. Логико-когнитивный анализ лексики естественного языка: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988; *Она же.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- ¹⁷ Грант РГНФ 10-04-00136. Публикации, отражающие некоторые результаты проекта: *Razlogova E.* Les ambiguïtés narratives: les traces des personnages

- chez Pouchkine // *L'ambiguïté dans le discours et dans les arts* / P. Marillaud, R. Gauthier (ed.), 2012. С. 465-475; *Разлогова Е.Э.* «Пиковая дама» в зеркале французских переводов // *Вопросы языкознания*. 2012. №6. С. 66-92; *Она же.* К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2013. № 3. С. 101-120.
- ¹⁸ *Михеев М.Ю.* В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во МГУ, 2003. 199 с.; *Он же.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 264 с.; *Он же.* «Возвращение» Платонова: поэтика недоговоренности // *Вопросы литературы*. 2008. №2. С.115-144; *Он же.* Множество повествователей Варлама Шаламова // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып.10. М., 2011. С.767-781.
- ¹⁹ Адрес сайта: <http://uni-persona.srcc.msu.ru>.
- ²⁰ *Рафаева А.В.* Компьютер – Слово – Фольклор. М.: РГГУ, 2014. 280 с.; *Она же.* Научная, «наивная» и фольклорная картина мира // *Педагогические технологии*. 2009. № 4. – С. 3–37.
- ²¹ Адрес сайта: <http://www.lcl.srcc.msu.ru>.

В.М. Андриющенко

Мемуарное приветствие по случаю 50-летия Лаборатории автоматизированных лексикографических систем

Автор, один из основателей и первый руководитель Лаборатории автоматизированных лексикографических систем МГУ, рассказывает о ее создании.

Ключевые слова: Б.А. Успенский, Р.В. Хохлов, В.М. Живов, Р.М. Фрумкина, автоматизация в лексикографии, взаимоотношения с администрацией, история лингвостатистики.

Сегодня мы отмечаем 50-летие нашей Лаборатории. А знаете ли вы ее предысторию? Думаю, что нет. Если позволите, я расскажу вам и в назидание потомкам.

В 1964 г. я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Базисные модели предложений в языке Томаса Мюнцера». Я, конечно, не был вполне самостоятельным изобретателем, я шел вслед за В.Г. Адмони и Т.П. Ломтевым, но развил далее их учения, соединив понятие модели предложения (Адмони) и словесной формы (Ломтев) с еще тогда мало известным учением Райхлинга о валентностях слов. Я ввел понятия сильных и слабых валентностей. Я знал, как быть с сильными, но понятия не имел, как определять слабые.

Надо сказать, что в это время начала развиваться Советском союзе лингвостатистика (вот где решение проблемы слабых валентностей, подумал я), толчком к развитию которой послужила известная статья Ревекки Марковны Фрумкиной в «Вопросах языкознания».¹ Кроме начал математической статистики Р.М. познакомил нас с опытами Роберто Буза по созданию конкорданса (еще одна мода того времени!) к произведениям Фомы Аквинского.² Я недолго думая отправился в Ленинград, где, по слухам, Лидия Николаевна Засорина уже использовала счетно-аналитические машины при подготовке своего частотного словаря.³ В Ленинграде я нашел на чердаке пивзавода целый цех по производству словарей (как тогда казалось!) и

воодушевился. Надо сказать также и о том, что при подготовке диссертации я бесконечно долго раскладывал и перераскладывал свои карточки-выписки, что меня сильно раздражало. И тут я подумал: вот придет время, когда новые аспиранты будут иметь готовые распечатки материалов в нужной сортировке. Замечу, что нынешняя действительность далеко перемахнула наши мечты 50-летней давности.

Ну вот, вернулся я в Москву и первым делом зашел к заместителям проректора Донченко и Агурееву и начал их охмурять на предмет создания лаборатории лингвостатистики (я тогда работал на кафедре немецкого языка для гуманитарных факультетов и часто замещал зав. кафедрой). Они, естественно, долго от меня отмахивались, но однажды Агуреев сказал: «На днях ко мне заходила Ольга Сергеевна Ахманова и просила лабораторию для Бориса Успенского, который тоже только что защитился. Не соединить ли эти два предложения в одно?» Я тут же побежал в Ленинку и на большой лестнице увидел спускающегося вниз Успенского. Я бросился к нему навстречу и произнес: «Борис Андреевич, а не создать ли нам совместную Лабораторию структурной типологии языков и лингвостатистики?!» Как потом вспоминал Успенский, он несколько обалдел, ведь мы даже знакомы не были (!), но ответил: «Почему бы нет, давайте попробуем!». И закрутилось...

Надо признаться, что я так верил в успех, что заранее присмотрел две комнаты в подвале, заваленные сломанной мебелью. Я пошел к зам. проректора по хозяйству Черкасову, заговорил и его, и эти комнаты стали на первые 10 лет нашим жилищем.

Кроме того, я отыскал на экономическом факультете, который тогда располагался в здании нынешнего факультета журналистики, лабораторию механизации счетных работ, нашел там табулятор Т-4, сортировку С-45 и перфоратор П-45 1940 г. выпуска (на древних 45-колонных перфокартах). Эти машины давно не работали и не были нужны факультету. Студенты перенесли их в те подвальные помещения, мы их перебрали и запустили, правда, табулятор не хотел останавливаться по кнопке и останавливался только пинком сзади. Хотя теоретически на этих «машинах» тоже можно было делать словари, но уже тогда стало ясно, что в техническом отношении нужно все время совершенствоваться. Поэтому мы перевезли из НИВЦа⁴ аналогичные 80-колонные машины, потом купили 80-колонные «электронные» и т.д.

Потом было много чего. Сначала мы были межкафедральной лабораторией при кафедре немецкого языка. В какой-то момент все заведующие языковыми кафедрами оказались больны, и все кафед-

ры в ректорате представлял я. Я воспользовался этим и «украл» 5 ставок лаборантов и учебных мастеров и обменял ставки лаборантов на ставки младших научных сотрудников. Таков был первый состав лаборатории (ставку для Успенского дал ректорат), первым научным сотрудником стала О.Г. Ревзина.

Скоро жить при кафедрах стало неудобно, нас невзлюбили партийные органы, и Вера Георгиевна Чуваева, зав. кафедрой немецкого языка, договорилась с ректором ИСАА Александром Александровичем Ковалевым, чтобы он «пригрел» лабораторию у себя. Но и в ИСАА партийные органы нас терпели недолго. Однако ректор был «свой» человек и спросил меня: «Что же с Вами делать?». Я нахально ответил: «Вытолкнуть нас наверх». Так мы приобрели межфакультетский статус и название «Лаборатория вычислительной лингвистики» (придумала О.С. Ахманова, 1968 г.).

Какой только техники у нас не бывало... Была машина АТЭ-80 с оперативной памятью на барабане (!) и «программированием» на коммутационной доске, были троичные машины «Сетунь». Потом замечательный ректор Рэм Викторович Хохлов, который поверил мне, поверил в мою идею создать вычислительный центр для гуманитарных факультетов и дал нам первую в МГУ машину серии ЕС (т.е. по сути IBM) ЕС-1020, а затем ЕС-1022, но... ценой перевода на экономический факультет, который тоже претендовал на эти машины. Однако и здесь партийные органы нас невзлюбили, и защитить теперь нас было некому – Хохлов безвременно скончался в 1977 г. И нас снова перевели – на этот раз в НИВЦ, – на разграбление и «раскулачивание», как было сказано на инаугурационном партсобрании.

Я понимал, что при том состоянии организационного управления, которое тогда было, шансы выжить у лингвистической лаборатории были минимальными. Поэтому я «водил дружбу» с историками и экономистами, даже лично работал на них, лишь бы лаборатория казалась полезной всем гуманитариям. Отсюда и возникла идея создания вычислительного центра для гуманитарных факультетов, к сожалению, она не осуществилась. Но я горжусь тем, что впереди научно-технического прогресса в гуманитарной сфере шли мы, лингвисты и, как теперь видно, даже в ущерб собственным интересам.

Благодаря Борису Андреевичу Успенскому у нас с самого начала сложился дух творческого индивидуализма: каждый занимался тем, к чему он считал себя наиболее пригодным и что было ближе его душе (на языке партийных органов это означало «занимался черт знает чем»). Но при этом каждый был готов, когда надо, «наступить на горло собственной песни». Здесь мне особенно хочется вспом-

нить безвременно ушедшего от нас Виктора Марковича Живова, талантливейшего ученого-русиста, который в Лаборатории в одно из ее трудных времен создал частотный словарь русского языка для Общества слепых. Мне радостно, что в нынешней реинкарнации Лаборатории царит все тот же дух творческого разнообразия.

И наконец, *Der Wahrheit letzter Schluss*: на начальном этапе создания Лаборатории мне помогали бывшие старшие сослуживцы по Военному институту иностранных языков (ВИИЯ) Вера Георгиевна Чуваева, Александр Александрович Ковалев, Лев Федорович Парпаров, вечная им память. Там, в Военном институте я получил основное воспитание и с тех пор мой девиз во веки веков: *On s'engage, et puis... on voit*. Чего и вам желаю.

Примечания

- ¹ Фрумкина Р.М. Статистическая структура лексики Пушкина // Вопросы языкознания, 1960, № 3, С. 78-81.
- ² См.: Фрумкина Р.М. Автоматизация исследовательских работ в лексикологии и лексикографии // Вопросы языкознания. 1964, № 2. С. 114-119, а также позднейший перевод: Буза Р. Электротехника при механизации филологического анализа / Пер. с нем. А.В.Баклушина // Автоматизация в лингвистике. М.-Л.: Наука, 1966.
- ³ Он был издан много позднее: Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н.Засориной. М.: Рус. язык, 1977.
- ⁴ Сокращенные обозначения подразделений МГУ раскрыты выше в статье О.А. Казакевич и С.Ф. Членовой.

А.Н. Барулин и становление лингвистического образования в РГГУ

Анализируется вклад А.Н. Барулина в создание в РГГУ первого в истории российского высшего образования самостоятельного лингвистического факультета. Рассматриваются принципы внутренней организации факультета, подбора преподавателей, взаимоотношений со студентами.

Ключевые слова: история профессиональной подготовки лингвистов в России, отделение лингвистического образования от филологического.

Институт лингвистики РГГУ прочно занял одно из ведущих мест в системе отечественного лингвистического образования. Его выпускники работают в академических институтах, занимают ответственные посты в крупнейших интернет-компаниях, некоторые создали себе имя в свободных искусствах. Значительную часть преподавателей в новейшем из лингвистических центров – на филфаке Высшей школы экономики – также составляют выпускники Института лингвистики РГГУ.

Трудно себе представить, что все это достигнуто за исторически короткий срок – немногим более двух десятилетий. Историко-архивный институт, на базе которого создавался РГГУ, всегда славился своей школой вспомогательных исторических дисциплин. Источниковедение, археография, палеография предполагают высокую филологическую культуру, но с лингвистикой, наукой о языке, они напрямую не соприкасаются. Поэтому собственно лингвистического образования (не путать с образованием языковым) в МГИАИ не было.

В годы перестройки на должность заведующего кафедрой русского языка был приглашен Александр Николаевич Барулин, а сама кафедра была преобразована в кафедру русского языка и прикладной лингвистики. Уже в 1988 году на факультете информатики работало лингвистическое отделение, а весной 1992 г. в отметившем первую годовщину РГГУ был создан – впервые в истории российской высшей школы – самостоятельный факультет теоретической и прикладной лингвистики, включавший, наряду с одноименным от-

делением, также отделение искусственного интеллекта. Деканом-организатором, а затем и просто деканом нового факультета, был, как нетрудно догадаться, Александр Николаевич Барулин.

Конечно, ничто серьезное не создается в одиночку. Всемерную поддержку лингвистам оказывал ректор МГИАИ, основатель и ректор РГГУ Юрий Николаевич Афанасьев, понимавший роль лингвистики и семиотики в современном гуманитарном знании. Да и сам «ветер века», дух горбачевского времени, способствовал смелым и масштабным начинаниям. И все же решусь сказать, что новый факультет не состоялся бы без личного вклада именно Александра Николаевича Барулина.

На то, что «университетские кафедры языкознания должны стать самостоятельными и объединяться скорее с кафедрами социологическими и естественно-научными, чем с филологическими», Бодуэн де Куртене указал еще в 1904 г.¹ Но и в конце 1980-х годов сама идея отдельного факультета лингвистики – не отделения, а именно факультета – большинству лингвистов казалась чистой фантастикой. Как реальный проект она могла возникнуть только в голове незашоренной и очень творческой. А пробивать ее через толщу ведомств и установлений мог лишь человек, прочно стоящий на земле и не боящийся административных дебрей и повседневных контактов с чиновниками. Думаю, что таким сочетанием творческой фантазии и бойцовских качеств «проталкивателя» среди лингвистов 1980-х – начала 1990-х годов не обладал никто, кроме А.Н. Барулина.

Но чтобы новое дело оказалось жизнеспособным, его мало «пробить», нужно было еще крепко поставить его на ноги. Для нового учебного подразделения это означает, по крайней мере, три момента: разработку учебного плана, определение адекватной внутренней структуры и подбор сильных преподавателей. Если в составлении учебного плана А.Н. Барулин и его помощники могли опираться на уже тридцатилетний опыт лингвистических отделений в советских университетах, то в решении двух других задач прецедентов не было. Даже на наиболее устойчивом из лингвистических отделений – знаменитом ОСиПЛе МГУ – была всего лишь одна общая и не очень многочисленная кафедра структурной и прикладной лингвистики. Для самостоятельного факультета такое решение явно не подходило. Пришлось придумывать новую систему кафедр, отражавшую современное строение лингвистики и способную готовить студентов к решению задач завтрашнего дня.

Основы этой системы были закреплены уже в 1992 г. в приказе, которым создавался факультет. В нем учреждались кафедры теоретической и прикладной лингвистики, русского языка, восточных

языков, компаративистики и кафедры математики, логики и интеллектуальных систем. До конца 1990-х годов к первоначальным пяти кафедрам добавилась еще только кафедра европейских языков (ставившая в основном практические задачи) и лаборатория (ныне учебно-научный центр) лингвистической типологии. Наверное, не все было построено А.Н. Барулиным оптимально. Но то, что система практически без изменений функционирует и сегодня, выдержав, в частности, перевод высшего образования на бакалавриат и магистратуру, свидетельствует о ее прочности и продуманности.

Еще больших знаний и широты кругозора (да и характера) потребовало от А.Н. Барулина комплектование преподавательского состава. Основная масса опытных преподавателей уже была занята в МГУ. А.Н. Барулин стал привлекать людей науки, тех, кого раньше не допускали к преподаванию, да и в Академии тоже не очень жаловали, но кто по масштабу своих достижений и знаний мог приобщать студентов к новейшей проблематике. В то же время он позвал и старших, тех, кто имел опыт преподавания, но в силу разных причин оказался от него отлучен. В короткий срок на факультете сформировалась блестящая плеяда, равной которой в то время, пожалуй, не было на лингвистических отделениях ни в МГУ, ни в СПбГУ. Назову только тех, кого уже нет с нами: Е.А. Хелимский, С.А. Старостин, Г.А. Ткаченко, М.С. Киктев, Ю.С. Мартемьянов, Ю.А. Шиханович, О.Л. Катречко, И.А. Муравьева...

И еще одно, чего нельзя не отметить: отношение к студентам. Мне не доводилось встречать руководителей факультетов, которые бы уделяли студентам столько внимания и времени как А.Н. Барулин. Во многом благодаря именно ему студенты воспринимали факультет в 1990-е годы как свой второй дом, и это было не последней причиной их учебных и научных успехов.

К сожалению, в конце 1999 г. факультет и его организатор были оторваны друг от друга, и с тех пор существует порознь. Но заложенное и сделанное А.Н. Барулиным и поныне во многом определяет жизнь Института лингвистики.

17 ноября этого года Александру Николаевичу исполняется 70 лет. Поздравлять заранее в нашей культуре не принято. Но подумать о значении сделанного им – самое время.

Примечания

¹ *Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание или лингвистика XIX века / Пер. с польск. Г.С. Цвейга // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избр. труды по общему языкознанию. Т.2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 18.*

Теоретические и описательные исследования

В.В. Глебкин, А.В. Аляпкина, Е.Н. Беспалова

Перцептивные портреты абстрактных понятий («счастье», свобода», «беда»)

Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона в последние десятилетия стала одним из наиболее обсуждаемых сюжетов в когнитивной лингвистике. Данное исследование выполнено в рамках обозначенного Лакоффом и Джонсоном проблемного поля. Его цель состоит в том, чтобы на материале категорий *счастье*, *свобода*, *беда* описать перцептивные портреты абстрактных понятий, т.е. системы перцептивных образов, которыми данные понятия представлены в языке. Полученные результаты открывают перспективу для типологизации перцептивных портретов, т.е. для типологического соотнесения отдельных классов абстрактных понятий с перцептивными кластерами, им соответствующими.

Ключевые слова: перцептивный портрет, концептуальная метафора, *счастье*, *свобода*, *беда*.

Введение

Теория концептуальной метафоры занимает одно из определяющих мест в современной когнитивной лингвистике. Ставшая уже научным бестселлером работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона¹, в которой эта теория была впервые изложена, породила широкий спектр исследований, уточняющих ее, развивающих или оспаривающих отдельные ее положения, подвергаящих эти положения экспериментальной проверке (в данном контексте следует выделить работы Джонсона², Лакоффа³, Герартса и Гронделарса⁴, Лакоффа и Джонсона⁵, Ковечеша⁶, Гиббса⁷; критический анализ теории см. работе Глебкина⁸; из отечественных авторов, высказывавших близкие идеи, можно упомянуть В. А. Успенского⁹ и В.Н. Романова¹⁰). Не вдаваясь здесь в обсуждение теоретических и методологических

деталей, суть теории в целом можно сформулировать следующим образом: репрезентация абстрактных объектов в языке и их понимание носителями языка осуществляется посредством концептуальных метафор, связывающих абстрактные категории с перцептивно воспринимаемыми процессами и явлениями; сталкиваясь с абстрактным понятием, носитель языка бессознательно «запускает» нейронные цепи, соответствующие его перцептивному аналогу. Лакофф и Джонсон выделили целый ряд базовых метафор, играющих значимую роль в выстраивании «мостов» между перцептивно воспринимаемой и абстрактной областями: метафора контейнера (*Я не нахожу смысла в твоих словах; страх прочно поселился в его душе*), ориентационные метафоры (*это подняло мое настроение; я упал духом*), метафора баланса (*его аргументы имеют больший вес*) и т.д. Важно подчеркнуть при этом, что, несмотря на использование в отдельных работах метафор, не связанных непосредственно с перцепцией, в качестве базовых (например, *время – деньги*¹¹), авторы настаивают на том, что базовые метафоры опираются на восприятие физических объектов органами чувств¹². Другими словами, человек в их модели рассматривается как физическое тело, а его социокультурная составляющая игнорируется в анализе (различные подходы к дополнению теории концептуальной метафоры социокультурной составляющей см. в работах Герарта и Гронделарса¹³; Ковечеша¹⁴; Глебкина¹⁵). Еще одна особенность подхода Лакоффа-Джонсона (разделяемая, заметим, большинством исследователей, работающих в заданной ими парадигме) состоит в том, что авторы исходят в своем анализе из конкретных метафор, а не из объектов, которые эти метафоры описывают. Другими словами, они выделяют в качестве базовой траекторию «метафора – совокупность описываемых ею объектов», а не противоположный ей путь «объект – совокупность описывающих его концептуальных метафор».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы использовать вторую из указанных возможностей и посмотреть, какие типологические модели применяются для описания отдельных абстрактных понятий и как эти модели связаны с характерными чертами данных понятий.

Структурно оформленную совокупность концептуальных метафор, относящихся к некоторому понятию, мы будем называть его перцептивным портретом¹⁶. Примером такого перцептивного портрета является анализ понятий *идея* и *мысль* в монографии Глебкина¹⁷. В данной статье по аналогичной модели осуществляется анализ понятий *счастье*, *свобода*, *беда*¹⁸. Также в ней предлагаются некоторые обобщения, требующие дальнейшей разработки и уточнения.

Перцептивный портрет понятия *счастье*

1. *Счастье* может наделяться характеристиками материального объекта.

1.1. Обладает внешними предметными характеристиками.

1.1.1. Имеет определенный размер: огромное счастье, большое счастье, безмерное счастье, громадное счастье, малое счастье. *С одной стороны, малое счастье* *малого, неведомого коломенского чиновника, напоминающего смиренных героев Достоевского и Гоголя, простая любовь простого сердца, с другой – сверхчеловеческое видение героя* (Д. С. Мережковский. Пушкин¹⁹); *Я не виноват, Вера Николаевна, что богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам* (А. И. Куприн. Гранатовый браслет).

1.1.2. Имеет форму, внешний вид. *Не знаю, как выглядит счастье, – подумал он, – мне сорок лет, и я не уверен, что почувствую, если хотя бы частица его встретится на моем пути* (Сергей Довлатов. Ослик должен быть худым (Сентиментальный детектив); *Другое дело, он фанатически отстаивал свои упорные одинокие занятия, тишину и затворничество, прогоняя от себя любящих, понимая плоское счастье как мышьяк, сторонясь его и из того уже извлекая дополнительную выгоду для писательства, приправу одиночества*^{*20} (Н. Климонтович. Далее – везде).

1.1.3. Имеет запах. *Осень, и аромат клена, и теплый мужской запах от Ромкиного пиджака соединились в запах счастья* (О. Зуева. Любишь меня, а целуешь другую?).

1.1.4. Имеет вес и внутреннюю структуру, допускает отделение отдельных частей. *Однажды он сказал Ази: «Во сне легче переносить счастье»* (Ю. Буйда. Рассказы о любви); *Он связан с ощущением легкого и безмятежного счастья, какое бывает в детстве и в редкие «взрослые» моменты, когда воспринимаешь все как в первый раз* (С. Слюсарев. Болезнь можно высмеять и выплакать или тренинг, возвращающий чувства); *Счастье тоже бывает разное, мое – темное и тяжелое счастье от Вас** (Н.Н. Пунин. Письма А.А. Ахматовой); *Счастье он убогим кусками отваливает, нашелся тоже мне Мессия* (Д. Симонова. Без Россини).

1.1.5. Имеет цвет*. *Голубое счастье* *нам открыто, и в голубом счастье тонут, визжат, и кружатся, и носятся – ласточки...* (Андрей Белый. Луг зеленый); *Если бы жизнь и люди могли улучшиться мгновенно, это было бы золотое счастье, но этого быть не может!* (М. П. Арцыбашев. Санин).

Если говорить о конкретных классах, то этот объект может быть

1.2. природным образованием (гора, холм и т.д.), территорией. *Тот самый, что перевернул мою жизнь, что вознес меня на вершины счастья и дал мгновения не сравнимой ни с чем гордости и одновременно швырнул в пучины ужаса* (З. Юрьев. Смертельное бессмертие); ... бессонный пограничник бессонно охранял **рубежи нашего счастья** (Н. Климонтович. Дорога в Рим).

1.3. вещью, включенной в отношения собственности, купли и продажи (в т.ч. одеждой, предметом интерьера). *Опять же – оно и деньги-то хранить на теле жутко, а счастьем владеть еще страшей... поминутно трястись со страху: не потерять бы!* (Л. М. Леонов. Вор); *Я не только приобрел счастье, не только сделал тебя счастливою, но не пожертвовал на это ни одной копейки из своего душевного капитала; я вполне сохранился и далеко не филистер* (А. О. Осипович (Новодворский). Эпизод из жизни ни павы, ни вороны); *Зачем ты украла мое счастье? Куда дела?* (В. М. Дорошевич. Сказки и легенды); *«Как идёт счастье человеку, – думал Скворцов. – Как она сейчас хороша»** (И. Грекова. На испытаниях); *Может быть, дед решил, что пришло время обновлять счастье** (Фазиль Искандер. Лошадь дяди Кязыма).

1.4. живым существом (в том числе, птицей, человеком).

1.4.1. Имеет внешние признаки живого существа.

1.4.1.1. Руки. *Счастье не бывает, когда все сразу. У счастья всегда **руки** в крови* (А. Терехов. Коммуналка).

1.4.1.2. Ноги: счастье приходит и уходит, пошатнувшееся счастье. *Вот оно счастье, вот оно **идёт**, подходит всё ближе и ближе, я уже слышу его шаги* (А. П. Чехов. Вишневы сад).

1.4.1.3. Лицо, глаза, рот. *Теперь, когда счастье ему **посмотрело** в глаза, **дохнуло** на него, он со всей остротой измерил жизнь, что досталась ему* (В. Гроссман. Все течет); *Боевое счастье **улыбалось** Вам, росла слава, и с ней вместе стали расти в сердце Вашем честолюбивые мечты...* (А. И. Деникин. Очерки русской смуты).

1.4.1.4. Крылья. *Умный красавец, утешал своих товарищей, и, когда те указывали на счастливых товарищей женатых, говорил им, что у счастья **крылья** орлиные, а нрав женский: сейчас только на месте - вздумало, вспорхнуло и улетело* (Н.А. Полевой. Иоанн Цимисхий).

1.4.2. Рождается и умирает, имеет возраст. *Как не провожать человека, который приехал с тем, чтобы нарушить*

спокойствие и **погубить** счастье целой семьи! (Л. Н. Толстой. Крейцеров соната); *И от этих слов его хрупкое счастье умерло в нем* (Ю. Петкевич. Живые цветы зимой); *Я равнодушно приветствовал твое **молодое** счастье... короткое, жалкое счастье нескольких дней** (А. В. Амфитеатров. Зоэ).

1.4.3. Совершает волевые и когнитивные акты, испытывает эмоции, реализует характерные для людей коммуникативные сценарии. *Я все арии из опереток прямо наизусть знаю. «Помнишь ли, как счастье нам **улыбалось?**» – пропела она ему на ухо* (И. Грекова. На испытаниях); *Самый заурядный из заурядных людишек, а счастье **выбрало** именно его* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); *А впрочем, и на Голодаевке тебя не бог весть какое счастье **ожидает*** (А.И. Свирский. Рыжик); *Они дали концерт, но счастье их **обмануло**, и скоро концертисты рассеялись бог весть куда, за исключением Сусликова, попавшего в оркестр к одному знатному барину* (Д.В. Григорович. Капельмейстер Сусликов).

1.5. растением, плодом растения, иметь вкус. *В.И. Немирович-Данченко трактует любовь Елены и Париса как гимн **расцветающего** счастья, как песню свободной, глубокой человеческой страсти* (М. Миринго. Поучительный поединок. «Прекрасная Елена» в театре им. Немировича-Данченко); *И столько причин для страхов и волнений, что тем **слаще** незаконное счастье: просто быть вдвоем* (И. Ратушинская. Одесситы); *И так как это счастье приходит не от какой-либо внешней причины, как это бывает с нашим мелким и хрупким мирским счастьем, которое исчезает вместе с исчезновением причины, его вызвавшей, и не связано ни с чем в нашем мире, но в то же время есть радость обо всем, это счастье должно быть **плодом** присутствия, пребывания в нас Кого-то, Кто Сам есть Жизнь, Радость, Красота, Полнота, Благословение* (Протопресвитер А. Шмеман. Водой и духом).

1.6. на питком. *И я пью жадно, не размышляя, пью без сознания, **пью** мое счастье точно из губ самой жизни...* (Н.И. Пунин. Дневник. 1923 г.)

2. Счастье может уподобляться стихии, физической субстанции.

2.1. Водная стихия: захлебываться от счастья, счастье брызгало из глаз, счастье переполняет, счастье нахлынуло. *Левочка говорил, что он часто, глядя на то, как поправляется Ванечка, **захлебывался** от счастья...* (Т. Л. Сухотина-Толстая. О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода); *Марта и Франц глядели, обнявшись, как он исчезает и когда, наконец, что-то чмокнуло, и на воде остался только расширяющийся круг, – она поняла, что,*

наконец, свершилось, что теперь дело действительно сделано, и огромное, бурное, невероятное счастье **нахлынуло** на нее (В.В. Набоков. Король, дама, валет).

2.2. Газообразная субстанция (напр., воздух). **Дышало** счастьем все вокруг, но сердце не нуждалось в нем (И.С. Тургенев. Стихотворения в прозе).

3. Счастье может представляться нам как некое событие, действие, имеющее длительность²¹: вечное, продолжительное, временное, сегодняшнее, минутное счастье; кончилось счастье; счастье недолго продолжалось; будущее/былое счастье. Счастье, которое **происходило** у него на глазах, казалось ему до такой степени невозможным, до такой степени нереальным, что он даже не шевелился, стараясь как-нибудь нечаянно не проснуться у себя дома или на сеновале у бабушки Дарьи, и чтобы все это не улетучилось в один миг, как несбыточная мечта, как самый удивительный, самый волшебный сон* (Андрей Геласимов. Степные боги); Когда учишься в выпускном классе, кажется, что счастье будет **длиться** целую вечность (Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью); **Никогда не забуду**, как в одном из своих первых интервью **Женя Кисин** ответил на вопрос, что такое счастье: «Счастье – это **мгновение** и **вечность**» (С. Спивакова. Не все).

4. Следует особо подчеркнуть, что счастье не предстает в своих перцептивных образах как самодостаточная реальность, оно включено в сложную систему различных (пространственных, коммуникативных и т.д.) отношений с другими сущностями. Укажем, наряду с приведенными выше примерами, что оно может быть близким и далеким, что к нему можно идти, стремиться, искать его и т.д. **Это тема торжества молодого поколения, которое смело идет к счастью; ему не грозят внутренние конфликты, омрачившие жизнь старшего поколения** (М.М. Морозов. Вильям Шекспир); **Ищет женское счастье, а находит то швабру, то гирю, то чемодан** (Е. Губайдулина. Крокодилы и женское счастье).

Перцептивный портрет понятия *свобода*²²

1. *Свобода* может наделяться характеристиками материального объекта.

1.1. Обладает внешними предметными характеристиками.

1.1.1. Имеет определенный размер: огромная свобода, большая свобода, небольшая свобода. *Сочетание различных сти-*

лей даёт **большую** свободу в исполнении замысла. (Н. Щербатов-Коломин. Березовое чудо); *Испугаются той **небольшой** свободы, которую дали, и подвинтят гайки* (З. Масленникова. Разговоры с Пастернаком).

1.1.2. Имеет форму, внешний вид, может иметь оборотную сторону (как медаль, монета или одежда). *Устарика, действительно, фаэтон, сын жужжит над ухом, сломано, передок плохой, думаю – есть у тебя невеста или едете по воскресеньям в церковь, жарко, лень, жалко, всадники рыщут, так **выглядит** сначала свобода* (И.Э. Бабель. Конармейский дневник 1920 года); *Взгляды вообще линейны и воплощаются всегда в гвозди, а свобода **круглая, похожа на велосипедные стальные шарики**, на которые опирается все движение человеческой души** (М.М. Пришвин. Дневники); *Но у этой свободы есть и **обратная** – страшная – **сторона***. (С. Борисов. Покушение на будущее).

1.1.3. Имеет запах. *Так очень громко говорит он сам себе, убеждая и успокаивая, счастливый, захмелевший от пива, от прекрасного, нереального, полузабытого запаха вокзала; дивного запаха гари, сухого гравия, пирожков, туалетной карболки, машин, тройного одеколona, пота, спешки, **неповторимого,пряного, с легкой горчинкой запаха** свободы* (В. Амлинский. Мальчишки без девчонок).

1.1.4. Имеет вес и внутреннюю структуру, допускает отделение отдельных частей. *От **легкой** свободы, от нечего делать он принимался сравнивать Житомир с Одессой: дома и улицы, редких женщин, небо в лиственной опушке* (Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля); *Свобода куда более **тяжелая** ноша, чем добровольный страх* (А. Яковлев. Омут памяти); *Вступая в Дозор я знал, что теряю **часть** свободы* (С. Лукьяненко. Ночной дозор).

1.1.5. Имеет цвет*. *Где бы одни узники не охраняли бережно третьих узников – и самих себя – от излишнего, смертельно опасного глотка **голубой** свободы* (Г. Владимов. Верный Руслан); *Этот был изгибистый и корявый, точно кланялся направо и налево прямым и белым, чтобы не задушили и пропустили на **синюю** свободу* (С.Н. Сергеев-Ценский. Лесная топь).

Если говорить о конкретных классах, то этот объект может быть

1.2. природным образованием (гора, холм и т.д.), территорией. *Чудо было явное, и Андрияша теперь на **вершине** свободы, возможной для святого человека** (Г.И. Успенский. Наблюдения одного лентяя); *Дело не в том, что свобода друого является **границей** нашей свободы* (Б. Гройс, С. Бойм. О свободе); *Каждый зна-*

ет **пределы** отведенной ему свободы и не тяготится ее рамками (В. Горбачев. Концепции современного естествознания);

1.3. артефактом, вещью, включенной в отношения собственности, купли и продажи (в т.ч. одеждой, предметом интерьера). Она может быть подлинной и неподлинной, ее можно отдать, продать, купить, потерять, искать, ею можно обладать, подарить кому-нибудь, она имеет цену. *Получив любое количество свободы, толпа готова **отдать** свободу первому, кто пообещает вернуть ей чувство единства и силы* (И. Ионов. Империя и цивилизация); *Неужели ты считаешь возможным, чтобы я **продал** свою свободу за какие-то вонючие миллионы?* (А. Ким. Белка); *Развратный старик видит невиновность её в краже и предлагает продажей чести **купить** свободу* (А.И. Герцен. Сорока-воровка); *Он готов сражаться, он отомстит и наконец-то **подарит** людям долгожданную свободу* (коллективный. Рецензии на фильм «V значит вендетта»); *Единственная свобода, которой он **обладает**, — это свобода сказать «Вау!»* (В. Пелевин. Generation «П»); *И точно так же свободы **утрачиваются**. Если сегодня мы **лишимся** одной свободы, за этим завтра последует другая утрата* (В.В. Шульгин. Последний очевидец); *Неужели его свобода была **дороже** авторитета партии?* (А. Солженицын. В круге первом); *Прощай Коктебель. Прощайте пирры. Прощай чехословацкое похмелье. Прощай, **фальшивая** свобода. Прощай нестойкий резистанс. Оранжевая корнеплодов. Хранилище опасных станиц* (В. Аксенов. Тайственная страсть).

1.4. живым существом (в том числе, птицей, человеком).

1.4.1. Имеет внешние признаки живого существа.

1.4.1.1. Руки. *Вы идете в бой не во имя исполнения договора наших самозванных правителей с союзниками, спутывающих цепями **руки** русской свободы* (В. А. Каверин. Девять десятых судьбы).

1.4.1.2. Ноги. *Вот так **приходит** свобода и кладет на тебя **ноги*** (С. Осипов. Страсти по Фоме).

1.4.1.3. Сердце. *Совпадение это не случайность, а закон исторической и психологической необходимости, ибо в государстве, где нарушена свобода национальная, поражена в самое **сердце** и свобода политическая; ибо у личности нет более ценных и дорогих прав, чем права национальные* (М.А. Славинский. Русская интеллигенция и национальный вопрос).

1.4.1.4. Горло. *Народы большого стиля в судные часы своего бытия никогда не боялись и всегда дерзали, становясь на **горло** собственной «свободе», сознавать себя «рабами» заданной им вели-*

кой цели* (Н. В. Устрялов. О революционном тягле); *Разговоры про свободу сейчас на руку тем, кто свободу как раз душил и хочет душить дальше* (Д. Быков. Орфография).

1.4.1.5. Лицо. *Знаете, – пред лицом свободы как-то уж недостойно мелких жуликов ловить* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

1.4.1.6. Глаза. *Но не лучше ли взглянуть самим в глаза своей свободе?* (Л.К. Чуковская. Александр Солженицын).

1.4.1.7. Крылья. *Беда ли то хлопает крыльями, или, наконец, свобода?* (Б.Л. Горбатов. Возвращение).

1.4.2. Рождается и умирает, имеет возраст, может рождать сама, вовлечена в характерные для живого существа физиологические процессы (напр., дыхание). *Мы стояли, как каменные, и только тут поверили по-настоящему, что старый режим кончился и народилась молодая свобода в полной форме* (А. Веселый. Россия, кровью умытая); *Подлинная свобода умирает, а на ее месте воцаряется фальшивая, ложная свобода – беспринципная вседозволенность* (В. Карпунин. «Христианство и философия»); *Закон не создал ни одного великого человека, лишь свобода рождает великие порывы* (А. Бондарук. Свобода); *А если мужчина на всю жизнь связан с одной женщиной, они не чувствуют в нем этого дыхания свободы* (И.Ефимов. Суд да дело).

1.4.3. Имеет национальность. *И не потому лишь, что полковник Вятского полка обернется единомышленником генерал-лейтенанта Бенкендорфа, а потому, что казненный первенец русской свободы встанет из могилы предтечей гранитного регулировщика – там, на известной московской площади* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).

1.4.4. Совершает волевые и когнитивные акты, испытывает эмоции, реализует характерные для людей коммуникативные сценарии *Свобода всегда больше говоритла моему сердцу, чем равенство* (Н. А. Бердяев. Автобиография); *Там царит истинная свобода, пусть это и свобода дна* (С. Борисов. Покушение на будущее) *И вот тут действительно свобода должна понудить нас к действию, к выбору, к непрестанному творчеству* (митрополит Антоний (Блум). О послании Патриарха Алексия к молодежи); *Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести – это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной* (Д. Лихачев. О русской интеллигенции).

1.5. растением, плодом растения, иметь вкус. *Виня во всем советские дурдомы, в которых расцветает свобода, и те-*

ря драгоценное время между бесконечными появлениями желтого плаща (А. Геласимов. Рахиль); В конце лета советские танки вторглись в Чехословакию и раздавили молодые **побеги** свободы, рожденные весной того года – «Пражской весной» (Г. Горелик, А. Сахаров. Наука и свобода); При этом **плодами** свободы – от относительного товарного изобилия до возможности «свое суждение иметь» и выразить его публично – мы пользовались вовсю (А. Немзер. Замечательное десятилетие); Разве не замечательно, как эти древние народы уловили, что подлинная свобода – это такое взаимное отношение, в котором царствует взаимная любовь, где ни один не поработывает другого? Такая свобода и есть **плод** любви. Но какой любви? (митрополит Антоний (Блум). Встреча с Богом Живым); Вкусив **сладкого плода** свободы, я утратил теперь всякую способность переносить какое бы то ни было ярмо (П.И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк)

1.6. на питком. **Опьянев** от долгожданной свободы, Сергей вдребезги разбил скрипку... (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).

2. Свобода может уподобляться жидкой или газообразной среде, стихии. Призрак оттепели летал над страной, **легкий ветерок свободы** гулял в наших головах (А. Макаревич. Все очень просто); И сказали они тем молодым, что пошли за ними: **дышите** свободой и поклянитесь именем убитых нами же предков, что сладкий воздух свободы – это навсегда (А. Яковлев. Омут памяти); И вдруг нас подхватил разрывающий легкие **ураган свободы** (С. Довлатов. Зона); Эта **нахлынувшая** свобода, пусть даже смешное ее подобие, дыхание естественной жизни передались от героев артистам, им неслучайно свежо игралось и вольно жилось на родных подмостках (Л. Зорин. Медный закат) «Супчик» был составной частью свободы, **омывающей** его теперь со всех сторон, в нем расцветали безграничные возможности для личной воли, разложенные в свою очередь, как радуга, на множество составляющих, каждая из которых была связана с возможностью свободного выбора, словно с путешествием, предпринятым в юности... (И. Полянская. Тихая комната).

3. Свобода может представляться нам как некое событие, действие, имеющее длительность. Глупая горячность отца и еще более глупые придирки матери давно уже научили этого ребенка быть скрытным и сдержанным; в то же время полная свобода, **настававшая** для него в промежутки времени между периодически повторяющимися взрывами брани, давали ему возможность делать что угодно (А.К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят); Знал бы тогда, бросился бы в тайгу, в

любое зимовье, чтобы **продлить на часы, на минуты** нашу свободу (А. Приставкин. Вагончик мой дальний).

4. Так же, как и в случае *счастья*, особо подчеркнем, что *свобода* в своих перцептивных образах включена в сложную систему различных (пространственных, коммуникативных и т.д.) отношений с другими сущностями. Наряду с приведенными выше примерами можно отметить, что она может быть близкой и далекой, что к ней можно идти, искать ее и т.д. У Плотина, в те моменты, когда в порыве и крайнем напряжении всех душевных способностей ему удастся на мгновение свалить с себя придавивший его разум, всегда является благословенное *εξαιφνης* — внезапно, как вестник желанной, хотя **далекой** свободы (Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим); Я иду к своей свободе, и каждый мой шаг приближает меня к ней (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах).

Перцептивный портрет понятия *беда*

1. *Беда* может наделяться характеристиками материального объекта.

1.1. Обладает внешними предметными характеристиками.

1.1.1. Имеет определенный размер: огромная беда, большая беда, небольшая беда, беда невелика. Я не думаю, чтобы из этого вышла **большая** беда (З. Н. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове)).

1.1.2. Имеет форму, внешний вид. И Альма заскулила, поняв, что беда **выглядит** так (Г. Горин. Сказка про собаку, которая прожила триста лет); И прочие появились из глубины своих матерей среди **круглой** беды, потому что матери их ушли от них так скоро, как только могли их поднять ноги после слабости родов, чтобы не успеть увидеть своего ребенка и нечаянно не полюбить его навсегда* (А.П. Платонов. Чевенгур).

1.1.3. Имеет запах. Когда мы вошли в зал, я почувствовал **запах** беды (А. Медведев. Территория кино); Часам к четырем дня атмосфера начинала сгущаться, в воздухе **пахло** бедой (В.А. Солоухин. Капля росы).

1.1.4. Имеет вес и внутреннюю структуру. Солженицын произнес короткую, но сильную речь, бросая в толпу чеканные и точные фразы: «Россия сегодня в большой, **тяжелой**, многосторонней беде, и стон стоит повсюду» (Р. Медведев. Возвращение Солженицына); А ведь вода была только **частью** беды, может быть, ничтожной частью (М. Зощенко. Перед восходом солнца).

1.1.5. Имеет цвет: черный, темный. *И вот оттуда, где была мать, замаячила **черная** беда* (В. Шукшин. Змеиный яд); *Угрюмая, **темная** беда* коверкала каторжных людей, превращала их в нелюдей (В. Гроссман. Все течет).

Если говорить о конкретных классах, то этот объект может быть

1.2. территорией, пространственной областью. *Искусство выделось единственной возможностью сберечь духовные ценности, увести за **пределы** беды тех, кто способен его слышать, кому, может быть, предстоит творить иную, будущую жизнь* (В. Перельмутер. Время крыс и крысолов); *Вот и берег северного моря, Вот **граница** наших бед и слав* (Л.К. Чуковская. Дом поэта).

1.3. вещью, включенной в отношения собственности, грузом. Ее можно нести, сбросить с плеч, она может быть своей, чужой, общей, российской, зарубежной и т. д. *Умногих на виду, Что тоже приезжали, Он **нес свою** беду И прочие печали* (К. Ваншенкин. Писательский клуб); ... *всхлипывала Шурочка, **сбросившая с плеч** беду, счастливая, и он, счастливый, ей отвечал: «Ая?»* (В. Маканин. Антилидер); *Кстати: мне смешно, когда антисемиты все наши **российские** беды **сваливают** на еврейские головы* (А. Розенбаум. Бультерьер).

1.4. живым существом (в том числе, птицей, человеком).

1.4.1. Имеет внешние признаки живого существа.

1.4.1.1. Руки. *Иван Федорович пришел к этому выводу, когда беда уже **стучалась** в дверь* (А.А. Фадеев. Молодая гвардия)

1.4.1.2. Ноги. *Однако настоящая беда **пришла** оттуда, откуда Луазо ее не ждал* (Э. Гусейнов. Чисто французское самоубийство).

1.4.1.3. Лицо. *В этом последнем беспощадном поединке снова проявились стойкость его характера, несгибаемое мужество перед **лицом** беды* (А. Городницкий. «И жить еще надежде»).

1.4.1.4. Глаза. – *Да, надо же взглянуть когда-нибудь беде прямо **в глаза***, – *ответил сын* (А.К. Шеллер-Михайлов. Над обрывом).

1.4.1.5. Крылья. *Но сейчас, когда беда **раскинула черные крылья** над Родиной, когда враг грозит Игнату «крушением всей жизни», всего родного и привычного порядка, горько, сурово задумался Игнат* (Б.Л. Горбатов. Письма товарищу).

1.4.2. Рождается и может рождать сама, вовлечена в характерные для живого существа физиологические процессы (напр., дыхание). *Я понимаю, ты старался отвести беду от конуны, но в данном случае **одна беда родила***

другую (Б. Васильев. Вещий Олег); *Нам беда дышала в лицо особенно жарко: комната родителей располагалась в доме Минздрава, где жили только врачи* (Г. Шергова. Об известных всем).

1.4.3. Обладает психологическими характеристиками, выраженными во внешности и поведении: угрюмая, серьезная и т.д. *Угрюмая, темная беда коверкала картинных людей, превращала их в нелюдей* (В. Гроссман. Все течет); *Но против серьезной арктической беды, против льда в состоянии сжатия «Ермак» ничего не мог поделаться* (Б.Г. Островский. Адмирал Макаров).

1.4.4. Совершает волевые и когнитивные акты, реализует характерные для людей коммуникативные сценарии. *Но беда подстерегала нас как всегда там, откуда ее не ждали* (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес); *Но могла ль такая беда от матери утаиться* (П.Ю. Львов. Даша, деревенская девушка); *Одна великая, мирская беда царит надо всеми* (В.В. Крестовский. Панургово стадо); *«С бедой надо переспать», – говорила мне часто бабушка, когда со мной случались всякие несчастья* (Е. Маркова. Отречение); *Беда тем и коварна, что застаёт врасплох* (Е. Маркова. Отречение).

1.5. едой, напитком, иметь вкус. ... *Снова горькая русская беда, тяжкий стон – «Смерть лошади»* (М. Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность); *Оно было соленое – от морской воды, от упавших слез, от кровавых капель. Это был вкус беды. Но... это был еще вкус моря* (В. Крапивин. Трое с площади Карронад); *Беда отрывает, а счастье пьянит* (В. Черноусов. Ангелы в океане).²³

2. Беда может уподобляться жидкой или газообразной среде, стихии. *Трясаясь от страха, потеряв даже силу мыслить, так внезапно нахлынула на нее беда, она хочет что-то сказать, но губы ее издают непонятные, дрожащие звуки* (И.И. Лажечников. Ледяной дом); *В больнице все дышало бедой, все физически отталкивало* (Л.Р. Кабо. Ровесники Октября); *Не хватило нескольких спокойных лет. На Русь обрушились беды и неурядицы. Прежде всего, три неурожайных года – 1601, 1602, 1603* (Л.А. Муравьева. Смутное время в России: причины, этапы, последствия).

3. Перцептивные образы беды включены в пространственные, коммуникативные и др. отношения с другими сущностями. Так же, как счастье и свобода, беда может быть близкой и далекой, ее можно искать и т.д. *У меня и мысли пока не было как-то воевать с Терезой, искать беду, но ее еще не явленное присутствие в Баку гипнотизировало изнутри* (А. Иличевский. Перс).

Сравнительный анализ перцептивных портретов

1. Несмотря на различие в типах понятий (*счастье* и *свобода* характеризуют психологические состояния, *беда* – социально и психологически маркированную ситуацию), мы видим, что они описываются общим (и предельно широким) классом объектов: природные объекты, вещи, живые существа, включая людей, участвующих в сложных социокультурных сценариях, территории, стихии, события (в случае *беды* мы не стали выделять класс «событие» в отдельную категорию, т.к. беда – это событие в прямом смысле слова, особый тип события). Слово здесь оказывается неким «перцептивным Протеем», принимающим различные, несовместимые друг с другом образы. Разумеется, каждый из перцептивных портретов имеет свою специфику (так, свободой и счастьем можно обладать, можно продать и купить их, для беды подобные действия лексически невозможны, ее, в основном, носят и сбрасывают с плеч; свобода и счастье пьянят, беда отрезвляет и.д.), хотя между ними оказывается и неожиданно много общего. Продуктивным для дальнейшего исследования кажется вопрос о типологическом соотношении отдельных классов абстрактных понятий с перцептивными кластерами, им соответствующими. Так, можно выделить следующие классы: эмоции и психологические состояния (напр., проанализированные в данной работе *счастье* и *свобода*); имеющие социально-психологическую окраску события (проанализированная выше *беда*, но также *война*, *праздник*, *революция*, *измена* и т.д.); абстрактные понятия, связанные с рациональной научной сферой (*теория*, *гипотеза*, *аргумент* и т.д.); «трансцендентные силы» (*судьба*, *случай* и т.д.); «генерализации» (*мир* в значении ‘вселенная’, *вечность* и т.д.); экзистенциалы²⁴ (*народ*, *партия*, *родина* и т.д.). Интересно посмотреть, какие из перечисленных выше кластеров («вещь», «живое существо», «стихия» и т.д.) составляют содержание перцептивных портретов в каждом из указанных классов, и каковы характерные черты данных перцептивных портретов в этих классах.

2. Важно отметить, что во всех описанных случаях перцептивные образы абстрактных понятий оказываются не просто телами, а телами, включенными в сложно организованную сеть социокультурных отношений (задаваемых, например, такими культурными сценариями, как обман, выбор, покупка и продажа), т.е. значимым для них оказывается не только физическое, но и социокультурное измерение. Как уже отмечалось, эта черта если и не противоречит базовым положениям Лакоффа и Джонсона, то, по крайней мере, не становится для данных авторов предметом анализа. Напомним, что

определяющей мировоззренческой идеей для теории концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона является идея *embodiment*, т.е. представление о том, что абстрактные понятия осмысляются через привязывание их к категориям базового уровня в терминологии Э. Рош²⁵ с помощью перцептивных схем (*image schemas* в терминах Лакоффа и Джонсона²⁶), таких как Баланс, Вертикальность, Центр-Периферия, Исходная точка-Путь-Цель и др.²⁷. Однако, как мы видим из проведенного анализа, наряду с этими схемами имеется целый ряд других схем, функционально воспринимаемых как однородные данным, но носящих отчетливый социокультурный характер (например, Собственность или Купля-Продажа), да и сами предложенные схемы имеют наряду с физической отчетливую социокультурную составляющую (так, в предложении *Беда подкралась незаметно* можно увидеть схему Исходная точка-Путь-Цель, однако в глаголе *подкрадываться* содержится и вполне определенный социальный сценарий, сценарий внезапного нападения).

3. Если обратиться теперь к одной из ключевых для современной когнитивной науки категории *система перцептивных символов*²⁸, имеющей большое значение и для лингвистики, то можно включить в указанную категорию наряду с системами, воспринимаемыми перцептивно, еще и квази-перцептивные модели, носящие социокультурный характер. Эти квази-перцептивные модели (например, отношения собственности) также усваиваются в раннем детстве, соотносятся с конкретным перцептивным опытом (эта игрушка моя, значит я имею большее право держать ее в руках, чем другие люди) и с некоторого момента становятся столь же естественными для ребенка, как и базовые перцептивные схемы (Вертикальность или Баланс). Эта социокультурная составляющая и находит свое непосредственное выражение в языке, в частности, в специфике проанализированных в статье перцептивных портретов.

Примечания

- ¹ *Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.*
- ² *Johnson M. The Body in the Mind. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987; Idem. The meaning of the body: aesthetics of human understanding. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2007.*
- ³ *Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987*

- ⁴ *Geeraerts D., Grondelaers S.* Looking back at anger. Cultural traditions and metaphorical patterns // *Language and the Construal of the World* / Taylor J., MacLaury R. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 153-180.
- ⁵ *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. N.Y.: Basic books, 1999.
- ⁶ *Kövecses Z.* Metaphor in culture: universality and variation. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005; *Idem.* Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- ⁷ *Gibbs R. W. Jr.* Embodiment and cognitive science. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. P. 79-122.
- ⁸ *Глебкин В. В.* Лексическая семантика: культурно-исторический подход. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 87-100, 120-121.
- ⁹ *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика, № 11, 1979. С. 142-148.
- ¹⁰ *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука, 1991. С. 22-49.
- ¹¹ *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors... P. 7-9.
- ¹² *Johnson M.* The Body...; *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy...
- ¹³ *Geeraerts D., Grondelaers S.* Op. cit.
- ¹⁴ *Kövecses Z.* Metaphor...
- ¹⁵ *Глебкин В.В.* Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона // *Вопросы языкознания.* № 3, 2012. С. 51-68; *Glebkin V.* A socio-cultural history of the machine metaphor // *Review of cognitive linguistics.* V. 11, № 1, 2013. P. 145-162.
- ¹⁶ В отличие от лексикографического портрета, понимаемого как исчерпывающая характеристика всех лингвистически существенных свойств лексемы, выполненная в рамках интегрального описания языка (*Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 503-504), перцептивный портрет отсылает к совокупности связанных с некоторой лексемой концептуальных кластеров, хранящих перцептивно воспринимаемую информацию.
- ¹⁷ *Глебкин В. В.* Лексическая семантика... С. 89-91.
- ¹⁸ Отечественные исследователи неоднократно обращались к лингвистическому анализу указанных категорий. См., напр., *Кошелев А.Д.* К эксплицитному описанию концепта «свобода» // *Логический анализ языка: Культурные концепты.* Вып. 4. М.: Наука, 1991. С. 61-64; *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004; *Мальцева Л.В.* Эмотивно-событийный концепт «горе, беда, несчастье» в русской языковой картине мира. Дисс. ... канд. филолог. наук. Новосибирск, 2009; *Зализняк Анна А.* *Счастье и наслаждение* в русской языковой картине мира // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 99-116. Однако ни один из известных нам авторов не работал с данной категорией в обозначенном здесь ракурсе. Также следует отметить, что объем приводимых ниже описаний ограничен форматом статьи, и они предполагают уточнение и индивидуализацию в более развернутых версиях.

- ¹⁹ Все примеры, если это не оговорено особо, приводятся из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).
- ²⁰ Знаком * отмечены авторские метафоры, не имеющие большого распространения в языке.
- ²¹ В противоречии с позицией Лакоффа и Джонсона, а также ряда примыкающих к ним исследователей (*Lakoff G., Johnson M. Philosophy... P. 137-169; Boroditsky L., Ramscar M. The roles of body and mind in abstract thought. Psychological Science, 13, 2002. P. 185-189*), рассматривающих временные характеристики как внутричные по отношению пространственным, мы здесь, следуя за другой группой исследователей, опирающихся на весомую экспериментальную традицию (*Evans V. The structure of time: language, meaning, and temporal cognition. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub., 2003; Cai Z., Connell L. Space-Time Interdependence and Sensory Modalities: Time Affects Space in the Hand But Not in the Eye // Proceedings of the 34th Annual Conference of the Cognitive Science Society / N. Miyake, D. Peebles, R. P. Cooper (Eds.). Austin, TX: Cognitive Science Society, 2012. P. 168-173*) трактуем восприятие длительности как первичный перцептивный процесс.
- ²² В данной статье мы анализируем перцептивные образы свободы как психологического состояния и дистанцируемся от концептуальных кластеров, связанных с такими сочетаниями, как *политические свободы*.
<http://www.proza.ru/2004/11/20-46>
- ²⁴ О категории «экзистенциал» см., напр., *Глебкин В.В. Экзистенциал // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т.2. М.: РОССПЭН, 2007. С. 1026-1027*.
- ²⁵ *Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and categorization. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates; New York: distributed by Halsted Press, 1978. P. 27-48.*
- ²⁶ *Johnson M. The Body...; Lakoff G. Women...*
- ²⁷ *Johnson M. The Body... P. 18-138; Johnson M. The meaning of the body... P. 21-24, 136-152.*
- ²⁸ *Barsalou L. Perceptual symbol systems // Behavioral and brain sciences. V. 22, 1999. P. 577-660; Barsalou L., Santos A., Simmons K., Wilson Ch. Language and simulation in conceptual processing // Symbols and embodiment: debates on meaning and cognition / Vega M. de, Glenberg A., Graesser A. (eds.) Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, 2008. P. 245-283.*

Синтаксические свойства глагольного аппроксиматора (японское деепричастие репрезентативности в текстах он-лайн-дневников)

Статья посвящена корпусному исследованию особого феномена японского синтаксиса – конструкции с деепричастием репрезентативности. Особенность данной формы заключается в том, что в других языках обычно значение репрезентации выражается аналитически и чаще всего в составе именной группы, а не в составе глагольной словоформы. В статье демонстрируется широкий спектр функций, которые может приобретать данная конструкция в предложении.

Ключевые слова: японский синтаксис, репрезентативность, глагольный аппроксиматор, аппроксимативность.

1. Постановка задачи

В данной статье рассматриваются синтаксические свойства японского деепричастия репрезентативности (формы на *-tari*). Мы покажем, что такие факторы, как количество деепричастий в одной клаузе и наличие/отсутствие вспомогательного глагола при деепричастии, коррелируют с позицией самого деепричастия в синтаксической структуре. На корпусном материале подробно рассматриваются синтаксические функции, которые может выполнять деепричастие в предложении, а также приводятся количественные данные о его употреблении.¹

Для исследования использовалась онлайн-версия (Chunagon) «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (*BCCWJ: Balanced corpus of contemporary written Japanese*).² Выборка составила 500 случайных предложений с формой на *-tari*, взятых из текстов блогов интернет-портала *Yahoo!* за 2008 год (52 680 статей, примерно 10 300 000 словоупотреблений).

2. Японское деепричастие репрезентативности (форма на *-tari*)

Японская конструкция с деепричастием репрезентативности на *-tari* строится по общей схеме $V_1 + tari (V_2 + tari \dots V_n + tari) V_{aux}$, где $V_1 + tari$ – полнозначный глагол в деепричастной форме; V_{aux} – вспомогательный глагол (обычно *suru* ‘делать’, реже его супплетивная форма потенциального залога *dekiru* ‘мочь’ или их стилистические эквиваленты). Вспомогательный глагол ставится всегда один раз и только после последнего деепричастия. В основном вспомогательный глагол несет на себе грамматическую функцию: на нем маркируются все необходимые грамматические категории, например, вид, время, адресивность и др. (1), однако он не является обязательным компонентом конструкции и может быть опущен (2):

- (1) *Uchi wa takusan tsukat-te sugi no hi*
 Дом TOP много готовить-CNV следующий GEN день
ni mo tabe-tari shi-mas-u
 DAT даже есть-APPR VRB-ADR-PRS

«Дома наготовили много всего, что даже на следующий день будем есть [и все такое].»

- (2) *Toojitsu wa aichi-ken no Toyohashi watashi*
 Тот.же.день TOP Айти-префектура GEN Тоёхаси я
no jimoto kara tomodachi ga ki-te
 GEN местность из друг-приятель NOM придти-CNV
kure-tari Kubotakari-san ga asobi ni
 AUX.BEN-APPR Куботакари-сан NOM развлечение DAT
ki-te kudasat-tari tennis ya o-shibai o
 придти-CNV дать-APPR теннис и HON-театр ACC
tanoshin-de-ru tomodachi ga ki-te
 наслаждаться-CNV-PRS друг-приятель NOM придти-CNV
kure-tari hontoo ni kandoo desh-ita
 AUX.BEN-APPR действительно DAT впечатление COP.ADR-PST

«В тот же день из моего родного города Тоёхаси префектуры Айти приехал друг, зашел в гости господин Куботакари, приехали друзья, с которыми мы играем в теннис и ставим спектакли, [этим всем] я был действительно очень тронут.»

В стандартном случае конструкция имеет аппроксимативное значение ‘делать $V_1 (V_2 \dots V_n)$ и тому подобное’.³

3. Синтаксическая позиция

Как уже было показано выше, в составе конструкции может быть как один глагол в форме на *-tari* (1), так и несколько (2). Се-

мантически различие между этими двумя случаями заключается в том, что функция репрезентации более полно выражается при использовании цепочки из нескольких действий. Сочинительный ряд из нескольких деепричастий сигнализирует о том, что говорящему удалось подобрать несколько типичных событий, чтобы охарактеризовать ситуацию. В таком случае и говорящий и слушающий, как правило, могут без труда дополнить список другими похожими действиями:

- (3) *Minna de umibe no sampo o shi-tari hiroba*
 Все INS пляж GEN гулять ACC VRB-APPR поле
de yakyuu o shi-tari minitenisu o shi-tari
 INS бейсбол ACC VRB-APPR пинг-понг ACC VRB-APPR
nonbiri tanoshim-imash-ita
 неспешно развлекаться-ADR-PST

«Мы все неспешно проводили время: гуляли по пляжу, играли на поле в бейсбол, пинг-понг и т.д.»

- (4) *Shikin keikaku o iss honi kangae-tari puran*
 Финансы проект ACC вместе думать-APPR план
o iss honi nayan-dari shoorai zoo o
 ACC вместе мучаться-APPR будущее образ ACC
iss honi egai-tari jinsei o iss honi katat-tari
 вместе рисовать-APPR жизнь ACC вместе говорить-APPR
ar-i a
 быть-CNV PRT

«Было ли такое, что вы вместе распределяли финансы, вместе мучились над планами, вместе рисовали свое будущее, вместе говорили о жизни и т.п.?»

Когда же говорящий употребляет всего одно действие, то это сигнал о том, что он в силу каких-либо причин не смог или не захотел указать на другие действия, а остановился только на одном. При такой стратегии на одно действие «навешиваются» остальные возможные сходные действия, и оно представляется как аппроксимативный «ярлык»:

- (5) *Soshite kekkon-shi-te kazoku de hanabitaikai o*
 Затем свадьба-VRB-CNV семья INS фейерверк ACC
mi-tari su-ru n dar-oo naa
 смотреть-APPR VRB-PRS NML COP-PMT PRT

«Затем после свадьбы, наверно, пойдем всей семьей смотреть фейерверк и все такое.»

- (6) *Sonoato ichijikan kurai hanashi o shi-tari*
 Потом час примерно разговор ACC делать-APPR
shi-te sugosh-ita
 VRB-CNV проводить-PST

«Потом около часа мы провели в разговорах и тому подобном.» или «Потом около часа мы провели во всяких там разговорах.»

Можно предположить, что с точки зрения структуры дискурса, цепочка из нескольких деепричастий в большинстве случаев служит фоном, а одиночное деепричастие чаще описывает ситуацию, принадлежащую основной нарративной линии. В синтаксисе различие дискурсивных ролей выражается в синтаксической позиции этих двух групп деепричастий: одиночные деепричастия чаще выступают в позиции вершинного сказуемого, а неодинокные – в позиции зависимого сказуемого.

В исследуемом корпусе из 500 примеров примерно поровну (51% и 49%) распределились случаи употребления одиночного деепричастия на *-tari* (255 примера) и неодинокного (245 примера). В относительном большинстве случаев одиночное деепричастие на *-tari* стоит в позиции вершинного сказуемого (58%), в то время как цепочка из нескольких деепричастий чаще (64%) встречается в позиции зависимого, см. Таблицу 1:

Таблица 1.

Тип деепричастия Сказуемое	Одиночное деепричастие 255 примера (100%)	Цепочка из нескольких деепричастий 245 примера (100%)
Вершинное сказуемое	147 (58%)	87 (36%)
Зависимое сказуемое	108 (42%)	158 (64%)

Что касается вспомогательного глагола, то его распределение в нашем корпусе также достаточно равномерно: он был опущен в 252 случаях и употреблялся в 248 случаях. Со вспомогательным глаголом деепричастие чаще встречается в позиции вершинного сказуемого (63%), а без вспомогательного глагола деепричастие чаще (69%) встречается в позиции зависимого, см. Таблицу 2:

Таблица 2.

Тип деепричастия Сказуемое	Деепричастие со вспомогательным глаголом 248 примера (100%)	Деепричастие без вспомогательного глагола 252 примера (100%)
Вершинное сказуемое	155 (63%)	79 (31%)
Зависимое сказуемое	93 (37%)	173 (69%)

Проверим теперь, независимы ли эти два признака. Для этого расширим Таблицу 1 новым критерием наличие/отсутствие вспомогательного глагола *suru*, см. Таблицу 3. Среди одиночных деепричастий наиболее частотным классом оказывается класс с признаками

«позиция вершинного сказуемого» + «наличие вспомогательного глагола» (43% всех случаев), а среди цепочки из нескольких деепричастий видна тенденция к прямо противоположенной ситуации – самым частотным является класс с признаками «позиция зависимого сказуемого» + «отсутствие вспомогательного глагола» (44%).

Таблица 3

Тип деепричастия Сказуемое	Одиночное деепричастие 255 примера (100%)		Цепочка из нескольких деепричастий 245 примера (100%)	
	С suru	Без suru	С suru	Без suru
Вершинное	110 (43%)	37 (15%)	45 (18%)	42 (17%)
Зависимое	43(17%)	65 (25%)	50 (21%)	108 (44%)

Рассмотрим теперь подробно синтаксические функции, которые может выполнять деепричастие репрезентативности. Как уже было сказано выше, деепричастие на *-tari* может формировать сказуемое независимого предложения (7) или вершину зависимой предикации трех типов: сентенциального сирконстанта (обстоятельства) (8), сентенциального актанта (9) и относительного (определятельного) придаточного (10):

(7) *Kore ni shizen o mitome-te*
 Это DAT естественный ACC признать-CNV
waka-i josei ga atsumat-tari su-ru
 молодой-PRS женщина NOM собирать-APPR VRB-PRS
 «Само собой, разумеется, набирают молодых девушек и все такое.»

(8) *Guranta no o-ie demo o-benkyoo o*
 Бабушка GEN HON-дом даже HON-занятие ACC
shi-tari piano o shi-tari shi-te
 делать-APPR пианино ACC делать-APPR VRB-CNV
sugoshi-te i-ta mitai des-u
 проводить-CNV AUX.PRG-PST EVD COP.ADR-PRS

«Даже в доме бабушки он учился, играл на пианино и т.п., так, похоже, и проводил время.»

(9) *Sake-ru no wa wakar-u kedo watashi*
 Избежать-PRS NML TOP понимать-PRS но я
ni waruguchi o it-tari basei o
 DAT злословие ACC говорить-APPR насмешки ACC
abise-tari su-ru hitsuyoo wa na-katta
 осыпать-APPR VRB-PRS необходимость TOP нет-PST
 n ja na-i dar-oo ka
 NML COP.TOP AUX.NEG-PRS COP-PMT Q

«Я понимаю, что [нужно было этого] избежать, но ведь не было же необходимости в том, чтобы говорить мне гадости и осыпать насмешками.»

- (10) *Kengaku no hito kara esa o ubat-te*
 Осмотр GEN человек от корм ACC отнять-CNV
shiteyat-tari saru des-u
 обмануть-APPR обезьяна COP.ADR-PRS
 «Обезьяны, которые обманом отнимали у туристов еду.»

В нашем корпусе деепричастие репрезентативности на *-tari* встретилось 234 раза (47%) в позиции вершинного сказуемого и 266 раз позиции зависимого сказуемого (53%). Наиболее распространенной функцией, как и следовало ожидать, оказалась функция сентенциального сирконстанта (обстоятельства), на нее приходится 70% всех случаев зависимого сказуемого. Далее следует функция сентенциального актанта (26%) и незначительная доля – в нашем корпусе всего 11 примеров на эту функцию – определения (4%). На диаграмме 1 представлено общее распределение всех синтаксических позиций *-tari* по корпусу.

Диаграмма 1

Далее рассмотрим синтаксические позиции деепричастия *-tari* с точки зрения их распределения между одиночными и неодиночными деепричастиями, а также по признаку наличие/отсутствие вспомогательного глагола при деепричастии, см. Таблицу 5.

Из таблицы видно, что для функции сентенциального сирконстанта наиболее свойственно употребление цепочки из нескольких деепричастий на *-tari* при отсутствии вспомогательного глагола (39%). Этот случай является еще и самым распространенным относительно всех остальных: 73 случая составляют 15% от всех пятисот примеров в корпусе и 27% от 266 случаев употребления дееприча-

ствия на *-tari* в зависимой предикации. В функции актанта цепочки деепричастий без вспомогательного глагола тоже оказываются более частотными. В немногочисленных случаях синтаксических определений рассмотренные параметры распределились более равномерно. Здесь деепричастия встречаются одинаково часто как со вспомогательным глаголом (11), так и без него (12). Вспомогательный глагол в таком случае стоит в “определяющей” (индикативной неадресивной) форме. При отсутствии же вспомогательного глагола возможны два варианта: либо вся конструкция с деепричастием на *-tari* присоединяется к вершинному имени напрямую (10), либо при помощи маркера генитива (атрибутивного показателя) *no* (12). В нашем корпусе оба этих варианта встретились по два раза.

Таблица 5.

Позиция Тип деепричастия	Сирконстант 185 (100%)		Актант 70 (100%)		Определение 11 (100%)	
	C suru	Без suru	C suru	Без suru	C suru	Без suru
Цепочка из нескольких деепричастий	C suru	Без suru	C suru	Без suru	C suru	Без suru
	32 (17%)	73 (39%)	14 (20%)	31 (44%)	4 (36%)	4 (36%)
Одиночное деепричастие	C suru	Без suru	C suru	Без suru	C suru	Без suru
	29 (16%)	51 (28%)	12 (17%)	13 (19%)	2 (18%)	1 (10%)

(11) *jibun ni kankei na-i hito tachi no*
сам DAT отношение нет-PRS человек PL GEN
non-dari tabe-tari shi-te i-ru shashin
пить-APPR есть-APPR VRB-CNV AUX.PRG-PRS фотография
«фотографии, на которых не имеющие к нему отношения люди пьют, едят и т.п.»

(12) *nagut-tari ket-tari no booryoku kooi*
бить-APPR пнуть-APPR GEN насилие действие
«насильственные действия типа ударов и пинков.»

Деепричастие на *-tari* в функции синтаксического актанта представлено в нашем корпусе в 70 случаях (14% от общего числа вхождений в корпусе). В случае со вспомогательным глаголом деепричастие репрезентативности может присоединяться с его помощью к субстантиватору (номинализатору), который преобразует глагол в именную синтагму, как в (13), где таким субстантиватором является *no*:

- (13) *Tsuku-ru no kantan da kedo ki-tari*
 Готовить-PRS NML просто COP.PRS PRT резать-APPR
tsutsun-dari su-ru no ga taihen na
 заворачивать-APPR VRB-PRS NML NOM ужасный ATR
no da
 NML COP.PRS

«Готовить-то просто, но вот резать, заворачивать и прочее – ужасно.»

При отсутствии же вспомогательного глагола деепричастие с формой на *-tari* может выступать в качестве вершины сентенциального актанта в сочетании с союзом *to*:

- (14) *Tat-tari suwat-tari te o nobashi-tari*
 Стоять-APPR сидеть-APPR рука ACC протянуть-APPR
to iron na ugoki ga hitsuyoo da
 QUOT различный ATR движение NOM необходимость COP.PRS

«Необходимы различные движения: встать, сесть, вытянуть руки и т.п.»

Довольно редкий случай, когда деепричастие на *-tari* без вспомогательного глагола выступает в роли сентенциального актанта – прямого дополнения с маркером аккузатива *O*. В нашем корпусе встретилось всего два сходных примера этого типа: в них отсутствует вспомогательный глагол, это цепочка из нескольких деепричастий и вершиной является глагол ‘повторять’ – *kurikaesu*:

- (15) *Hatahatato hane o hirai-tari*
 Расправлять.на.ветру крылья ACC открывать-APPR
toji-tari o kurikaesh-imas-u
 закрывать-APPR ACC повторять-ADR-PRS

«[Бабочка] расправляет крылья на ветру, то открывая, то закрывая их.»
 (Букв. «повторял [действия] типа открыть крылья, закрыть и т.д.»)

- (16) *Tat-tari gurutto megut-te suwat-tari*
 стоять-APPR вокруг обходить.по.кругу-CNV садиться-APPR
o kurikaeshi-te i-mash-ita
 ACC повторять-CNV AUX.PRG-ADR-PAST

«Он то и дело вставал, ходил по кругу, [снова] садился на место.» (Букв. «повторял [действия] типа встать, обойти, сесть и т. п.»)

Как уже было сказано выше, самая распространенная и типичная функция деепричастия репрезентативности в позиции зависимого сказуемого – позиция сентенциального сирконстанта. В «чистом» виде эта функция проявляется без вспомогательного глагола, и в нашем корпусе такие примеры занимают около 67% от всех случаев употребления сентенциального сирконстанта (17):

- (17) *Ryokoo-shi-tari tsuri ni it-tari i-i*
 Путешествие-VRB-APPR рыбалка DAT идти-APPR хороший-PRS
natsuyasumi desh-ita ne
 летние.каникулы COP.ADR-PST PRT

«[Я] путешествовал, ходил на рыбалку и т.п., хорошее было лето.» («Путешествие» и «рыбалка» репрезентируют другие виды «хорошего лета»)

В остальных же случаях употребляется вспомогательный глагол, который может стоять в различных формах, например, в форме деепричастия одновременности *-nagara*:

(18) <i>tanoshin-dari</i>	<i>kurushin-dari</i>	<i>shi-nagara</i>	<i>kokoro</i>	<i>o</i>
радостный-APPR	грустный-APPR	VRB-CNV	душа	ACC
<i>yutaka ni</i>	<i>shi-te i-ku</i>	<i>koto ga</i>		
богатый ADV	делать-CNV	AUX.DIR-PRS	NML	NOM
<i>deki-mas-u</i>				
мочь-ADR-PRS				

«Радуюсь и печалюсь, мы можем обогащать наши души.»

4. Итоги

На исследовательском корпусе было изучено японское деепричастие репрезентативности и синтаксические позиции, которые оно может занимать в предложении. Были получены количественные данные о том, как синтаксическая позиция соотносится с употреблением одиночного и неодиночного деепричастия, а также с наличием/отсутствием вспомогательного глагола при нем.

Мы продемонстрировали, что одиночное деепричастие чаще занимает позицию вершинного сказуемого, в то время как для цепочки из нескольких деепричастий характерна позиция зависимого сказуемого. Есть основания полагать, что полученный нами структурный результат коррелирует с распределением дискурсивного статуса фон/фигура и с такими семантическими категориями, как репрезентативность и нечеткая номинация. Исследование этого вопроса пока остается за рамками данной работы.

На примерах было показано, что для деепричастия репрезентативности допустимы все мыслимые позиции зависимой предикации – сирконстант, актанта и определение. Также было показано, что показатели подлежащего и прямого дополнения могут присоединяться непосредственно к деепричастию на *-tari* или через субстантиватор, также как и в функции определения – напрямую или же при помощи маркера генитива (атрибутивного показателя).

Дальнейшее изучение этих форм на более широком и разнообразном материале поможет уточнить связь выявленных нами синтаксических закономерностей с дискурсивными и семантическими свойствами данной формы.

Список сокращений

ACC – аккузатив, ADR – адрессив, ADV – адвербиальная форма, APPR – аппроксиматор, ATR – атрибутивная форма, AUX – вспомогательный глагол, CNV – конверб, COP – глагол-связка, DAT – датель, EVD – эвиденциальность, GEN – генитив, INST – инструменталис, NEG – отрицание, NML – субстантиватор, NOM – номинатив, PAST – прошедшее время, PL – множественное число, PMT – презумптив, PRG – прогрессив, PRS – презенс, PRT – частица, QUOT – цитационный союз, TOP – топик, VRB – вербализатор.

Примечания

- ¹ Работа поддержана грантом РФФИ (№13-06-00179).
- ² Онлайн-версия (Chunagon) «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (BCCWJ: Balanced corpus of contemporary written Japanese), <https://chunagon.ninjal.ac.jp>
- ³ О формальных свойствах, семантике и прагматике этой конструкции рассказывается в следующих научных трудах: *Алпатов В.М.* Выражение частных значений множества ситуаций в современном японском языке // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С.200-206; *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка. Т. 2. М.: Наталис, 2008. С. 228-233 (Гл. 16.4. Деепричастие репрезентативности: некоторые признаки сочинения); *Вардоль И.Ф.* Значение суффикса *-тари* в современном японском языке // Японский язык. М.: Восточная Литература, 1963. С. 94-106; *Подлеская В.И., Стародубцева А.В.* О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания. 2013. №3. С. 25-41; *Honda A.* A note on the Japanese adverbial particle Tari // Surugadai university studies, 2007. V. 33. P. 1-18; *Palihawadana R.* Meaning and usage of (-tari.) -tari constructions // International student center, Kanazawa University. Research Bulletin. 2002. V. 3. № 5. P. 1-24; *Suzuki S.* Expressivity of vagueness: Alienation in verb-tari suru construction // Japanese language and literature. 2008. V. 42. № 1. P.157-169.

П.С. Дронов, С.Ю. Бочавер

Варьирование идиомы (разрубить) гордиев узел и ее аналогов в русском, английском, немецком и испанском языках¹

Данная работа посвящена варьированию формы фразеологического интернационализма (в терминологии А.Д. Райхштейна), или общей фразеологической единицы (по Э. Пиирайнен) (*разрубить гордиев узел* в русском, английском (*[to cut] the Gordian knot*), немецком (*den [Gordischen] Knoten durchhauen*) и испанском (*[cortar] el nudo gordiano*) языках. Рассматриваются сходства и различия в модификациях, особенности актуального значения в контексте.

Ключевые слова: фразеологические интернационализмы, модификации идиом, актуальное значение.

Введение²

Для фразеологии традиционный интерес представляют как лингвокультурная специфика идиом³, так и идиомы, совпадающие по компонентному составу и актуальному значению⁴. А.Д. Райхштейн⁵ называет их фразеологическими интернационализмами, а Э. Пиирайнен именует их *widespread idioms in Europe and beyond* 'идиомы, распространенные в Европе и за ее пределами' и *common figurative units* 'общие фразеологические единицы'⁶. Фразеологические интернационализмы, как правило, близки по компонентному составу, однако могут иметь различия во внутренней форме, актуальном значении, сочетаемости — ср. рус. *насыпать (кому-л.) соли на хвост* 'сделать неприятность, досадить кому-л.' и англ. *to lay/put/cast salt on sb's tail* 'поймать, схватить кого-л.', рус. *поднимать голову* 'начать действовать, проявлять себя активно, обретая уверенность в своих силах' и порт. *erguer a cabeça* 'не сдаваться в сложной ситуации'.

В данной статье рассмотрено варьирование формы⁷ идиомы (*разрубить гордиев узел* в русском, английском (*[to cut] the Gordian knot*), немецком (*der Gordische Knoten / den Gordischen Knoten durchhauen / lösen*) и испанском (*[cortar] el nudo gordiano*) языках с целью

выделения сходств и различий в модификациях данных идиом, почти полностью совпадающих по своей структуре и внутренней форме.

Рассмотрим словарные определения.

Гордиев узел **книжн. экспрес.** Трудноразрешимое, запутанное дело, задача и т. п. <...> От названия сложного, запутанного узла, который никто не мог развязать, завязанного, согласно легенде, фригийским царём Гордием⁸.

Gordian knot – 1. an intricate problem; especially: a problem insoluble in its own terms – often used in the phrase *cut the Gordian knot* ‘запутанный, сложный вопрос; проблема, неразрешимая в рамках заданных ею условий – часто используется во фразе *разрубить гордиев узел*’; 2. a knot tied by Gordius, king of Phrygia, held to be capable of being untied only by the future ruler of Asia, and cut by Alexander the Great with his sword ‘узел, завязанный фригийским царем Гордием (считалось, что его сможет развязать только будущий властитель Азии) и разрубленный Александром Македонским’⁹.

Den [gordischen] Knoten durchhauen – die schwierige Aufgabe verblüffend einfach lösen ‘удивительно просто решить сложную задачу’¹⁰.

El nudo gordiano – cuestión de dificultad extrema o insoluble ‘вопрос крайней сложности или не имеющий ответа’¹¹.

В русской и английской дефинициях объясняется внутренняя форма, т.е. метафора, лежащая в основе фразеологической единицы и – в данном случае – отсылающая к античной легенде. В «заромбовой» зоне немецкого словаря дается краткий историко-культурологический комментарий («Die Wendung geht auf Berichte über die Taten Alexanders des Großen zurück <...>», ‘данное выражение восходит к преданиям о деяниях Александра Македонского’). Следует отметить, что в целом, число словарей, в которых зона толкования включает объяснение внутренней формы или лингвострановедческий комментарий, невелико¹².

Модификации идиомы *разрубить гордиев узел*

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) обнаруживается 95 контекстов употребления идиомы.

В одиннадцати контекстах возможна лексическая субституция: *развязать гордиев узел*, которая, как правило, сочетается с прочими модификациями и несколько изменяет актуальное значение идиомы, ср. (1):

1. Но наши пловцы были грустны — более чем грустны: на них невыносимо тяжелым камнем лежала сложность их положения; они хотели *развязать как-нибудь этот гордиев узел, в который сами невольно впутались*, и не могли, потому что слова замирали на губах, мысль скудела под бременем поглощавшей их страсти. Долгое время плыли они молча и не смотря друг другу в глаза, боясь даже в них увидеть обличение тайной их страсти; наконец Нажимов не выдержал; он бросил в лодку весла и облокотился рукою на колено. — Бедные, несчастные мы люди! — сказал он с горечью. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Глава (1847–1848); НКРЯ].

В 6 контекстах представлены контекстно-зависимые модификации типа (2):

2. Недавно главком ВВС генерал-полковник В. Михайлов *разрубил туго сплетенный десятилетиями «гордиев узел»*. Начинается поставка Ка-52 и Ми-28 в войска. Если с боевым применением милевских машин все ясно, то с камовскими остаются вопросы. ВВС России получают принципиально новую боевую машину, а если точнее — боевой комплекс. [Морские хищники на сухопутье (2004) // «Солдат удачи», 2004.04.07; НКРЯ].

Возможен ввод в состав идиомы генитивного атрибута (6 контекстов). Подобные модификации являются контекстно-зависимыми¹³.

3. **а.** Положение таким было и таким осталось бы (оно и оставалось таким фактически), если бы не вмешался новый фактор, который обещал *разрубить гордиев узел вопроса*. [П.Н. Милюков. Воспоминания (1859–1917). Том второй (1940–1943); НКРЯ]. **б.** Только когда скептику надоедает *распутывать гордиев узел бытия*, он заявляет: мы ничего не знаем и знать не можем — не стоит и хлопотать. [Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим (1938); НКРЯ].

Отдельно стоит отметить лексическую субституцию (3б), изменяющую актуальное значение идиомы по такой же модели, как и в примере (1).

В состав идиомы могут быть введены элементы, выражающие предметный дейксис (указательные местоимения). Общее количество контекстов — 14. Ср.:

4. **а.** Вы же, милейший, допустили ошибку начинающего — попытались одномоментно разрубить *этот «гордиев узел»*, чего, конечно же, не допустит Татьяна Юрьевна! [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009); НКРЯ]. **б.** *Разрубил этот гордиев узел* петербургский градоначальник генерал Грессер. [В. Чукаев. Разные разности // «Техника – молодежи», 1977; НКРЯ].

Английский язык

В Корпусе современного американского варианта английского языка¹⁴ идиома встречается 68 раз. В одном контексте именная группа идиомы употреблена в измененной форме: *Gordian's Knot*; это нельзя считать ошибкой, поскольку в тексте речь идет о детской головоломке с таким названием. В 4 контекстах идиома употреблена во множественном числе, ср. пример (5), содержащий несколько модификаций:

5. "There is big-time uncertainty about health care reform," says Dirk Van Dongen, president of the National Association of Wholesaler-Distributors. "Instead of building a consensus as they went along, the Administration is *leaving all the Gordian knots in place* until the last minute" (– С реформой здравоохранения очень много неясного, – говорит Дирк ван Донген, президент Национальной ассоциации оптовиков-дистрибьюторов, – вместо того, чтобы постепенно достичь согласия по ходу действия, правительство «оставляет все гордиевы узлы на прежнем месте до последнего») [1993; MAG; Fortune; COCA].

Здесь происходит материализация метафоры, лежащей в основе идиомы.

Так же, как и в русском материале, глагол *cut* заменяется на *untangle* 'распутать' (4 случая), *untie* 'развязать' (7 случаев), *unravel* 'распутать' (1 случай), а также на квазисиноним *break* 'разбить, сломать' (1 контекст).

Идиома может подвергаться синтаксическим трансформациям — прежде всего, пассивизации (4 контекста) и топикализации (2 контекста), ср. (6) и (7a):

6. Perhaps *this Gordian knot can be cut*, though, if we recognize that Social Security poses two distinct questions how best to care for those who are now, or soon-to-be, retired, and how best to structure retirement security for those who will retire as much as a half-century from now and will live with the system we design until the end of the next century. (Однако, возможно, «этот гордиев узел может быть разрублен», если мы признаем, что социальное страхование ясно ставит два вопроса: как лучше всего заботиться о тех, кто уходит на пенсию сейчас или уйдет в ближайшее время; и как лучше всего организовать пенсионное обеспечение для тех людей, которые уйдут на пенсию уже через полвека и будут жить в рамках разрабатываемой нами системы до конца следующего столетия) [1998; MAG; WashMonth; COCA].

Широко распространены лексико-синтаксические модификации (32 контекста). В состав идиомы могут быть введены адъективные и генитивные атрибуты, придаточные предложения, личные и указательные местоимения, кванторы и количественные слова (*all Gordian knots* «все гордиевы узлы», *to cut some Gordian knot* «какой-

нибудь гордиев узел»), *a kind of Gordian knot* ‘что-то вроде гордиева узла’.

7. **a.** Well, it shows you *how difficult a kind of Gordian knot this is to cut*, because what do you do with these terror suspects? And he hasn't been able to figure that out. (Ну, это четко демонстрирует, как тяжело разрубить этот гордиев узел [букв. «какой это трудный вид гордиева узла для разрубания»]: ведь что прикажете делать с подозреваемыми в терроризме? И он это не смог этого понять) [2010; SPOKEN; Fox_Sunday; COCA]. **b.** Financial and political hurdles are substantial, never mind Louisiana's unique adherence to the property rules of the Napoleonic Code, where the concept of "forced heirship," or guaranteed property rights of descendants, can *create a Gordian knot of paperwork for lawyers to untangle*. (Финансовые и политические препятствия значительны, не говоря уже об уникальной приверженности [правоведов] Луизианы законам о собственности из кодекса Наполеона, в результате которой понятие «принудительного вступления в наследство», или гарантированные права потомков на владение собственностью, могут «создать гордиев узел документации, который предстоит распутывать юристам») [2012; NEWS; CSMonitor; COCA] **c.** *Address the Gordian knot of overly complex and contradictory fiscal measures that evolved from constitutional, legislative and budget mandates*. (Принимайтесь за «гордиев узел излишне сложных и противоречивых фискальных мер, которые постепенно возникли на базе конституционных, законодательных и бюджетных мандатов») [2011; NEWS; Denver; COCA].

В примерах (7a, b) идиома синтаксически трансформирована: ее именная группа перемещена, и это вызывает топикилизацию: «гордиев узел документации, который предстоит распутывать юристам». Глагольный компонент, как и в русском языке, может быть заменен, что может привести к изменению метафоры, лежащей в основе идиомы.

Допускается морфологическая модификация – употребление неопределенного артикля: *a Gordian knot* (7a).

Немецкий язык

В мангеймском корпусе (DeReKo)¹⁵ идиома представлена ста двадцатью контекстами употребления.

Допускается замена глагольного компонента: вместо *durchhauen* ‘разрубать’ может быть использовано *lösen* ‘решать’, которое несколько изменяет и метафору, и актуальное значение: в отличие от «разрубания гордиева узла», здесь нет указания на неожиданный способ семантическое противоречие с актуальным значением идиомы:

8. Vielleicht kommt ja eine Fee oder ein Magier mit dem Zauberstab und löst den Gordischen Knoten. Das wäre dann der vierte Akt. (Ну, мо-

жет быть, придет фея или волшебник с волшебной палочкой и «решит гордиев узел». Тогда это был бы четвертый акт) [A98/MAR.14428 St. Galler Tagblatt, 07.03.1998, Ressort: WV-DEG (Abk.); DEReKo].

В 3 контекстах глагольный компонент заменяется на *knüpfen* 'завязывать', что изменяет актуальное значение идиомы, не меняя исходной метафоры: завязать гордиев узел — создать проблему, поставить сложный вопрос.

9. Leichtfried und Kern *haben den Gordischen Knoten geknüpft*, Landeshauptmann Pröll soll ihn jetzt *lösen* und dann vielleicht noch Schläge dafür einstecken – so kann es nicht sein (Ляйхтфрид и Керн «завязали гордиев узел», губернатор федеральной земли Прёлль должен его сейчас решить и для этого, вероятно, нанести еще больше ударов — такого не может быть) [NON07/JUL.10016 Niederösterreichische Nachrichten, 17.07.2007, S. 29; DEReKo].

Такие модификации можно отнести к конверсивам (ср. рус. *дать по шапке* – *получить по шапке*). Отметим, что метафора «завязанного гордиева узла» широко представлена в лексико-синтаксических модификациях.

Обнаружен один пример лексической субституции: именная группа *Knoten* заменяется на композит, однако его опорный компонент остается прежним (10):

10. *Den gordischen (Doppel-) Knoten zerschlagen*: Das ist das erklärte Ziel der Arbeitsgruppe Verkehr und Umwelt im Zentrenkonzept Lahnstein. Dr. Axel Müller, Oberlahnsteiner Apotheker und Sprecher der Arbeitsgruppe, teilte kürzlich mit, dass das Gremium einen neuen Vorschlag zu der vorgesehenen Planung vorlegen und *für eine runde Sache plädieren* möchte: Ein Kreisell soll den Verkehr vor der evangelischen Kirche steuern und gleichzeitig der Abnabelung Oberlahnsteins entgegen wirken (Разрубить гордиев (двойной) узел): Такова объясненная цель рабочей группы «Движение и окружающая среда» при генеральном плане центра города Ланштайн. Д-р Аксель Мюллер, аптекарь из Верхнего Ланштайна и пресс-секретарь рабочей группы, недавно сообщил, что комитет хочет представить новое предложение для предусмотренного плана и настоять на важном и давно задуманном мероприятии [букв. «на одной круглой вещи»]: круговая развязка должна разгрузить движение перед евангелической церковью и одновременно предотвратить отрезание Верхнего Ланштайна [от других частей города]. [RHZ00/FEB.01319 Rhein-Zeitung, 02.02.2000; DEReKo].

Заключение в скобки является графическим маркером языковой игры, ср. литуративы (зачеркивания) как средство выделения в текстах блогов¹⁶. В этом же отрывке идиома *eine runde Sache* 'нечто важное и хорошо продуманное' помещена в контекст, в котором материализуется метафора, лежащая в ее основе (перекресток с круговым движением как «круглая вещь»).

Лексико-синтаксические модификации представлены вводом адъективного определения (54 контекста). Стандартные модификации обнаружены в 26 примерах, ср.:

11. Zu den Forderungen aller Platzbenützer kommen jetzt noch die des Grossen Gemeinderates. Damit *hat das Parlament einen neuen gordischen Knoten geknüpft*. (К требованиям всех лиц, занимающих данное помещение, добавляются теперь еще и требования Большого муниципалитета. Тем самым парламент завязал новый гордиев узел) [E98/OKT.27166 Zürcher Tagesanzeiger, 27.10.1998, S. 21; DeReKo].

В стандартных модификациях в состав идиомы вводятся такие прилагательные и причастия, как *neu* 'новый', *kompliziert* 'сложный', *unlösbar* 'неразрешимый' и уже упоминавшееся *geknüpft* 'завязанный'.

Обнаружена метаязыковая модификация:

12. Wenn die FP-Bundesführung dieses Konfliktnäuel in einer Landesgruppe, die bei den vergangenen Europawahlen immerhin die stärkste Partei im Bundesland stellte, *wie den mythischen Gordischen Knoten zerschlagen* zu müssen glaubt, so gewiß nicht aus Jux und Tollerei. (Если федеральное руководство Свободной партии Германии считает, что должно «разрубить, как мифический гордиев узел», этот клубок конфликтов в делегации от федеральной земли, которая, между прочим, во время прошлых выборов в Европейский парламент стала у себя на родине [в федеральной земле] самой сильной партией, то это явно не шутки) [P98/APR.16829 Die Presse, 25.04.1998; DeReKo].

Прилагательное *mythisch* 'мифический' указывает на происхождение идиомы (фактически, на то, что перед нами — именно идиома, а не свободное сочетание) и может считаться метаязыковой заставкой (ср. довольно многочисленные случаи ввода в состав английских и немецких идиом прилагательных *proverbial* и *sprichwörtlich* 'вошедший в поговорку'¹⁷). При этом происходит изменение метафоры: «разрубить этот клубок конфликтов, как гордиев узел».

Остальные модификации являются контекстно-зависимыми, ср. (13):

13. Mit der Verfassung *soll* vielmehr *der innenpolitische gordische Knoten durchschlagen werden*. Die Lage ist heute verworren. Die Koalition des Nationalkonservativen Kostunica regiert wegen fehlender Mehrheit im Parlament ohne Außen- und Verteidigungsminister. Doch sie tut so, als ob sie in Amt und Würden stünden. Vier Minister einschließlich des Finanzministers hatten Anfang Oktober ihren Rücktritt eingereicht und machen trotzdem weiter. (Наоборот, «внутриполитический гордиев узел должен быть разрушен» с помощью конституции. В данный момент ситуация запутана. Коалиция национал-консерватора Коштуницы правит без министров иностранных дел и обороны, поскольку у нее нет парламентского большинства, — однако она ведет себя так, будто эти министры есть и исполняют свои обязанности. В начале октября,

четыре министра, включая главу министерства финансов, подали в отставку, но, несмотря на это, продолжают работу) [NUN06/ОКТ.03339 Nürnbergger Nachrichten, 31.10.2006; DeReKo].

Испанский язык

В корпусе современного испанского языка CREA идиома *el nudo gordiano* встречается в 66 контекстах. Представленный в корпусе материал позволяет предположить, что для испанского языка инвариантом идиомы является именно *гордиев узел* (*el nudo gordiano*), а не *разрубить гордиев узел* (*cortar el nudo gordiano*), поскольку глагольная группа встречается всего в 13 контекстах.

Идиома, как правило, используется с определенным артиклем, однако, в ряде случаев возможна его замена на неопределенный *un* (4 контекста, в одном случае эта модификация сочетается с вводом определения и является контекстно-зависимой). Артикль в составе идиомы обуславливает возможные трансформации, при которых он заменяется на указательные или притяжательные местоимения. Такого рода преобразования могут быть проиллюстрированы 4 примерами из корпуса (*este/ese/aquel nudo gordiano* ‘этот/тот гордиев узел’; *su nudo gordiano* ‘его гордиев узел’).

Среди лексико-синтаксических модификаций преобладает ввод дополнения с предлогом *de*, по функции схожего с генитивным атрибутом (23 контекста). Нередко это изменение сочетается с другими, например, в одном из случаев в состав идиомы вводится глагольный компонент *cortar* ‘разрубать, разрезать’, именная группа *de un golpe* ‘одним ударом’ и адвербиальный компонент *ayer* ‘вчера’:

14. El Gobierno de la Generalitat cortó ayer *de un golpe el nudo gordiano de su política teatral* y anunció el relevo de Josep Maria Flotats en la dirección del Teatre Nacional de Catalunya (TNC) a partir del próximo 30 de junio; es decir, al acabar la presente temporada. (Правительство Женеалитат разрубило вчера одним ударом гордиев узел своей театральной политики и объявило о смене Жузепа-Мария Флотатса в дирекции Национального Театра Каталонии с ближайшего 30 июня, иначе говоря, по окончании текущего театрального сезона). [El País, 1997; CREA]

Лексическая модификация: глагол *cortar* ‘разрезать’ заменяется глаголом *deshacer* ‘развязать’, что согласуется с внутренней формой идиомы, но меняет ее смысл на противоположный.

Среди лексико-синтаксических модификаций также можно выделить в особую группу случаи ввода определительного компонента, которое в 6 случаях представлено прилагательными (*verdadero* ‘настоящий’ (4 контекста); *aparente* ‘очевидный’ (2 контекста)), а в 5 случаях определительных придаточным предложением, ср. (14).

15. Pocas veces se ha hablado (...) del *especial nudo gordiano que le tocó deshacer a los compositores nacidos en los primeros años de la década de los cincuenta* (...) («О специфическом гордиевом узле, который пришлось развязывать композиторам, родившимся в начале 50-х годов, говорят редко <...>»).[ABC, 1989; CREA].

Лексические модификации идиомы *cortar el nudo gordiano* в значительной мере обусловлены внутренней формой идиомы и ее этимологией, а также представлениями о том, что можно сделать с узлом, чтобы от него избавиться. В 8 контекстах речь идет о том, чтобы его разрубить или разрезать (*cortar*). Трижды глагол *cortar* 'разрезать' заменяется глаголом *deshacer* 'развязать', что согласуется с внутренней формой идиомы, но меняет ее актуальное значение (16).

16. Pues la excelsitud de su currículum, tan jaleado en estos días como atenuante o prueba de su inocencia, nada prueba, como prueba es la pura nada; y, *sobre no deshacer el nudo gordiano de la acusación de nandrolona*, no cura su sufrimiento (Безупречность его резюме, столь превозносимая в последнее время как яркое доказательство его невиновности, ничего не доказывает, как доказательство это в чистом виде ничто, и, «относительно того, чтобы не развязывать гордиев узел обвинения [в применении] нандролона», не излечит его страдания). [La Razón, 2001; CREA].

В данном примере в состав идиомы вводится генитивный атрибут: *no deshacer el nudo gordiano de la acusación de nandrolona* 'не развязывать гордиев узел обвинения нандролона'. Модификация является контекстно-зависимой: речь идет о том, что спортсмена обвиняют в употреблении анаболических стероидов (конкретнее, деканоата нандролона). В одном случае встречается лексико-синтаксическая модификация *el nudo gordiano a desatar* 'гордиев узел, который нужно развязать'. Помимо этого, глагол *cortar* 'разрезать' заменяется на *romper* 'разорвать' (2 случая).

17. Madariaga disculpa al huido y consuela al herido y, al abrigo de la noche, Alfonso Escámez *rompe el nudo gordiano de la fusión*, centrado en el tema del mando supremo. (Мадариага оправдывает сбежавшего и утешает раненого, а под покровом ночи Альфонсо Эскамес «разрывает гордиев узел объединения», сосредоточенного на теме верховного правления. [Cacho Cortés, J., 1988; CREA].

Особо стоит отметить модификации *punto gordiano del desencuentro* 'гордиев повод для разногласия' и *gordiano cordón umbilical* 'гордиева пуповина', которые отходят от инварианта особенно далеко, оставляя неизменным только ключевой компонент *gordiano*, но продолжают использовать заложенный в идиоме образ:

18. Zappa y Bley se plantan *frente al gordiano cordón umbilical tijera en mano*... (Заппа и Блей подходят к гордиевой пуповине с ножницами в руках). [Derbez, A., 1988; CREA].

Заключение

В целом, модели варьирования идиомы в разных языках схожи. Во всех рассмотренных языках представлен вариант *развязать гордиев узел*, в котором, во-первых, актуализируется представление об античной легенде, а во-вторых (и это более существенно) материализуется метафора, лежащая в основе идиомы. На первый план выходит слово *узел*: говорящему, с точки зрения лексической сочетаемости, подкрепленной бытовым опытом, более привычно развязывание узлов, а не их разрубание. Противопоставление *развязанного* и *разрубленного* узлов встречается, очевидно, и в других языках, не рассмотренных в данной работе; в частности, оно оказывается сюжетообразующим в пьесе сербского драматурга Бошко Пулетича «Буцефал», где недолгое царствование Александра Македонского и распад его империи обосновываются тем, что «Гордијев чвор је пресечен али је и до дана данашњег остао *неразвезан*» ‘Гордиев узел разрублен, но так по сию пору и остался не развязан’ (курсив оригинала)¹⁷. Вероятно, *развязать гордиев узел*, *to untangle the Gordian knot*, *deshacer el nudo gordiano* следует указывать в словаре или как варианты *разрубить гордиев узел*, *cortar el nudo gordiano*, или как отдельные, хотя и близкие по значению, идиомы.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов».
- ² Разделы, посвященные анализу модификаций русской, английской и немецкой идиомы, написаны П.С. Дроновым. Раздел, посвященный анализу испанской идиомы, написан С.Ю. Бочавер.
- ³ Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания, № 6, 1997. С. 37–48; Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания, 1998. №6, С. 48–57; Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- ⁴ Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980. 143 с.; Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп. Изд. 2-е, доп. М.: URSS, 2008. 304 с.
- ⁵ Райхштейн А.Д. Указ. соч. С. 43.
- ⁶ Piirainen, E. Widespread Idioms: Cross-linguistic and Cross-cultural Approaches// Phraseology in Motion I. Methoden und Kritik. Akten der Internationalen Tagung zur Phraseologie (Basel, 2004) / Häcki Buhofer, A., Burger, H. (eds.). Baltmannsweiler: Schneider, 2006. P. 155–173; Piirainen, E. Widespread Idioms

- in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units. Berlin: Peter Lang 2012. 591 p.
- ⁷ О различиях между вариантами и модификациями см., например: *Дронов П.С.* О вводе контекстно-зависимого определения в состав идиомы // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Н.Д. Арутюнова (отв. ред.). М.: Индрик, 2012. С. 51–52.
- ⁸ *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ – Астрель, 2008. 880 с.
- ⁹ Merriam-Webster Online Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/gordian%20knot> (дата обращения 10.08.2013).
- ¹⁰ *Duden Band 11 – Duden Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik.* 3., überarbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2008. 960 S.
- ¹¹ *Seco M., Andrés O., Ramos C.* Diccionario fraseológico documentado del español actual. Madrid: Aguilar lexicografía, 2005. 1120 p.
- ¹² См.: *Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н.* Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.; *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 908 с.; *Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д.* Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с.; *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 тт. СПб., 1902, 1903. 778 с. (Т. 1), 580 [250] с. (Т. 2); *Kövecses, Z., Tóth, M., Babarci, B.* A Picture Dictionary of English Idioms. Four volumes. Budapest: Eötvös Loránd University Press, 1998. 192 p. (Vol. I), 174 p. (Vol. II), 160 p. (Vol. III), 172 p. (Vol. IV).
- ¹³ *Дронов П.С.* Указ. соч. Стр. 59.
- ¹⁴ Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus2.byu.edu/coca/>.
- ¹⁵ Deutscher Referenzkorpus [Электронный ресурс]. URL: <http://corpora.ids-mannheim.de/~cosmas> (дата обращения 10.08.2013).
- ¹⁶ *Занегина Н.Н.* Я этого не говорил: о литуративах, зачеркиваниях или мнимых текстах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: РГТУ, 2009. С. 112–115.
- ¹⁷ *Дронов П.С.* Идиомы в коммуникации и метакоммуникация [Электронный ресурс] // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 2 (2009). URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/2.pdf (дата обращения 10.08.2013).
- ¹⁸ *Пулетий Б.* Букефал // Проект Растко. URL: http://www.rastko.rs/drama/ssd/ssd10/b_puletic.pdf (дата обращения 10.08.2013).

К сопоставительному синтаксису латинских и древнегреческих обстоятельственных причастий

Предмет настоящей статьи – нефинитные обстоятельственные клаузы с причастием, для обозначения которых традиционно, начиная с латинских и древнегреческих грамматик XIX века, используются термины *participium conjunctum* и *participium absolutum*. Хотя нефинитные клаузы с причастием зафиксированы во множестве языков мира и их уже давно принято рассматривать в широком типологическом контексте, эта тема далеко не исчерпана для латинского и древнегреческого материала. Статистическое исследование, результаты которого легли в основу настоящей статьи, позволило выявить некоторые не отмеченные ранее особенности функционирования рассматриваемых конструкций в латинском и древнегреческом языках.

Ключевые слова: пропозициональный сирконстант, *participium conjunctum*, *participium absolutum*, кореферентность, функциональный аналог.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу конструкций *participium conjunctum* и *participium absolutum* в латинском и древнегреческом языках. Исследование основано на материале латинской и древнегреческой исторической и биографической прозы. Двадцать фрагментов текста общим объемом 1 млн. знаков послужили источником как статистических данных, так и всего иллюстративного материала статьи.¹

Статья имеет следующую структуру: в вводной части дано общее описание рассматриваемых конструкций и приведены подробные сведения о материале исследования; центральная часть статьи представляет собой отчет о статистическом сопоставительном исследовании *participium conjunctum* и *participium absolutum* в латинском и древнегреческом языках; в заключительной части статьи подводятся итоги исследования.

Participium conjunctum – традиционное, утвердившееся в латинских и древнегреческих грамматиках позапрошлого века название пропозиционального (сентенциального) сирконстанта на базе причастия, согласованного с одним из актантов – чаще всего субъектом – матричной предикации:

(1) *Miltiades morandi tempus non habens cursum direxit, quo tendebat.*

Мильтиад, не имея времени задерживаться, направил путь, куда стремился. Nep. Milt. 1.6

(2) *Κροῖσος δὲ μνημονεύων τοῦ ὄνειρου τὰ ἔπεα ἔλεγέ σφι τότε.*

Крез же, помня о сне, говорил им такие слова. Hdt. 1.36.3

Латинские и древнегреческие конструкции типа (1)–(2) обладают следующими характеристиками: а) в позиции субъекта пропозиционального сирконстанта находится актант матричной предикации; собственный субъект вложенной клаузы фонологически не выражен; б) в позиции предиката пропозиционального сирконстанта находится причастие любого времени и залога; темпоральная интерпретация причастия таксисная, т.е. отсчет ведется от матричного предиката; в) интерпретация логических отношений вложенной и матричной клауз вариативно, неспецифично и выводимо из контекста; в грамматиках *participium conjunctum* рассматривается как аналог обстоятельственного придаточного предложения с приписыванием ему всего спектра значений, характерных для обстоятельственных придаточных; в редких случаях и прежде всего в древнегреческом языке причастие может сопровождаться союзом, который делает его семантическую интерпретацию однозначной.

Participium absolutum – принятое в грамматиках обозначение традиционно противопоставляемого *participium conjunctum* пропозиционального сирконстанта на базе причастия, не согласованного ни с одним из актантов матричной предикации:

(3) *Senatu ad infimas obtestationes procumbente dixit Tiberius se non toti rei publicae parem.*

В то время как сенат предавался униженным мольбам, Тиберий сказал, что он неспособен к единовластию. Tac. Ann. 1.12

(4) *Φίλιππου δὲ στρατεύοντος ἐπὶ Βυζαντίους ἦν μὲν ἑκκαίδεκέτης ὁ Ἀλέξανδρος.*

Когда Филипп отправлялся в поход против византийцев, Александру было шестнадцать лет. Plut. Alex. 9.1

Латинские и древнегреческие конструкции типа (3)–(4) обладают следующими характеристиками: а) субъект пропозиционального сирконстанта выражен ненулевой именной группой, маркированной аблативом в латинском языке и генитивом – в древнегреческом; на кореферентность субъекта вложенной клаузы субъекту матричной предикации наложен строгий запрет; менее строгий запрет действует в отношении кореферентности вложенного субъекта другим актантам матричной предикации; б) предикат пропозиционального сирконстанта выражен причастием любого времени и залога; темпоральная интерпретация причастия таксисная; в) семантическая ин-

терпретация *participium absolutum* вариативна и определяется свойствами вложенной и матричной клауз; как и *participium conjunctum*, *participium absolutum* в стандартных грамматиках рассматривается в качестве аналога обстоятельственного придаточного предложения и для него предусмотрены те же обстоятельственные значения, что и для придаточных предложений; в редких случаях значение пропозиционального сирконстанта может быть уточнено союзом.

Participium conjunctum и *participium absolutum* составляют два весьма многочисленных класса нефинитных клауз как в латинском, так и в древнегреческом языке. Обе конструкции хорошо развиты уже в наиболее ранних литературных текстах и отмечены у всех латинских и древнегреческих авторов. С типологической точки зрения *participium conjunctum* и *participium absolutum* соответствуют аналогичным нефинитным клаузам во многих языках мира, где они в сравнении с финитными клаузами рассматриваются как «*de-ranked clauses*». ² *Participium conjunctum* представляет тип «*conditional deranking*», для которого характерно отсутствие выраженного субъекта подчиненной клаузы, *participium absolutum* – тип «*absolute deranking*», для которого характерно отсутствие общего для вложенной и матричной клаузы актанта. ³ *Participium conjunctum* и *participium absolutum* демонстрируют таким образом действие механизма «переключения референции» ⁴ и могут быть определены также в терминах «SS-маркирование» и «DS-маркирование» соответственно, где SS – *same-subject*, DS – *different-subject*. ⁵

Как следует из приведенных выше описаний, специфика рассматриваемых нефинитных клауз в латинском и древнегреческом языках связана прежде всего с разным падежным маркированием субъекта *participium absolutum* и с более или менее активным использованием союза как средства преодоления семантической неоднозначности. Дальнейшие различия касаются не столько структуры, сколько функционирования *participium conjunctum* и *participium absolutum* и обусловлены различиями в системах латинских и древнегреческих причастий.

В латинском языке три причастия: активное настоящего времени, пассивное прошедшего времени и активное будущего времени. Такую систему причастий можно охарактеризовать как «неполную». Причастия есть во всех временах, но ни у одного из них нет оппозиции по залогу. Система древнегреческих причастий, напротив, приведена в строгое соответствие с глагольной парадигмой и представлена причастиями всех времен и залогов. В отличие от системы латинских причастий такая система, предусматривающая свободное комбинирование категорий времени и залога, может быть охарактеризована как «полная». Естественно предположить, что

рассматриваемые нефинитные клаузы при всем сходстве – если не идентичности – их синтаксических описаний в латинских и древнегреческих грамматиках по-разному функционируют в языках с разным набором причастий. Неформальная взаимосвязь между характером функционирования *participium conjunctum* и *participium absolutum* и особенностями систем латинских и древнегреческих причастий составляет главный предмет настоящей статьи.

В исследовании были использованы фрагменты десяти латинских и десяти древнегреческих сочинений. Оптимальный размер фрагмента – 50 тысяч знаков – был установлен эмпирически. Устойчивое количественное соотношение основных анализируемых категорий причастий достигалось на отметке 25-30 тысяч знаков. Увеличение фрагмента вдвое послужило дополнительной гарантией достоверности полученных данных. В таблицах 1-2 приведены сведения об авторах и названия сочинений, из которых были взяты фрагменты.⁶

Таблица 1. Латинские авторы

Автор	Время и место жизни	Сочинение
Гай Юлий Цезарь	100 до н.э. – 44 до н.э., Рим	Записки о галльской войне
Гай Саллустий Крисп	86 до н.э. – 34 до н.э., Амитерн, Рим	Югуртинская война
Корнелий Непот	100 до н.э. – 24 до н.э., Гостилия (сев. Италия)	О знаменитых иноземных полководцах
Тит Ливий	59 до н.э. – 17 до н.э., Пагавий, Рим	История от основания города
Квинт Курций Руф	I в., Рим	История Александра Македонского
Публий Корнелий Тацит	56 – 117, сев. Италия, Рим	Анналы
Гай Светоний Транквилл	70 – 130, Рим	Жизнь двенадцати цезарей
Марк Юниан Юстин	III в.	Всеобщая история (эпитома сочинения Помпея Трога)
Секст Аврелий Виктор	320 – 390, Африка, Рим	О цезарях
Аммиан Марцеллин	330 – 400, Антиохия, Рим	Деяния

Таблица 2. Древнегреческие авторы

Автор	Время и место жизни	Сочинение
Геродот	490 – 430 до н.э., Галикарнас, Афины	История
Фукидид	460 до н.э. – 395 до н.э., Афины, Фракия	История Пелопоннесской войны

Автор	Время и место жизни	Сочинение
Ксенофонт	430 – 354 до н.э., Афины, Скиллунт (Элида)	Греческая история
Полибий	200 – 118 до н.э., Мегалополь (Аркадия), Рим	Всеобщая история
Плутарх	46 – 120, Херонея (Беотия), Афины, Рим, Дельфы	Сравнительные жизнеописания
Арриан	86 – 160, Никомедия (Вифиния), Афины	Поход Александра
Аппиан	95 – 165, Александрия, Рим	Гражданские войны
Прокопий Кесарийский	500 – 565, Палестина, Константинополь, Италия	Война с персами
Феофилакт Симокатта	VII в., Александрия, Константинополь	История правления императора Маврикия
Георгий Пахимер	1242 – 1310, Никея (Вифиния), Константинополь	История

Методом сплошной выборки из фрагментов указанных сочинений были получены 10322 причастия. Из этого числа были исключены субстантивированные, адъективированные причастия, причастия в составе аналитических конструкций с глаголом «быть», а также причастия, входящие в некоторые другие малочисленные категории и не создающие в предложении вторичной обстоятельственной предикации. К *participium conjunctum* и *participium absolutum* были отнесены 6883 причастия, которые послужили материалом для исследования. В таблице 3 представлено начальное распределение обстоятельственных причастий.

Таблица 3. Количественное распределение обстоятельственных причастий.

Авторы	<i>Participium conjunctum</i>	<i>Participium absolutum</i>
Латинские	1707	1081
Древнегреческие	3439	656

В настоящей статье из рассмотрения исключаются занимающие маргинальное положение причастия будущего времени: *participium conjunctum* будущего времени крайне редки, а *participium absolutum* и вовсе уникальны. Среди проанализированных латинских обстоятельственных причастий причастия будущего времени составляют менее 2%, среди древнегреческих – менее 3%. Кроме того, для настоящего исследования нерелевантно различие между древнегреческими аористными и перфектными причастиями. Несмотря на семантическое своеобразие, перфектное причастие, как правило, проявляет те же таксисные свойства, что и аористное причастие: в

позиции вершины нефинитной клаузы оно, как и аористное причастие, выражает действие, предшествующее матричной предикации. Также следует иметь в виду, что перфектные причастия встречаются гораздо реже аористных. Среди рассмотренных древнегреческих обстоятельственных причастий прошедшего времени перфектные причастия составляют всего 14%, остальные 86% приходятся на долю аористных причастий.

В таблицах 4-5 в процентном выражении представлено распределение 2733 латинских и 3975 древнегреческих обстоятельственных причастий настоящего и прошедшего времени.

Таблица 4. Латинские обстоятельственные причастия

	Participium conjunctum		Participium adsolutum	
	Prs	Prf	Prs	Prf
Act	22%	—	7%	—
Pass	—	38%	—	33%

Таблица 5. Древнегреческие обстоятельственные причастия

	Participium conjunctum		Participium absolutum	
	Prs	Aor/Prf	Prs	Aor/Prf
Act	26%	29%	6%	3,5%
Med	10%	11%	3%	2%
Pass	2%	5,5%	0,5%	1,5%

Сравнение таблиц 4 и 5 позволяет обнаружить статистически наиболее значимое расхождение между двумя системами обстоятельственных причастий – лакуну на месте активного причастия прошедшего времени и высокий, несоразмерно с древнегреческим, процент пассивных причастий прошедшего времени в латинском языке. При этом даже из школьной практики известно, как часто для перевода на русский язык латинских конструкций с причастием используется деепричастие совершенного вида. Казалось бы, такой способ перевода применим только к активному причастию прошедшего времени, согласованному с субъектом матричной предикации. Между тем деепричастие совершенного вида регулярно появляется в переводах на месте латинского пассивного причастия прошедшего времени – прежде всего когда подразумеваемый и в таких случаях никогда не выраженный фонологически агенс при абсолютном пассивном причастию прошедшего времени кореферентен субъекту матричной предикации. Обозначение «агенс» в данном случае условно и принято для удобства: ролевая характеристика может быть и иной (экспириенцер, пациенс), но поскольку в большинстве случаев подразумевается агенс, в дальнейшем изложении будет использован

именно этот термин. Латинские абсолютные причастия подобного типа давно обратили на себя внимание и своей многочисленностью, и функциональной эквивалентностью отсутствующему в латинском языке активному причастию прошедшего времени.⁷ В таких конструкциях категория кореферентности не маркирована, единственным средством ее обнаружения служит интерпретация логических отношений между вложенной и матричной клаузами. Хотя эта процедура носит неформальный характер, нефинитные клаузы, в которых удается выявить подобную кореферентность, составляют в латинском языке специфический и весьма многочисленный класс. Оппозиция кореферентность vs некорреферентность подразумеваемого агенса субъекту матричной предикации проиллюстрирована десятью парами примеров (5–14а) из десяти латинских авторов (см. табл. 1). Номера без индекса соответствуют примерам некорреферентности, номера с индексом «а» – примерам кореферентности.

(5) *Prima luce confirmata re ab exploratoribus omnem equitatum praemisit.*

На рассвете, когда дело было подтверждено разведчиками, он выслал вперед всю конницу. *Caes. Gal. 2.11.3*

(5а) *Caesar equitatu praemisso subsequebatur omnibus copiis.*

Цезарь, когда конница была выслана вперед (=выслав), последовал со всем войском. *Caes. Gal. 2.18.1*

(6) *Dein Micipsa filius regnum solus obtinuit Mastanabale et Gulussa fratribus morbo absumptis.*

Затем Миципса, его сын, один получил царство, так как его братья Мастанабал и Гулусса были унесены болезнью. *Sal. Jug. 5.6*

(6а) *Igitur exercitu circumdato summa vi Cirtam inrumpere nititur.*

Таким образом, когда войско было поставлено вокруг (=поставив), он изо всех сил старается ворваться в Цирту. *Sal. Jug. 25.9*

(7) *Ita decemvirali potestate in omnibus urbibus constituta ipsius nutu omnia gerebantur.*

Итак, когда во всех городах установилось децемвирское правление, все стало совершаться по его воле. *Nep. Lys. 2.1*

(7а) *Persarum rex Darius ex Asia in Europam exercitu traiecto Scythis bellum inferre decreuit.*

Персидский царь Дарий, когда войско было переправлено из Европы в Азию (=переправив), решил пойти войной на скифов. *Nep. Milt. 3.1*

(8) *Numitori Albana re permissa Romulum Remumque cupido cepit urbis condendae.*

Когда Нумитору было передано Альбанское царство, Ромула и Рема охватило желание основать город. *Liv. 1.6.3*

(8а) *Duce hostium occiso urbem primo impetu capit.*

Когда вождь врагов был убит (=убив), он первым натиском берет город. *Liv. 1.10.4*

(9) *Inde XXX oratoribus missis ad deprecandum triste responsum a rege redditur.*

Когда отсюда для ходатайства было послано тридцать просителей, царь передает печальный ответ. Curt. 5.3.11

(9a) *Barbari deserto oppido qua quemque metus agebat diffugerant.*

Варвары, когда город был покинут (=покинув), разбежались, кого куда гнал страх. Curt. 5.6.2

(10) *Sepultura more perfecta templum et caelestes religiones decernuntur.*

Когда погребение было по обряду совершено, учреждаются храм и божественный культ. Tac. Ann. 1.10

(10a) *Repente lymphati dextris gladiis in centuriones invadunt.*

Внезапно обезумевшие, когда мечи были обнажены (=обнажив), наступают на центурионов. Tac. Ann. 1.32

(11) *Gallici triumphi die paene curru excussus est axe diffracto.*

В день галльского триумфа он чуть не был выброшен из колесницы, когда сломалась ось. Suet. Jul. 37.1

(11a) *Deposita prouinciae spe pontificatum maximum petit.*

Когда надежда на провинцию была оставлена (=оставив), он добивается должности великого понтифика. Suet. Jul. 13.1

(12) *Parvae tunc temporis classe in Aegyptum missa vires Atheniensibus errant.*

В то время силы афинян были слабы, так как флот был отправлен в Египет. Just. 3.6

(12a) *Lacedaemonii omissis Messeniis adversus Athenienses arma verterant.*

Лакедемоняне, когда мессенцы были оставлены (=оставив), обратили оружие против афинян. Just. 3.6

(13) *Hoc iugulato post biduum Victorinus deligitur.*

Когда тот через два дня был убит, избирается Викторин. Vict. Caes. 33.12

(13a) *Contractis legionibus spe in Germaniam transgrediendi conchas umbilicosque in ora maris Oceani legi iussit.*

Когда легионы были собраны под видом похода в Германию (=собрыв), он велел им собирать на берегу океана раковины и улиток, Vict. Caes. 3.11

(14) *Civili iustoque imperio ad voluntatem converso cruentam clauderantur opulenta domus et clarae.*

Когда гражданское и справедливое правление было заменено кровавым произволом, стали закрываться богатые и знатные дома. Amm. 14.1.4

(14a) *Comes orientis Nebridius contractis undique militaribus copiis ad eximendam periculo civitatem properabat.*

Комит Востока Небридий, когда отовсюду были собраны военные силы (=собрыв), поспешил для освобождения города от опасности. Amm. 14.2.20

В общей сложности в ходе исследования были проанализированы 872 латинские абсолютные конструкции с пассивным причастием прошедшего времени. В 505 из них, т.е. в 58% случаев, была установлена кореферентность подразумеваемого при причастии агенса субъекту матричной предикации. Распределение конструкций этого типа по авторам представлено в таблице 6.

Таблица 6. Распределение абсолютных причастий с подразумеваемым агенсом, кореферентным субъекту матричной предикации.

Автор	Participium absolutum с агенсом, кореферентным субъекту
Цезарь	89 из 160 (56%)
Саллюстий	22 из 35 (63%)
Непот	27 из 41 (66%)
Ливий	45 из 80 (56%)
Курций	52 из 76 (68%)
Тацит	40 из 67 (60%)
Светоний	62 из 99 (63%)
Юстин	57 из 93 (61%)
Виктор	55 из 121 (46%)
Аммиан	56 из 100 (56%)
Среднее значение	505 из 872 (58%)

Рассмотренные абсолютные пассивные причастия, представляющие собой своего рода аналог активного причастия прошедшего времени, согласованного с субъектом матричной предикации, составляют 18% всех проанализированных латинских обстоятельственных причастий – participium conjunctum и participium absolutum вместе взятых.

В отличие от латинских древнегреческие абсолютные пассивные причастия прошедшего времени немногочисленны (см. табл. 5). Было обследовано 65 таких причастий. В 5 случаях была выявлена кореферентность подразумеваемого агенса субъекту матричной предикации:

(15) κατεστραμμένον σχεδὸν πάντων τῶν ἐντὸς Ἰλίου ποταμοῦ οἰκημένων πλὴν γὰρ Κιλικίων καὶ Λυκίων τοὺς ἄλλους πάντας ὑπ' ἐσωτῶ εἶχε.

Когда были покорены почти все живущие по эту сторону реки Галиса (=покорив), он всех, кроме киликийцев и лидийцев, подчинил себе. Hdt. 1.28.1

(16) πληρωθεῖσιν νεῶν πεντεκαίδεκα στρατιωτῶν μᾶλλον ἢ τοχειῶν ᾔχετο.

Когда пятнадцать скорее транспортных, чем боевых кораблей были снаряжены (=снарядив), он отправился в путь. Xen. Hell. 1.1.36

(17) σώματος ὀφθέντος ἐν μέσῳ νεκροῦ πάντες ἐκ τοῦ ἱεροῦ κατεπήδων σὺν ὁμοίου κακοῦ φόβῳ.

Когда мертвое тело было увидено в середине (=увидев), все бросились из храма в страхе перед общим несчастьем. App. BC 1.3.25

(18) ἐξεργασμένου δὲ τοῦ κακοῦ οἱ τοῦ φόνου αὐτουργοὶ φεύγουσιν ἐς τὰ Περσῶν ἤθη.

Когда зло было совершено (=совершив), убийцы бегут в персидские пределы. Procor. Pers. 2.3.3

(19) τελεσθέντων τῶν ὄρκων ἀσπίδι βασιλικῇ ἐνίζανει ὁ εἰς τὴν βασιλείαν ἐτοιμαζόμενος.

Когда были даны клятвы (=дав), приготовляющийся к царствованию садится на царский щит. Georg. Pachym. 2.4

Доля причастий данного типа среди всех обследованных древнегреческих обстоятельственных причастий крайне мала – 0,1%. Очевидно, распространение таких причастий в древнегреческом языке привело бы к дублированию активного причастия прошедшего времени, согласованного с субъектом матричной клаузы. Таким образом, полученные данные позволяют говорить о формировании в латинском языке особого класса абсолютных пассивных причастий прошедшего времени с подразумеваемым агенсом, кореферентным субъекту матричной предикации, и фактическом отсутствии аналогичного класса причастий в древнегреческом языке.

Если упоминания об особом латинском абсолютном причастии, эквивалентном активному причастию прошедшего времени, встречаются в литературе,⁸ другой своеобразный компенсаторный механизм, помогающий заполнить лакуну в системе латинских причастий, до сих пор не был отмечен. Между тем функциональный аналог активного причастия прошедшего времени, согласованного с субъектом матричного глагола, может быть построен на базе пассивного причастия прошедшего времени, согласованного с любой подлежащей ИГ матричной клаузы, при уже известном условии – кореферентности подразумеваемого агенса при пассивном причастии субъекту матричной предикации. Оппозиция кореферентность vs некорреферентность подразумеваемого при *participium conjunctum* агенса субъекту матричной предикации, как и в случае *participium absolutum*, проиллюстрирована десятью парами примеров (20-29a) из латинских авторов (см. табл. 1).

(20) *Vulneribusque confectos* Atrebatas celeriter ex loco superiore in flumen compulerunt.

Изнуренных ранами атребатов они быстро сбили с высокого места в реку. Caes. Gal. 2.22.1

(20a) *Hostes suas copias ex castris eductas instruxerant.*

Враги свое войско, выведенное из лагеря (=выведа), построили. Caes. Gal. 2.8.5

(21) *Quem ille casu ministrum oblatum promissis onerat.*

Этого помощника, приведенного случаем, он обременяет обещаниями. Sal. Jug. 12.3

(21a) *Donatum atque laudatum magnifice Iugurtham in praetorium abduxit.*

Награжденного и пышно превознесенного (=наградив и превознеся) Югурту он увел в преторий. Sal. Jug. 8.2

(22) *Lysander Lacedaemonius magnam reliquit sui famam, magis felicitate quam uirtute partam.*

Лакедемонянин Лисандр оставил по себе громкую славу, порожденную скорее счастьем, чем доблестью. Nep. Lys. 1.1

(22a) *Omnes ciues abreptos in Asiam ad regem miserunt.*

Всех граждан, захваченных (=захватив), они отправили в Азию к царю. Nep. Milt. 4.2

(23) *Forma excellentes, primoribus patrum destinatas, ex plebe homines domos deferebant.*

Особо красивых, предназначенных первейшим из отцов, простолюдины разносили по домам. Liv. 1.9.11

(23a) *Arcem iam scelere emptam Sabini habent.*

Сабиняне уже удерживают крепость, захваченную преступлением (=захватив). Liv. 1.12.4

(24) *Omissum apud Halicarnason a iunioribus proelium unum maxime accenderat.*

Бой, упущенный под Галикарнассом молодыми воинами, он один более всего поддержал. Curt. 5.2.5

(24a) *Convocatos duces copiarum docet nullam infestio rem urbem Graecis esse.*

Созванных (=созвав) командиров он наставляет, что нет города более ненавистного грекам. Curt. 5.6.1

(25) *Quem missum ad vos a Germanico exercitu nocte proxima iugulavit per gladiatores suos.*

Его, посланного к вам германским войском, он умертвил прошлой ночью с помощью своих гладиаторов. Tac. Ann. 1.22

(25a) *Extractum cubili Caesarem tradere vexillum subigunt.*

Они вынуждают Цезаря, поднятого с постели (=подняв), передать знамя. Tac. Ann. 1.39

(26) *Sibi filiam eius in matrimonium petit Fausto Sullae destinatum.*

Он просит себе в жены его дочь, помолвленную с Фавстом Суллой. Suet. Jul. 27.1

(26a) *Accitumque in curiam et amplissimis uerbis conlaudatum in integrum restituit.*

Приглашенного в курию и расхваленного возвышенными словами (=пригласив и расхвалив), он восстановил его в должности. Suet. Jul. 16.2

(27) *Pisandrus contendebat, ne tot bellis ac saeculis quaesitum imperium subverteret.*

Писандр старался не разрушить господства, добытого столькими войнами в течение стольких столетий. Just. 6.3

(27a) *Lysias quingentos milites stipendio suo instructos in auxilium misit.*

Лисий прислал на помощь пятьсот воинов, снаряженных на его счет (=снарядив). Just. 5.9

(28) *Sancti huiuscemodi dissensiones, quamvis studiosius coeptas, fortunae increpent.*

Добродетельные люди в подобных разногласиях, хотя бы и начатых умышленно, обвиняют судьбу. Vict. Caes. 20.12

(28a) *Qui accensas cohortes armatasque in forum deduxerat.*

Он привел на форум когорты, воодушевленные и вооруженные (=воодушевив и вооружив). Vict. Caes. 6.2

(29) *Quem delatum ad Africae litus mors repentina consumpsit.*

Его, отнесенного к африканскому берегу, настигла внезапная смерть. Amm. 14.8.3

(29a) *Has provincias Gnaeus Pompeius regnis Armeniorum abstractas dicioni Romanae coniunxit.*

Эти провинции, отделенные от армянского царства (=отделив), Гней Помпей присоединил к римской державе. Amm. 14.8.10

Всего было проанализировано 239 латинских пассивных причастий прошедшего времени, согласованных с отличными от субъекта актантами матричного глагола. Корреферентность подразумеваемого агенса субъекту матричной предикации была установлена для 125 причастий, т.е. в 52% случаев. Распределение конструкций этого типа по авторам представлено в таблице 7.

Таблица 7. Распределение согласованных с дополнениями причастий с подразумеваемым агенсом, корреферентным субъекту матричной предикации.

Автор	Participium conjunctum с агенсом, корреферентным субъекту
Цезарь	9 из 17 (53%)
Саллюстий	4 из 6 (67%)
Непот	3 из 10 (30%)
Ливий	17 из 28 (61%)
Курций	9 из 28 (32%)
Тацит	12 из 19 (63%)
Светоний	21 из 40 (53%)

Автор	Participium conjunctum с агенсом, кореферентным субъекту
Юстин	16 из 34 (47%)
Виктор	9 из 16 (56%)
Аммиан	25 из 41 (61%)
Среднее значение	125 из 239 (52%)

Таким образом, латинские абсолютные и согласованные с неподлежащими актантами пассивные причастия прошедшего времени демонстрируют явное функциональное сходство: кореферентность подразумеваемого агенса субъекту матричной предикации с равной частотой обнаруживается и в той, и в другой категории причастий. Хотя доля согласованных с дополнениями пассивных причастий подобного типа среди всех проанализированных латинских обстоятельственных причастий невелика – 4,5%, есть все основания рассматривать такое причастие как еще один функциональный аналог активного причастия прошедшего времени, согласованного с субъектом матричного глагола. Показательно, что в переводах причастий этого типа на русский язык, как правило, используется деепричастие совершенного вида.

В результате анализа 54 древнегреческих пассивных причастий прошедшего времени, согласованных с дополнениями, кореферентность подразумеваемого агенса субъекту матричной предикации была установлена в 3 случаях:

(30) ὡς δὲ ἄρα παρῆναι αὐτούς, κληθέντας ἰστορέεσθαι εἴ τι λέγοιεν περὶ Ἄριονος.

Когда же они прибыли, он их призванных (=призвав) спрашивает, не расскажут ли они об Арионе. Hdt. 1.24.7

(31) τὸν δὲ Θεσσαλὸν ἔγραψε Κορινθίους ὅπως ἀναπέμψωσιν ἐν πέδαις δεδεμένον.

Коринфянам же он написал, чтобы они прислали Фессала, закованного в цепи (=заковав). Plut. Alex. 10.4

(32) ἀτὰρ τοὶ τοὺς βαρβάρους ἠτιμωμένους ἀπεπέμποντο.

И вот они отослали варваров обесчещенных (=не оказав чести). Theoph. Sim. 2.16.7

Среди всех проанализированных древнегреческих обстоятельственных причастий такие причастия составляют 0,06%. Статистические данные позволяют утверждать, что в древнегреческом языке, несмотря на единичные примеры, отсутствует еще один класс пассивных причастий прошедшего времени, которые в латинском языке служат аналогом активного причастия прошедшего времени, согласованного с субъектом матричной предикации.

Кроме рассмотренных двух употреблений пассивного причастия прошедшего времени, характерных для латинского и не характерных для древнегреческого языка, обращает на себя внимание специфическое поведение латинских причастий, образованных от депонентных глаголов. Из всех возможных способов преодоления «недостаточности» системы латинских причастий к самым простым относится использование причастия, которое является пассивным лишь на морфологическом уровне:

(33) **Sabinus suos hortatus** cupientibus signum dat.

Сабин, ободрив своих, дает сигнал рвущимся в бой. Caes. Gal. 3.17.2

(34) **sic locutus** cum litteris eum, quas Micipsae redderet, dimisit.

Сказав так, он отпустил его с письмом, чтобы тот передал его Миципсе. Sal. Jug. 9.1

(35) **in primo consulatu tria milia pondo auri furatus e** **Capitio** tantundem inaurati aeris reposuit.

Похитив в первое консульство три тысячи фунтов золота из капитолийского храма, он положил вместо него столько же позолоченной меди. Suet. Jul. 54.3

Примеры (33)–(35) иллюстрируют наиболее типичное употребление латинского депонентного причастия. Из 1936 обследованных латинских пассивных причастий 290 – депонентные. 235 из 290 согласованы с субъектом матричной предикации. Распределение латинских депонентных причастий по трем типам конструкций представлено в таблице 8.

Таблица 8. Распределение латинских депонентных причастий прошедшего времени по трем типам нефинитных клауз.

Автор	Participium conjunctum		Participium absolutum
	С субъектом	С дополнением	
Цезарь	35 из 65 (54%)	0 из 26 (0%)	1 из 161 (0,6%)
Саллюстий	14 из 57 (25%)	0 из 8 (0%)	0 из 35 (0%)
Непот	14 из 50 (28%)	1 из 17 (6%)	0 из 41 (0%)
Ливий	37 из 92 (40%)	3 из 40 (10%)	0 из 80 (0%)
Курций	20 из 74 (27%)	3 из 37 (9%)	4 из 80 (5%)
Тацит	18 из 54 (33%)	5 из 28 (18%)	6 из 73 (8%)
Светоний	24 из 49 (49%)	6 из 49 (12%)	1 из 100 (1%)
Юстин	19 из 80 (24%)	4 из 42 (10%)	0 из 93 (0%)
Виктор	21 из 57 (37%)	4 из 23 (17%)	9 из 130 (7%)
Аммиан	32 из 141 (23%)	5 из 50 (10%)	4 из 104 (4%)
Среднее значение	234 из 719 (33%)	31 из 320 (10%)	25 из 897 (3%)

Из таблицы 8 видно, что у всех латинских авторов «концентрация» депонентных причастий в категории согласованных с субъектом значительно выше, чем в двух других категориях и в первую очередь среди абсолютных причастий. Согласованные с субъектом депонентные причастия составляют 8,5% всех латинских обстоятельственных причастий.

Из 295 проанализированных древнегреческих пассивных причастий прошедшего времени 35 – депонентные. Распределение древнегреческих депонентных причастий по выделенным категориям не позволяет говорить о сколько-нибудь выраженных предпочтениях: среди причастий, согласованных с субъектом, депонентные составляют 10%, среди согласованных с дополнениями – 5%, среди абсолютных – 6%. При этом доля депонентных пассивных причастий прошедшего времени среди всех древнегреческих обстоятельственных причастий – 0,8%.

Итак, в статье были рассмотрены три функциональных аналога отсутствующего в латинском языке активного причастия прошедшего времени, согласованного с субъектом матричного глагола: во-первых, абсолютные пассивные причастия прошедшего времени с подразумеваемым агенсом, кореферентным субъекту матричного глагола, доля которых среди всех обследованных латинских обстоятельственных причастий составила 18%; во-вторых, согласованные с дополнениями пассивные причастия прошедшего времени с подразумеваемым агенсом, кореферентным субъекту матричного глагола, доля которых – 4,5%; в-третьих, согласованные с субъектом матричного глагола депонентные пассивные причастия прошедшего времени, доля которых – 8,5%. Функциональное сходство причастий трех названных типов подчеркивается тем обстоятельством, что только они могут быть переведены на русский язык деепричастием совершенного вида. Суммарная доля таких причастий среди латинских обстоятельственных причастий – 31%.

В то же время полученные в результате анализа древнегреческого материала статистические данные позволяют утверждать, что единственная категория древнегреческих причастий, для перевода которых может быть использовано русское деепричастие совершенного вида, – это активные и медиальные причастия прошедшего времени, согласованные с субъектом матричного глагола. Из 4095 проанализированных древнегреческих обстоятельственных причастий к этой категории относятся 1303 причастия, что составляет 32% от общего числа.

Не только количественные показатели, но и типологические данные указывают на то, что причастие, согласованное с субъектом матричного глагола, занимает особое место в системе обстоятель-

ственных причастий. В латинском и древнегреческом языках представлены все основные типы обстоятельственных нефинитных клауз с вершиной, выраженной причастием: причастие, согласованное с субъектом, причастие, согласованное с несубъектными актантами, абсолютное причастие. Между тем следует учитывать, что среди языков европейского ареала нет таких, где было бы абсолютное причастие и не было бы согласованного.⁹ Точно так же, как нет европейских языков, где причастие согласовывалось бы с подлежащими ИГ и не согласовывалось бы с субъектом.¹⁰ Таким образом, минимально возможный набор обстоятельственных причастных клауз сводится к причастию, согласованному с субъектом матричного глагола, что дает основания считать подобное употребление причастия прототипическим. В настоящей статье показано, как в латинском языке нефинитные клаузы на основе пассивного причастия прошедшего времени заполняют лауну на месте активного причастия прошедшего времени, согласованного с субъектом матричного глагола. При этом система латинских обстоятельственных причастий демонстрирует определенную автономность, поскольку компенсация происходит без явного участия конкурирующих конструкций, к которым в данном случае относятся прежде всего финитные обстоятельственные клаузы.

Дополнительным подтверждением того, что отсутствие активного причастия прошедшего времени создавало для носителей латинского языка ощутимые неудобства, служат до сих пор не упомянутые в статье, но весьма показательные попытки переосмыслить имеющиеся в латинском языке причастия, «превратить» их в активные причастия прошедшего времени. Попытки эти были двоякого рода: в первом случае они были связаны с нарушением темпоральной интерпретации причастия, во втором – с диатетическими нарушениями.

Способность латинского активного причастия настоящего времени выражать действие, предшествующее матричной предикации, обратила на себя внимание исследователей около полутора веков назад¹¹. Списки примеров, иллюстрирующих такие нетипичные употребления причастия настоящего времени можно найти в целом ряде фундаментальных грамматик латинского языка¹². Однако во второй половине XX века эти списки подверглись ревизии и сократились до единичных примеров¹³. Тщательный анализ каждого отдельного употребления показал, что активное причастие настоящего времени лишь в исключительных случаях может указывать на действие, не одновременное матричному глаголу.

Наряду с аномалиями темпоральной интерпретации латинских причастий настоящего времени в литературе не раз отмечались

случаи употребления недепонентных пассивных причастий прошедшего времени в непассивном значении¹⁴. Возможность такого употребления обоснованно связывается с залоговой нейтральностью индоевропейских отглагольных прилагательных на *-to*¹⁵, от которых произошли латинские пассивные причастия прошедшего времени. Однако число таких «необычных» причастий крайне незначительно, употребление же в активном значении не входящих в этот список пассивных причастий воспринимается как очевидная ошибка¹⁶.

В итоге не одна из двух упомянутых стратегий оформления причастной предикации, бесспорно отражающих первоначальную залоговую и временную недифференцированность индоевропейских причастий, не стала частотной в латинском языке. Очевидно, обе модели были отвергнуты по причине их недопустимой для латинского языка рассматриваемого периода неграмматичности. Таким образом, продуктивными оказались только три компенсаторных механизма, описанных в настоящей статье. Идет ли здесь речь о сознательном подражании греческому образцу, стихийной интерференции, независимой реализации прототипической функции или о сочетании этих факторов, и каково их соотношение, и если вторичная предикация на основе согласованного с субъектом активного причастия действительно прототипична, то как индоевропейский язык с хорошо развитой глагольной парадигмой лишился простых и доступных средств для ее организации – все эти вопросы требуют дальнейшего изучения. Настоящее же исследование позволило установить следующие количественные отношения:

1) Треть латинских обстоятельственных причастий составляют абсолютные и согласованные с несубъектными актантами пассивные причастия прошедшего времени с подразумеваемым агенсом, кореферентным субъекту матричной предикации, и депонентные причастия прошедшего времени, согласованные с субъектом. Примеры таких причастий в древнегреческом материале единичны. В то же время треть всех древнегреческих обстоятельственных причастий составляют активные и медиальные причастия прошедшего времени, согласованные с субъектом.

2) Латинские пассивные причастия прошедшего времени с подразумеваемым агенсом, кореферентным субъекту матричной предикации, составляют половину как абсолютных причастий, так и причастий, согласованных с несубъектными актантами.

3) Латинские абсолютные причастия в два раза многочисленнее древнегреческих. При этом половину латинских абсолютных причастий составляют почти не встречающиеся в древнегреческом материале

ле пассивные причастия прошедшего времени с подразумеваемым агенсом, кореферентным субъекту матричной предикации.

Примечания

- ¹ Латинские и древнегреческие фразы в статье приведены с сокращениями, не влияющими на понимание структуры вложенной и матричной клауз и логической связи между ними.
- ² *Stassen L.* Comparison and universal grammar. Oxford: Blackwell, 1985. P. 83-88.
- ³ Ibid.
- ⁴ *Haiman J.* On some origins of switch reference marking // Switch-reference and universal grammar / J. Haiman, P. Munro (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1983. P. 117-119.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Несмотря на значительный хронологический разброс авторов, исследуемый материал характеризуется относительной лингвистической однородностью. Традиции историографического жанра обеспечивают грамматическую стабильность анализируемых текстов. В частности, выявленные в ходе настоящего исследования закономерности подтверждаются для всех латинских и древнегреческих авторов.
- ⁷ *Draeger A. A.* Historische Syntax der lateinischen Sprache, vol. 2. Leipzig, 1881. P. 761, *Allen J.H., Greenough J.B.* New Latin grammar. Boston, London, 1903. P. 310-311, *Coleman R.* The rise and fall of absolute constructions: Latin case history // Subordination and other topics in Latin / G. Galboni (ed.). Amsterdam, Philadelphia, 1989. P. 364, *König E., Van der Auwera J.* Adverbial participles, gerunds and absolute constructions in the languages of Europe // Toward a typology of European languages / J. Bechert, G. Bermini, C. Buridant (eds.). Berlin; New York, 1990. P. 340.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *König E., Van der Auwera J.* Op. cit. P. 339-340.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ *Draeger A. A.* Op. cit. P. 773, *Bennet C. E.* Syntax of Early Latin, vol 1. Boston, 1910. P. 435, *Kühner R., Stegmann C.* Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache, vol. 1. Hanover, 1912. P. 756, *Szantyr A.* Lateinische Syntax und Stilistik. Munich, 1965. P. 386.
- ¹² Ibid.
- ¹³ *Laughton E.* The participle in Cicero. London, Oxford, 1964. P. 19-39, *Eklund S.* Alleged anteriority in the Latin present participle // *Orientalia suecana*, vol. 33. Stockholm, 1984. P. 97-105.
- ¹⁴ *Palmer L. R.* The Latin language. London, 1954. P. 327.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ *Adams, J. N.* Bilingualism and the Latin language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 726-729; *Calboni G.* Latin Syntax and Greek // *New Perspectives in Historical Latin Syntax*, vol. 1 / P. Baldi, P. Cuzzolin (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 142-143.

Критерии (не)финитности глагольных форм турецкого языка

Статья посвящена проблемам применимости общепринятых критериев (не)финитности для турецкого языка. Сопоставляются мнения о (не)финитности турецких глагольных форм российских и зарубежных тюркологов.

Ключевые слова: финитный, нефинитный, глагольная форма, лично-числовой показатель, отглагольное имя, инфинитив, причастие, конверб, номинализация.

Термин *finitus* (*определенный* лат.) относится к периоду поздней античности, когда в латинской грамматике его стали применять сначала для личных местоимений (*pronomina finita* – личные местоимения), а затем и к глагольным формам, несущим на себе морфологию лица и числа. Таким образом, глагольные формы разделились на финитные и инфинитные, т.е. личные и неличные¹.

Позднее в «Грамматических наставлениях Присциана Цезарейского, оказавших большое влияние на становления европейского языкознания, закрепилось мнение, что инфинитными (нефинитными) формами глагола являются: инфинитив, причастие, герундий и сушин. Т.е. все те глагольные формы латинского языка, которые не могут нести на себе морфологию лица и числа. В настоящее время термин «финитность» широко используется в теоретической и типологической лингвистике. Однако, не существует единственного понятия о (не)финитности, которое точно соотносится с каким-либо морфологическим или синтаксическим выражением. Это связано с тем, что глагольные формы в разных языках ведут себя по-разному. Например, в португальском инфинитив несет на себе морфологию согласования, в тамильском и лезгинском языках причастия принимают маркеры времени. А к изолирующим языкам, таким как китайский или вьетнамский применение инфлекционных критериев вообще не представляется возможным.

Еще один устоявшийся критерий определения (не)финитности – (не)возможность глагольной формы выступать в качестве единственного предиката клаузы². Однако результаты типологических

исследований говорят о том, что существуют языковые системы, где глагольные формы с ослабленным временным и личностно-числовым значением могут выступать в качестве предиката клаузы. И таких языков немало³. Данное поведение характерно и для тюркских языков.

В данной статье мы рассмотрим критерии, по которым можно разграничить финитные и нефинитные формы в современном турецком языке. Прежде всего потребуется классифицировать глагольные формы изучаемого языка. Ю.В. Щека разделяет глагольные формы на личные и неличные⁴. Личные – это спрягаемые, а неличные, соответственно, – неспрягаемые словоформы. Рассмотрим несколько примеров и разделим формы на те, которые могут принимать морфологический показатель лица, и те, которые не могут:

А. С показателем лица	В. Без показателя лица
1. Основа + время уар+ар+л.аф, уар+т1 + л.аф и т.д.	1. Инфинитив уар-мак
2. Основа + сложное время уар+ар-д1+ л.аф, уар+миş-т1+ л.аф и т.д.	2. Причастие уар-ан, уар-миş, уар-акак,
3. Основа + модальность	уар-ар
4. Уар+malı+ л.аф	3. Конверб
Основа + наклонение	уар-р, уар-арак, уар-а уар-а, ит.д.
5. Уар+ар+sa+ л.аф, уар+say+д1+ л.аф	
6. Отглагольное имя Уар+ma+ л.аф принадлеж.	
7. Основа + номинализатор (-dik/acak)	
Уар+тік+ л.аф принадлеж.	

В колонке А указано отглагольное имя, которое Ю.В. Щека в «Практической грамматике турецкого языка» относит к разряду неличных форм. Турецкие отглагольные имена на *-ma* и на *-iş* согласуются с субъектом действия, выражаемого отглагольным именем. Однако, согласование происходит по принципу выражения принадлежности действия деятелю:

1. Sana selâm yaz-ma-m-ı söyle-di⁵
Ты.DAT Привет писать-Nom-1sg-ACC сказать-PST
«Он сказал мне передать (написать) тебе привет»
2. Müfettiş-in dersane-miz-e gel-iş-i-ni yaz-mıştı-m sana
Ревизор-Gen класс-1pl-DAT приди-VN-3-ACC писать-PSTP-1sg ты.-DAT
«Я тебе уже писал про то, как в наш класс приходил ревизор»

В слове *yazma* «писание» указано, что писать привет должен говорящий. Однако автор грамматики считает отглагольную форму неличной, видимо, потому, что не включает аффиксы принадлежности в 4 группы личных аффиксов.

Указанные в «Грамматике» 4 группы личных аффиксов представляют собой аффиксы сказуемости изъявительного, условного, желательного и повелительного наклонений. Правомерность выделения аффиксов принадлежности в отдельный класс подтверждается результатами этимологических исследований. По мнению известных этимологов П.И. Кузнецова (который в этом согласен с И.А. Груниной), аффиксы принадлежности и аффиксы сказуемости изначально существовали в тюркских языках как разные морфологические единицы⁶. Однако, П.И. Кузнецов считает аффиксы принадлежности омонимами личных аффиксов, а генитивные конструкции с номинализаторами – полноценными придаточными предложениями⁷. Ж. Корнфильт также настаивает на финитности форм с номинализатором⁸. В статье «Номинативные и номинализованные клаузы в турецком языке» в сборнике И. Николаевой «Финитность. Теоретический и эмпирический подход»⁹ Ж. Корнфильт пытается показать, что турецкие номинализованные конструкции могут быть финитными. Основным аргумент Ж. Корнфильт заключается в том, что отглагольные имена на *-ta* (нефактивный номинализатор) и конструкции с *-dik /acak* (фактивный номинализатор – генитивные конструкции) имеют показатели согласования с субъектом действия и предъявляют требования к форме субъекта (только он должен быть не в именительном, а в родительном падеже). Так как вопрос о финитности вышеупомянутых форм остается спорным, все же перенесем отглагольные имена, а также формы с номинализатором *-dik /acak* в колонку В, чтобы применить к эти формам и другие критерии. Тогда список безличных глагольных форм будет следующим: инфинитив, отглагольные имена (2 вида), причастия (5 видов), формы с номинализаторами *-dik /acak*, конвербы (12 и более видов).

Помимо лично-числового показателя критерием финитности обычно считается временной показатель. В турецком языке многообразие форм с конвербами и причастий дает возможность передачи множества временных значений, например: показатели со значением одновременности, предшествования, завершенности, намерения произвести действие в будущем, показатели длительного характера побочного действия:

3. Patates	kızarmış-sın. –	kızarmış	patates
Картофель	жарить-PST-.2sg	жарить-PTCP	картофель
	«Оказывается, ты нажарил картошки» – «жареная картошка»		
4. Her şey-i	bil-ir-im. –	bil-ir	kişi
Все-ACC	знать-PRS1-.1sg	знать-PTCP	человек
	«Я знаю всё» «знающий человек, эксперт»		

5. evlen-ecek adam
Вступать в брак-PTCP мужчина
«Человек, который намерен жениться»
6. birbirleri-nin söz-ü-nü tamamla-yarak ...anlat-ma-ya
Друг-друга-Gen слово-3sg.-ACC дополнять-CVB...рассказывать-DAT
başla-dı-lar¹⁰
начать-PST.-PL
«Они начали рассказывать, дополняя друг друга»
7. ...karı-sı-ndan umud-u-nu kes-ince o-nu
Жена-3sg.-ABL надежда-3sg.-ACC прекратить-CVB она-ACC
boşa-mış
отпустить-PST.(Ø)
«Потеряв надежду на жену, развелся с нею»
8. Büyük-ler konuş-urken küçük-ler sus-ar
Взрослый-PL разговаривай-CVB маленький-PL молчать-PRS1.3sg(Ø)
«Когда взрослые разговаривают, дети молчат»
9. Ankara'-da-ki ev-imiz-e yerleş-eli bir
Анкара-LOC.-IND дом-1pl.-DAT вселиться-CVB одна
hafta ol-du
неделя статья-PST-.3sg(Ø)
«Прошла неделя с тех пор, как мы поселились в нашем доме в Анкаре»

Но все же, как подчеркивает Кононов¹¹, нефинитные формы не могут иметь самостоятельного временного значения. При переводе мы руководствуемся временным показателем сказуемого, а вариант причастия или конверба отражает только аспект, т.е. время протекания события зависимой предикации определяется по отношению ко времени главной:

10. Büyük-ler konuş-urken küçük-ler sus-ar¹²
Взрослый-PL разговаривать-CVB маленький-PL молчать-PRS1.-3sg(Ø)
«Когда взрослые разговаривают, дети молчат»
11. Büyük-ler konuş-urken küçük-ler sus-acak
Взрослый-PL разговаривать-CVB маленький-PL молчать-FUT2.-3sg(Ø)
«Когда взрослые будут разговаривать, дети будут молчать»
12. Büyük-ler konuş-urken küçük-ler
Взрослый-PL разговаривать-CVB маленький-PL
sus-uyordu
молчать-CONT.-PST.-3sg(Ø)
«Когда взрослые разговаривали, дети молчали»

В современном турецком языке временной аспект заключают такие причастные формы как *-miş* (перфективность), *-(y)acak* (будущее действие), *-(y)r/-maz* (постоянный признак, связанный с действием), *-dik* (законченное в прошлом действие безотносительно

к моменту речи). Наиболее встречаемое причастие на *-(y)an* не указывает на какие-либо оттенки временного значения, однако, может выражать только одновременное или предшествовавшее предикату значение, но не будущее событие:

13. Her gün gel-en kişi o gün
 Каждый день приходит-PTCP человек тот день
 gel-me-di
 приходит-NEG.-PST.- 3sg(Ø)
 «Приходивший каждый день человек (человек, который приходит), в тот день не пришел»
14. Dün gel-en kişi yarın da
 Вчера приходит-PTCP человек завтра тоже
 gel-ir
 приходит-FUT1- 3sg(Ø)
 «Вчера приходивший человек (человек, который приходил), завтра тоже придет»

Конвербы также могут выражать значения предшествования и(ли) одновременности. Исследователями насчитывается¹³ от 12 до 20 видов конвербов в современном турецком языке. Если рассмотреть только 12 простых форм (а не производных от них сложных), то мы увидим, что лишь одна редко встречаемая форма на *-maksızın* (образована от инфинитива) указывает исключительно на обстоятельство значение:

15. Konuş-maksızın yürü-yor-uz.¹⁴
 Разговаривай-CVB иди-PRS-1pl
 «Мы идем, не разговаривая»

Конвербы с временным значением см. примеры 6-12. Всего таких конвербов не менее 11. Однако редуцированное выражение времени, зависимость передачи аспекта от временного показателя основного предиката – это факты, которые не позволяют в этом случае считать временной критерий критерием финитности. Здесь мы наблюдаем только особенность турецких нефинитных форм в отличие от русских.

Для многих языков (в т.ч. для русского) применяется критерий (не)возможности для глагольной формы выступать в качестве предиката со своим субъектом действия. В то время как в русском языке ни одна нефинитная форма не может иметь собственный субъект действия, в турецком языке, напротив, ситуация, когда конструкция с нефинитной формой содержит субъект вполне обычна:

16. (o) bağır-ınca, baş-ım-ı uzat-ıp yan
 (Он) кричать-CVB, голова-1sg-ACC вытянуть-CVB боковой

göz-le bak-tı-m¹⁵
 глаз-INS смотреть-PST-1sg.

«Когда он закричал, я вытянув шею (голову), посмотрел краем глаза»

17. Biz ağz-ımız-ı aç-madan, anne-m ... de-di
 Мы рот-1pl-ACC открыть-CVB мама-1sg... сказать-PST-3sg(Ø)
 «Прежде чем мы открыли рты, мама сказала...»

Это обстоятельство наводит П.И. Кузнецова на мысль, что конструкция с нефинитной формой на самом деле является особым типом придаточного предложения. В частности, исследователь выделяет класс «финитный глагол-2», в который входят и финитные глаголы во времени на *-(-)r* (FUT1), *-miş* (перифрастическая форма), и причастия на *-(-)r*, *-miş*.¹⁶ Таким образом, П.И. Кузнецов выделяет «переходный» класс от финитности к нефинитности. Его мысль об особом типе придаточного предложения поддерживает Ю.В. Щека, только в отношении конструкций с конвербами¹⁷. Таким образом, все вышеуказанные отглагольные формы однозначно соответствуют только одному критерию (не)финитности – отсутствие лично-числового показателя.

Существует и еще один подход отглагольным формам в турецком языке. Известный турецкий лингвист Мехмет Хенгирмен в своей монографии «Основы грамматического строя турецкого языка» только в отношении конвербов указывает на невозможность оформления лично-числовым показателем¹⁸. Можно предположить, что причиной такого определения является то, что в турецком языке только конверб не обладает способностью к субстантивации, когда глагольная или иная форма, выступая в свойственной существительному синтаксической функции, принимает морфологию существительного (см. примеры 1-2)

Как было указано в начале статьи, способность выражать лично-числовое согласование послужила основанием для создания понятия (не)финитности в латинском языке. Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что критериями (не)финитности в современном турецком языке является прежде всего отсутствие лично-числовых показателей. С данным параметром коррелирует также зависимость временного значения глагольной формы от временного значения, передаваемого основным предикатом. А то, что турецкая глагольная форма может быть предикатом зависимой клаузы и иметь свой собственный субъект действия, является особенностью турецкого языка (и, шире, тюркских языков) и не может служить критерием (не)финитности. В то же время спорным остается вопрос о (не)финитности глагольных форм в генитивных конструкциях.

Условные обозначения:

1/2/3 pl – личный аффикс, аффикс принадлежности мн. ч., 1/2/3sg – личный аффикс, аффикс принадлежности ед. ч., 3sg(Ø) – нулевой маркер 3л.ед.ч., ABL – аблатив, ACC – аккузатив, CONT – длительное время, CONT.PST – длит. в прошедшем, CVB – конверб, DAT – датив, FUT1 – будущее время на (-)r, FUT2 – будущее время на -acak, GEN – генитив, IND – индикативная частица, INF – инфинитив, INS – инструмент, LOC – локатив, NEG – маркер отрицания, PL – показатель множ. числа, PRS1 – настоящее вр. на (-)r, PRS2 – настоящее время на -yor, PST – прошедшее вр., PSTP – прошедшее перфективное вр., PTCP – причастие, VN – отглагольное имя.

Примечания

- ¹ Nikolaeva I. Introduction // *Finitness. Theoretical and Empirical Foundations* / Ed. I.Nikolaeva. Oxford, 2007. P. 1.
- ² Ibid. P. 3.
- ³ См. об этом в работе: *Калинина Е.Ю.* Нефинитные формы в функции сказуемого как маркеры модальности. М., 2001.
- ⁴ *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. М., 2007. С. 174.
- ⁵ Примеры из книги: *Aziz Nesin.* Şimdiki Çocuklar Harika. Adam Yayınları: 1997.
- ⁶ *Кузнецов П.И.* Система функциональных форм глагола в современном турецком языке М.: 1982. С. 130.
- ⁷ Там же. С. 271.
- ⁸ *Kornfilt J.* Nominal and nominalized finite clauses in Turkish. Oxford: 2007. P. 329.
- ⁹ *Nikolaeva.* Op. cit.
- ¹⁰ Примеры из книги: *Aziz Nesin.* Op. cit.
- ¹¹ *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956. С. 521-525.
- ¹² Примеры из книги: *Aziz Nesin.* Op. cit.
- ¹³ *Lewis G.L.* Turkish Grammar. Oxford, 1967.
- ¹⁴ *Кононов А.Н.* Указ. соч. С. 308.
- ¹⁵ Примеры из книги: *Aziz Nesin.* Op. cit.
- ¹⁶ *Кузнецов П.И.* Указ. соч. С. 140-152.
- ¹⁷ *Щека Ю.В.* Указ. соч. С. 294.
- ¹⁸ *Hengirmen M.* Turckce temel dilbilgisi. Ankara, 2006. P. 256.

Рудименты как тип соматических объектов

В статье рассматривается один тип соматических объектов – рудименты, – который ранее в лингвистике и невербальной семиотике не изучался. Описываются бытовые и научные имена отдельных рудиментов, указываются их общие и отличительные свойства, отмечаются типовые выражения с именами разных рудиментов, принятые в среде неспециалистов и в среде медиков. Многие из обсуждаемых в статье языковых единиц должны фиксироваться не только в языковом и семиотическом представлении рудиментов, но и в разного рода словарях, справочниках и других лексикографических изданиях.

Ключевые слова: лексикология, рудименты, семиотика.

Введение. Рудименты и атавизмы

В кругу телесных, или соматических, объектов¹ выделяется один тип, занимающий в нём совершенно особое место. Его образуют так называемые *рудименты*² – телесные объекты, которые утратили³ свои функции в ходе эволюции человека и его организма и которые поэтому нередко называют *ненужными*, или *лишними*, <телесными> объектами. Согласно электронной энциклопедии «Википедия» в англоязычной литературе наряду со словом *rudiments* ‘рудименты’ в таком же значении широко употребляется и другой, как сказано в «Википедии» «более адекватный», термин *vestige*. Последний образован от лат. *vestigium* ‘след’ – в его прямом и переносном смыслах.

Особенно популярной гипотеза о наличии у людей лишних соматических объектов была в конце XIX – начале XX веков. В своей знаменитой книге Дарвин 1991 учёный перечислил много телесных объектов-рудиментов с атрофированными функциями. К ним относятся аппендикс, или червеобразный отросток слепой кишки, и копчик. Рудиментами считаются также зуб мудрости, серповидная (полулунная) складка у глаз и слуховой, или, как его позже стали называть, *дарвиновский*, *бугорок*, расположенный на внутреннем

крае завитка уха. Рудименты – это и родимые пятна (невусы), соски на мужской груди и молочные железы за ними, волосы на теле и некоторые другие телесные объекты. Сразу же отмечу, что некоторые из этих объектов имеют вполне обычные имена, известные даже детям, например, *аппендикс*, *зуб мудрости*, *сосок*, *копчик*. Другие же объекты известны, главным образом, специалистам. Иными словами, их имена либо принадлежат биологическому и медицинскому подъязыкам русского языка, ср., например, *невус*, *дарвиновский бугорок*, либо такие объекты не имеют стандартных обозначений даже в этих подъязыках, ср. *серповидная (полулунная) складка у глаз*.

Чарльз Дарвин считал, что наличие у человека рудиментов самых разных видов свидетельствует о правильности выдвинутой им теории эволюции, поскольку полагал, что те телесные объекты, которые человеку в жизни особенно не помогают, в процессе естественного отбора постепенно выродятся и, скорее всего, со временем совсем исчезнут. Как один из аргументов в пользу своей теории он приводил наличие у крайне малого числа людей так называемых атавизмов.

Атавизмами называют такие соматические объекты, обладание которыми считается отчётливо выраженной разновидностью телесной патологии у человека, если не вообще уродства (не случайно, волосатых звероподобных женщин, мужчин с большими сосками и грудью, напоминающими женскую грудь, хвостатых детей раньше часто показывали на ярмарках или в цирках). Шестипалость, то есть шесть пальцев вместо пяти на руке или ноге, резко выраженные молочные железы у мужчины, недоразвитая третья почка – все такие соматические объекты тоже относят к атавизмам.

Если *рудиментами* называют соматические объекты, которые со временем становятся людям не нужными или, по крайней мере, воспринимаются как таковые, но всё же люди, как правило, ими изначально обладают, то словом *атавизмы* обозначают такие соматические объекты, которые были когда-то у всех людей. И в этом состоит главное отличие рудиментов от атавизмов. Сегодня же атавизмы, как мы говорили, имеются лишь у крайне редких экземпляров людей, являясь, по сути дела, неким напоминанием о прошлых этапах развития человеческого генотипа⁴.

Рудименты, если бы не определяющая их функциональная особенность, можно, вообще говоря, распределить по известным классам реальных соматических объектов. Так, можно говорить о рудиментах-органах, или, иначе, о рудиментарных органах, о рудиментах-костях, покровах, железах и др. Кроме того, Ч. Дарвин специально искал и нашёл у человека рудименты-мышцы. К ним вслед за учёным относят (по-видимому) бесполезную для человека

подключичную мышцу, которая тянется от первого ребра до ключицы. Рудиментом является также мало функциональная и явно недоразвитая ладонная мышца, соединяющая локоть с запястьем (кстати, многие антропологи и биологи полагают, что когда-то благодаря ладонным мышцам человек мог удерживаться на весу, например, на дереве).

Указанные мышцы, впрочем, вопреки тому, что их обычно относят к рудиментам, следовало бы скорее причислить к атавизмам – ведь их сегодня нет у подавляющего большинства людей.

«Нерабочими» у человека являются и две ушные мышцы, которые расположены у верхушек ушных раковин. Зато этими мышцами обладают многие животные, и они имеют у них чётко выраженную функцию – ушные мышцы у животных приводят в движение ушные раковины. Некоторые биологи полагают, что когда-то люди, подобно многим животным, легко двигали ушами, чтобы с помощью некоего имеющегося у них органа – своеобразного локатора – улавливать тревожные для себя звуки. Это позволяло людям вовремя уйти или убежать от опасности. Сегодня такой орган-локатор у человека исчез, а ушные мышцы остались.

В пользу выделения рудиментов в отдельный тип соматических объектов говорят не только их функциональная специфика и исторически сложившаяся точка зрения на их отдельность, обособленность от обычных телесных объектов. Можно указать еще на один, третий, аргумент, который приводил сам Дарвин. Он заключается в том, что общее число единиц из класса рудиментов со временем не остается постоянным, а неуклонно сокращается.

Это положение Дарвина со временем вполне подтвердилось. Так, если в XIX веке было известно порядка 180 рудиментов, то сегодня список «кандидатов в рудименты» значительно уменьшился. Так из «прежних» рудиментов жизненно важными признаны уже, например, такие соматические объекты, как <коленный> мениск, щитовидная железа, тимус, или вилочковая железа⁵, и некоторые другие объекты (о нескольких из них мы ещё скажем чуть позже). Таким образом, изменение списка рудиментов идёт, так сказать, в одну сторону, а именно те телесные объекты, которые ранее относили к рудиментам, сегодня перешли или постепенно переходят в разряд «настоящих» объектов. Глаза нужны, чтобы видеть, уши – чтобы слышать, нос нужен, чтобы дышать и нюхать, а язык – чтобы есть и говорить. Расщепление и распределение функций по разным соматическим объектам – это вообще характерная черта любого многофункционального живого организма, а потому столь важным является выделение и описание таких функций для каждого сома-

тического объекта у человека. Но вот понять, зачем человеку аппендикс, железы, волосы на ногах или копчик, не так-то просто (хотя это пытались и пытаются делать сегодня), и эти объекты по-прежнему считают рудиментами.

Рудименты следует отличать не только от атавизмов, но и от таких соматических объектов, которые многие люди приобретают с возрастом или вследствие каких-то телесных дефектов, нарушений, травм или заболеваний. Это такие объекты, которые обычные люди знают под именами *второй подбородок, царапина, морщина, синяк, нарыв, прыщ, бородавка*, и ещё очень многие другие объекты. Они не связаны с эволюцией и генотипом человека, а потому, несмотря на то, что тоже заведомо «лишние», рудиментами не считаются.

Ниже я остановлюсь на некоторых рудиментах – точнее, речь пойдёт не о самих объектах, а об их семиотической концептуализации⁶. Я укажу основные признаки таких рудиментов, отмечу некоторые особенности их функций и дисфункций и рассмотрю ряд других их характеристик – компонентов семиотической концептуализации данного фрагмента семантического поля тела и телесности.

§1. Родимое пятно и родинка

Я уже говорил, что *родимые пятна* и *родинки*, или – медики дают им одно «медицинское» имя – *невусы*, относят к именам *рудиментов*. Однако с точки зрения обычного носителя русского языка, а не искушённого биолога или медика слова *родинка* и *родимое пятно* имеют разное значение. Так, словами *родимое пятно* люди обозначают ‘некое плоское образование на коже, как правило, неопределённой формы, не имеющее строго определённого местоположения и отличающееся от окружающей кожи главным образом цветом’. *Родинка* тоже не имеет фиксированного положения, но, в отличие от родимого пятна, по мнению наших информантов, не относящихся к специалистам, не обязана быть плоской – она может вовсе не сливаться с поверхностью кожи, а возвышаться над ней. Объединяет родимые пятна с родинками, по мнению обыкновенных носителей языка, не только отсутствие у тех и других какого-то определённого местоположения, но и одинаковая цветовая окраска, – в норме отличающаяся от цвета окружающей кожи.

То, чем отличаются многие родимые пятна от родинок, людям хорошо известно из жизненного опыта, – это их **происхождение**. Если телесный объект, называемый *родимым пятном*, обычно возникает при рождении ребёнка или в первые годы его жизни, то телесный объект, именуемый *родинка*, как мы хорошо знаем, совсем не

обязательно является врождённым нарушением кожного покрова⁷. Часть родинок человек приобретает с возрастом, обычно в зрелом возрасте или старости. А те родинки, которые возникли у человека при рождении или в самом раннем детстве, могут в дальнейшем видоизменяться под влиянием условий жизни, климата, некоторых физиологических состояний, например, беременности или болезни, причём могут меняться значения (values) самых разных признаков родинок, таких как форма, размер, объём (толщина), цвет или яркость. Может измениться и покрытие родинок, в частности, произойти её, как говорят обычные люди, *отвердение*, или, как говорят медики, *ороговение*. На родинках могут появляться инородные объекты – бугорки, бляшки, головки, трещинки, а также бородавки – обычные или «на ножках», то есть *висячие*. Их называют также *папилломы*.

У взрослого человека на коже могут появиться пятна другого рода – не родимые, а особые; они обычно бывают совсем другого – тёмно-красного или – гораздо чаще – коричневого цвета. Эти пятна и обычные люди, и врачи называют *возрастными*, или *старческими*. Данное название, однако, как и в случае с родинками, никак не отражает истинной причины их появления на теле. Как было давно установлено, такой причиной, вопреки названию, является не возраст человека, а действие солнца.

Ультрафиолетовые лучи стимулируют выработку у человека натурального красящего пигмента меланина, который, кстати, вызывает у него также и загар. С течением времени на открытых участках кожи, на которые солнце постоянно воздействует (это обычно лицо и руки), накапливается меланин, и возникают цветные пятна. Известны случаи, когда с изменением климатических условий или при обработке таких возрастных пятен натуральными или химическими средствами, они *бледнеют* или *белеют*.

Каковы полезные функции родинок и родимых пятен, науке до сих пор не известно, так что они по праву могут считаться рудиментами. В художественной литературе встречаются примеры, показывающие, что наличие определённых родинок на женском лице считалось красивым, то есть особо выделяются эстетические функции родинок. Однако наличие родинки далеко не всегда украшает лицо, ср. предложения (1) и (2):

(1) – *Пожалуй, что <она> и хорошенькая, сказала миссис Пурди, соглашаясь, но не без критики, – только вот родинка эта на левом виске её портит* (Г. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»).

(2) *У нее некрасивая большая родинка на шее, которой она стесняется* (М. Шишкин. Письмовник).

Родинки относят не только к опознавательным знакам человека, но и к его особым приметам, ср.:

(3) *Родинка на лбу принесет мужчине счастье, а женщине – власть, вокруг бровей – счастливый брак, на переносице – любовную страстность и экзальтированность, на носдре – частые путешествия, на губах – прожорливость, на подбородке или голени – богатство, на ушах и шее – могущество и добрую репутацию, на плече – неволю, несчастную жизнь, на груди – бедность, на кисти – многодетность, подмышкой – удачу, в паху – неудачу потомкам* (С. Чечилова. Они, родимые...).

Между тем родинки и родимые пятна – это отнюдь не безобидные телесные объекты, поскольку они иногда могут преобразоваться, причём вплоть до неузнаваемости. Они бывают самых разных размеров: невусы величиной до 1,5 см медики относят к *мелким невусам*, от 1,5 до 10 см – к *средним*, а свыше 10 см – к *крупным*. Мелкие невусы в большинстве своём являются безопасными, тогда как средние и крупные невусы бывает, что *перерождаются*. Этим глаголом применительно к родинкам и родимым пятнам обозначают изменение состояния невусов – от первоначального, как правило, *нормального состояния*, до нового и нередко опасного для человека *патологического состояния* (обычно *опухоли*).

Указывая на изменение состояния родинки или родимого пятна и на связанные с этим изменением факторы, используют особую лексику. Говорят о неких *толчках* или *раздражителях*, которые могли *спровоцировать перерождение* невуса, ищут *причины* и *признаки*, свидетельствующие о перерождении невуса. Врачи советуют людям, имеющим родинки и родимые пятна, *следить за своим телом, тщательно обследовать кожу* в местах нахождения *подозрительных родинок и пятен*. Даются рекомендации сразу же обращаться к врачам при *обнаружении малейших признаков перерождения*, а врачи уже ставят вопрос о *лечении* или о *профилактическом удалении родинки*.

Основными признаками перерождения пятна или родинки считаются: (а) изменение цвета или появление неравномерной окраски рудимента, а также возникновение кольца угольно-чёрных узелков, располагающихся по периферии невуса, – медики на своём жаргоне называют их *чёрными чётками*. Те родинки и пятна, которые являются сильно пигментированными и которые резко противопоставлены поверхности окружающей их кожи по цвету, как правило, вызывают у медиков, как они говорят, *особое беспокойство*; (б) нарушение поверхности кожи вокруг невуса, в частности, шелушение или потёртость кожи; (в) появление определённых болезненных состояний кожи в районе пятна или родинки – зуда, жжения, напря-

жения (натянутости кожи) или покалывания; (г) распространение пятна вдоль поверхности кожи: оно как бы расплывается и меняет цвет или насыщенность первоначального цвета; (д) опухание невуса или увеличение его размера; (е) воспаление некоторой области, или *ареолы*, вокруг невуса.

Врачи, к которым люди в этих случаях обращаются за советом и помощью, проверяют первым делом, нет ли *опухоли в области пятна или родинки*, не появились ли злокачественные клетки в поверхностном слое кожи, а в случае их обнаружения, нет ли прорастания таких клеток вглубь.

Замечание (о некоторых видах невусов в медицине).

Обычные люди не знают, что невусы бывают разных видов, которые принято различать в биологии, анатомии и медицине. Среди них, как я узнал из бесед с врачами, наиболее важными считаются (1) *лентиго* – так называют плоское пятно от коричнево-бурого до чёрного цвета, окраска которого не меняется под действием лучей солнца; (2) *эпидермальное пятно*. Это образование обычно плоское по форме и возникает обычно на ладонях, подошвах и гениталиях; (3) *невус Саттона* – пигментное родимое пятно, окружённое кольцом неокрашенной кожи. Такого рода пятна могут исчезать самопроизвольно и перерождаются в злокачественные образования очень редко и, наконец, (4) *дисплатический невус*. Дисплатический невус – это пятно или родинка неправильной формы, с нечёткими границами, слегка возвышающееся над поверхностью кожи. Окраска дисплатического невуса варьирует от рыжевато-коричневой до тёмно-бурой, и он может появиться на любом месте кожи – даже на тех её участках, которые закрыты одеждой, или на голове, покрытой волосами. Нередко такие невусы наследуются, а потому врачи на своём жаргоне называют их *семейными невусами*. Они теоретически опасны, так как часто перерождаются в злокачественные образования, вследствие чего постоянно требуют к себе внимания.

§2. Аппендикс

Аппендикс – это наиболее известный из всех рудиментов. Само слово *аппендикс* – многозначное, и по меньшей мере одно из его значений не является анатомическим. Я имею в виду лексему АППЕНДИКС 1 – ‘придаток к чему-либо (от лат. *appendix*, ‘придаток’), или, если раскрыть значение слова *придаток*, АППЕНДИКС 1 – это ‘объект, который присоединяется к другому объекту или человеку в качестве дополнения этого объекта или человека’.

Аппендикс в этом значении обычно бывает придатком некоторого помещения – дома, комнаты, дачи и т. п. или текста – книги, части книги, альманаха, статьи, документа и др. С аппендиксом иногда даже сравнивается человек (см. ниже предложение (4)). В аппендикс как помещение или как текст обычно помещается нечто, **рассматриваемое как дополнительное** к основному помещению или тексту – в случае текста это, как правило, информация, имеющая пояснительный, статистический или библиографический характер.

Употребление лексемы АППЕНДИКС 1 иллюстрируют предложения (4) – (6):

(4) *Саша приехал в свой город, двери электрички захлопнулись за ним, словно он был аппендикс и его отрезали* (З. Прилепин. Санька).

(5) *А тот аппендикс, что выходит к забору, (слесарню предыдущего хозяина), отдали мне* (В. Маканин. Неадекватен).

(6) *Методологический аппендикс, посвященный сугубо техническим проблемам стихосложения, растягивается на всю первую четверть поэмы* (Дм. Бавильский. Новые стихи).

Не менее частотным значением слова *аппендикс* является специализированное, анатомическое сужение упомянутого первого значения до применения к области тела и других соматических объектов. Речь идёт о лексеме АППЕНДИКС 2 <человека>, то есть о ‘маленьком червеобразном придатке <слепой> кишки человека, имеющим вид маленькой трубочки, прикреплённой к этой кишке одним концом’.

В школе учат, что средняя длина аппендикса человека 8 см, но бывает и до 20 см, что толщина аппендикса колеблется в диаметре от 0,8 до 1 см и что у этого придатка, или, как чаще его называют, *отростка*, один конец прикреплён к слепой кишке, а другой конец – свободный.

Располагается аппендикс внизу живота, справа, чуть ниже печени. Так описывается на обычном, бытовом русском языке значение (value) признака /местоположение/ этого соматического объекта. В научном же подязыке русского языка и стоящей за ним научной картиной мира такая языковая характеристика местоположения аппендикса не используется, так как она и неясная, и неточная. Между тем даже такое – неточное и неполное – знание о местоположении аппендикса является исключительно важным для жизнедеятельности человека, и это знание взрослые сообщают детям в их самом раннем возрасте. Ведь аппендикс, будучи отростком кишки, располагается внутри живота и потому не виден. Между

тем аппендикс часто *воспалется*, и его воспаление, именуемое *аппендицит*, – это весьма опасное заболевание, и людям надо знать, где примерно расположен аппендикс, чтобы при болях в соответствующей области немедленно обратиться к врачам, а лучше – вызвать «скорую». О формах, размерах, структурах, местоположениях и других признаках многих соматических объектов, скрытых от глаз человека, включая аппендикс, люди обычно либо узнают в школе, либо сталкиваясь с их заболеванием или травмой.

Хотя большинство учёных даже совсем ещё недавнего прошлого считали аппендикс рудиментом (так как не знали, зачем он нужен человеку)⁸, существовали также исследователи, думающие по-другому. Они, категорически не желая видеть в аппендиксе человека рудимента, выдвигали разные предположения относительно его полезных биологических функций⁹. Так, одни учёные считали, что аппендикс – это накопитель пищевых остатков, которые организм человека не способен переварить, другие полагали, что аппендикс участвует в процессе кроветворения, вырабатывая лейкоциты – белые кровяные клетки А третьей, включая Леонардо да Винчи, думали, что назначение аппендикса состоит в том, чтобы защищать кишечник от разрыва из-за возможного переизбытка газов, считая, что этот отросток способен вбирать в себя излишки кишечных газов.

В результате те, кто не видел в аппендиксе рудимента, ставили его в один ряд с такими телесными объектами, как железы и аденоиды, – ведь все они **защищают** важные части организма от проникновения внутрь микробов – носителей болезней. Так, железы стоят на защите глотки и гортани от инфекций, проходящих через рот, аденоиды предохраняют глотку и гортань от проникновения в них болезнетворных микробов, проходящих через нос, а аппендикс защищает тонкий кишечник – орган, где переваривается пища, от бактерий, движущихся из толстой кишки вместе с пищеварительными отходами.

Теперь скажу несколько слов о том, что сегодня известно едва ли не всем взрослым людям – вовсе не обязательно только биологам или медикам, – об аппендиците.

Аппендицит бывает двух видов – *острый* и *хронический*. *Острый аппендицит* – это название одного из самых частых и опасных заболеваний живота, это, как говорят медики, одна из разновидностей *брюшной патологии* человека. Воспалённый аппендикс в подавляющем большинстве случаев *удаляют*, или, как говорят, *вырезают*, экстренно помещая больного в больницу, где (существует такое профессиональное выражение) *лечат хирургическим путём*. Ср.:

(7) *Один – блистательный патологоанатом, а второй сам себя вырезает аппендикс* (Б. Васильев. Были и небыли).

Острый аппендицит возникает, как правило, в виде неожиданного *приступа* и, если не принять срочные хирургические меры, может либо перейти в *хроническую стадию*, либо, что гораздо хуже для человека, в *стадию перитонита* – очень опасного осложнения, серьёзно угрожающего здоровью и жизни больного. Если, как говорят врачи, *запустить болезнь и не принять срочные меры*, то аппендикс *нагнаивается, гноится*, в области аппендикса нарушается кровообращение, стенки отростка истончаются, и в них образуются мельчайшие отверстия, через которые гной проникает в брюшную полость. Всё это грозит больному *воспалением брюшины*, то есть тонкой внутренней оболочки брюшной полости, или *перитонитом*. При перитоните гной попадает непосредственно в брюшную полость, и от чего у человека воспаляются и разрушаются находящиеся в этой полости внутренние органы. Наступает *общее тяжёлое состояние* – резкая боль, тошнота, рвота, высокая температура, озноб и потливость, и воспалительный процесс, если его вовремя не прервать, приводит к неминуемой смерти больного. Всё, что выше я сказал об аппендиците и перитоните на обычном бытовом русском языке, на языке медиков называется *изложение фрагмента клинической картины перитонита*.

Замечу, что дети иногда путают слова *аппендикс* и *аппендицит*, то есть путают имя объекта и имя наиболее частой его дисфункции. Так, вместо того, чтобы сказать *Мне вырезали аппендикс*, они говорят *Мне вырезали аппендицит*. По-видимому, это происходит чисто из-за созвучия этих слов: я сам опрашивал учеников двух начальных школ Москвы (3 и 4 классы), какие они знают болезни, и это знание у них довольно широкое и свободное, так что мне кажется, что такого рода «медицинская» лексика ребятами хорошо освоена.

И последнее, что мне хотелось бы сказать здесь об аппендиксе. Такая ли уж это «ненужная» деталь организма?

Сегодня научный взгляд на самый знаменитый рудимент несколько изменился. Выяснилось, что аппендикс имеет ряд полезных для организма функций. Так, он является хранилищем многих полезных микробов кишечной флоры. При некоторых болезнях, например, дизентерии или холере, происходит вымирание полезной микрофлоры, и лишь в аппендиксе бактерии, полезные для жизнедеятельности организма, сохраняются, и постепенно, по мере выздоровления человека, они снова переходят из этого депо в кишечник. Кроме того, аппендикс, по утверждению биологов и медиков, предохраняет человека от отравления или паразитов, особенно в тех случаях, когда человек попадает в новые, совсем не привычные для него условия проживания и питания. Желудок и кишечник обычно плохо справляются с необычной пищей, и если бы не работа

отростка – благодаря тому, что в нём находятся полезные микробы, помогающие усваивать пищу, – человек мог бы серьёзно заболеть и даже умереть.

§3. Копчик

Слово *копчик* (лат. *sossux*) называет ‘маленькую неподвижную косточку в конце позвоночника’. В научной литературе встречается также выражение *копчиковая кость*, означающее то же, что *копчик*. Своим названием копчик обязан древнегреческому слову *κόκκυξ* ‘кукушка’. Как указано в электронной энциклопедии «Википедия», этим названием подчёркивается клювовидная форма кости. Биологам известно, что копчик имеет треугольную форму, образованную срастанием четырёх позвонков. Известно, что когда-то на месте копчика у человека был хвост, – не случайно толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова даёт в качестве синонима слова *копчик* слово *хвостец* (в Национальном корпусе русского языка мы нашли только один пример на это слово – из Л.Н. Толстого, сегодня явно устаревший).

Когда-то хвост у человека имел чётко определённую функцию, а именно служил органом равновесия. Так, из истории науки известно, что с его помощью человек мог цепляться за ветки деревьев или за высокие кусты. Кроме того, хвост служил средством распределения физической нагрузки на кости таза и нижние отделы позвоночника.

Сегодня, как и в далёком прошлом, человеческие эмбрионы на ранних этапах своего развития имеют хорошо заметный хвост, но потом хвост перестает выступать над поверхностью тела (впрочем, в качестве атавизма, то есть как исключительно редкого отклонения от нормы физического строения, у некоторых людей тоже может развиться выступающий наружу короткий хвост).

Замечания.

1. Известно, что у многих птиц, главным образом, самцов, длинные хвосты с красивым оперением служат средством привлечения самок (для продолжения рода). Эволюция сохранила птицам длинные хвосты, и это несмотря на то, что длинные хвосты, вообще говоря, мешают им спастись от врагов бегством. Видимо, функция привлечения внимания является решающим фактором отбора, перевешивая фактор борьбы за существование.

2. А у некоторых маргашек с длинными и массивными хвостами хвост помогает регулированию температуры тела, играя роли своео-

бразной грелки в холодную погоду и холодильника в тёплую. В нём, кроме обычных кровеносных сосудов, есть так называемая средняя вена, которая связана с артериальным стволом. Поэтому в холод тёплая артериальная кровь, минуя мелкие сосуды хвоста, может сразу возвращаться в тело обезьяны, согревая его.

Очевидно, что копчик не обладает ни одной из указанных функций.

О существовании копчика обычный человек узнаёт или в процессе обучения в школе, или когда с копчиком что-то не в порядке. Кстати, хирурги и травматологи очень не любят копчик («с ним много возни, весьма противной») и называют его *обезьянье наследство*.

Наиболее распространёнными патологиями в области копчика являются боль, вызванная травмой (например, у женщин, причиной боли в этой области может быть родовая травма), или воспалительными процессами в кости, и, вследствие этого, изменениями в копчиковой области. К таким типичным изменениям относятся появление мокроты, зуда, опухлости, гнойных выделений и др. Самой частой причиной болей в области копчика является травма, вызванная падением, ударом в область ягодиц и даже ходьбой по плохой дороге. Появляются ушиб, трещина, вывих, смещение или даже перелом.

Боль в области копчика довольно сильная – человек долго не может нормально сидеть и ходить. А иногда последствия травмы дают о себе знать неожиданно через много лет после происшествия, о котором человек практически забыл.

Для лечения самого копчика или области вокруг него врачи обычно назначают *антибиотики и обезболивающие препараты*. Кроме того, они назначают различные *процедуры*, направленные на снятие болей, на ликвидацию воспалений, инфекционных выделений и др. При этом врачи обычно *советуют больному лежать* и находиться в состоянии покоя, особенно *в первое время*, а впоследствии, по мере улучшения состояния, они предлагают ему выполнять специальные упражнения. *В тяжёлых случаях*, как их называют медики, больному может потребоваться операция, или, опять-таки на языке врачей, *оперативное вмешательство*.

Между тем сегодня стало ясно, что и этот как бы «лишний» соматический объект является важной деталью человеческого организма. Косточки копчика служат средством и местом скрепления определённых тазовых мышц и связок, отвечающих за нормальное функционирование мочеполовой системы и некоторых отделов кишечника. В «Википедии» отмечены также еще две функции копчика: это (а) то, что к нему «прикрепляется часть мышечных пучков большой ягодичной мышцы, являющейся мощным разгибателем

бедра», и (б) то, что он играет важную роль в распределении физической нагрузки на анатомические структуры таза, служа важной точкой опоры тела.

Заключение. Почему же всё-таки *рудименты*?

«В теле человека нет ничего лишнего» – с таким положением, видимо, согласны сегодня все люди, не только учёные-специалисты. Поэтому, хотя мы и говорим, что рудименты существуют, поиск их полезных для организма функций никогда не прекращался и не прекращается. По мере нахождения таких функций класс рудиментов сокращается, однако даже такие соматические объекты, как аппендикс или копчик, которые строго формально к рудиментам уже отнести нельзя, по-прежнему все называют *рудиментами*. Скорее всего, это происходит потому, что они всё же больше вредят человеку по жизни, больше «портят ему крови», чем приносят сколько-нибудь ощутимую пользу.

Так, зубы мудрости, возможно, зачем-то нам нужны, но сколько они приносят нам мучений без какой-либо видимой пользы и сколько бытует в народе мнений и аргументов в пользу их удаления! Так, многие считают, что если от зубов мудрости заранее, еще до мучительных болей, избавиться, то щёки не будут сильно выступать наружу, и овал лица станет более совершенным. Я сам слышал, как женщина в очереди к стоматологу утверждала, что она читала, будто зубы мудрости отбирают у других зубов полезные вещества, в частности кальций. Кроме того, некоторые утверждают, что у детей, в процессе появления на месте молочных зубов «настоящих», прорезывание именно зубов мудрости¹⁰, мало того, что весьма болезненное, ещё и часто затруднённое и аномальное, вызывает неправильное расположение некоторых зубов в челюсти. Так, появляются излишнее пространство между зубами, скученность в какой-то группе зубов, веерное распределение зубов во рту, неприятная кривизна зубов и т. п. И потому, думается, зубы мудрости – даже если нам расскажут о том, что в них полезного – едва ли перестанут от этого считаться рудиментами.

Аппендикс, родинки, копчик, тимус (о котором знают лишь те, кто хорошо знаком с анатомией человека, и который, как учат нас биологи, является важным органом в иммунной системе человека, вырабатывая некоторые гормоны), а также мужские соски, волосы в ушах или носу, мышцы, о которых речь шла в самом начале дан-

ной работы, – всё это телесные объекты-рудименты. И хотя по отношению к некоторым из них имя *рудименты*, звучит, может быть, слегка пренебрежительно, это народное название «лишних», бесполезных или малополезных соматических объектов сохраняется и по сегодняшний день.

Примечания

- ¹ О понятии «тип соматического объекта» см. Крейдлин Г.Е. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1: Тело и другие соматические объекты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.)). М., 2010. Вып. 9 (16). С. 230–234.; Krejdlin G.E., Pereverzeva S.I. Semiotic conceptualization of the human body: types of somatic objects and their names in Russian [Семиотическая концептуализация тела человека: типы соматических объектов и их обозначения в русском языке] // The Body in Language: Lexicon, Metaphor, Grammar and Culture, Warsaw, 2013 (Brill Studies in Language, Cognition and Culture) (в печати).
- ² Русское слово *рудимент* восходит к латинскому *rudimentum* ‘зачаток, первый опыт, первооснова’: ср. с одним из значений английского *rude* ‘неоформленный, несформированный, грубый’. Английское слово *rudiment* ‘рудимент’ сохранило среди других значений и этимологически исходное значение ‘первоосновы, начала, первых шагов на пути к чему-то’. В этом значении слово употребляется сегодня преимущественно в форме множественного числа, ср. обычные для английского языка сочетания *rudiments of grammar* ‘основы грамматики’, *rudiments of a plan* ‘начало, зарождение, контуры общего плана’. В современном русском языке слово *рудименты* в таком значении используется очень редко.
- ³ См., однако, подробнее об этом ниже.
- ⁴ Как метонимический перенос, часто с оттенком иронии, воспринимается встречающееся в текстах использование имени *тавизм* в применении к некоторым людям, учреждениям, артефактам и т.п.
- ⁵ Тимус расположен в верхней части грудной полости (*грудной клетки*) сразу за грудиной, или в верхнем средостении. Вот какую информацию о нём сообщает «Википедия»: тимус – это «небольшой орган розовато-серого цвета, мягкой консистенции, поверхность его дольчатая. У новорожденных его размеры составляют в среднем 5 см в длину, 4 см в ширину и 6 см в толщину, масса – около 15 граммов. Рост органа продолжается до начала полового созревания (в это время его размеры максимальны – до 7,5 - 8 см в длину, а масса достигает 20 – 37 граммов)». С возрастом тимус атрофируется, и в старческом возрасте он едва отличим от окружающей его жировой ткани средостения. Когда человеку 75 лет средняя масса тимуса составляет 6 – 8 граммов.
- ⁶ О семиотической концептуализации человеческого тела и телесности см. подробно, например, в Крейдлин Г.Е. Указ. соч.

- ⁷ Английские эквиваленты слов *родинка* и *родимое пятно* по данным переводных и толковых словарей совпадают, и их внутренняя форма – *birthmark* (как это часто бывает в английских словарях и учебных пособиях орфография слова неустойчивая – некоторые словари приводят в качестве правильной единственно форму *birth-mark*) – подчеркивает общность происхождения. Между тем происхождение родимых пятен и – вопреки внутренней форме этого слова – родинок, вообще говоря, разное.
- ⁸ К числу таких учёных принадлежали, например, Чарльз Дарвин и Илья Мечников, замечательный русский ученый, основоположник иммунологии. См. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. М., 1991 (перепечатка издания 1907 года под редакцией К.А. Тимирязева).
- ⁹ Об основных разновидностях функций соматических объектов см. *Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е.* Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. М., 2011.
- ¹⁰ Считается, что название зуб мудрости получил в народе ещё в те далёкие времена, когда его прорезывание соотносили с полным половым созреванием и физиологическим формированием человека.

Генитивные сравнительные конструкции в современном русском языке

В статье рассматриваются генитивные сравнительные конструкции – гибридный тип сравнения, переходный между сравнением и метафорой; проводится сопоставление их использования в языке классической литературы и в современном русском языке. Употребляясь практически исключительно в художественных текстах, чаще в поэзии, генитивные конструкции компактны, лаконичны и одновременно глубоки по содержанию, стилистически разнообразны. В современном русском языке они занимают более скромное место, чем в языке классической литературы, однако говорить об их неостребованности преждевременно; генитивные конструкции расширяют сферу своего использования.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория сравнения, сравнительные конструкции, генитивные сравнения, русский язык, языковая личность.

Обладающие компактной структурой, лаконичные и одновременно глубокие по содержанию, всегда насыщенные стилистически, авторские, необычные – генитивные сравнительные конструкции являются интереснейшим, незаменимым компонентом структуры функционально-семантической категории сравнения. Какова их судьба в современном русском языке, востребованы ли они современной языковой личностью? Неужели данный тип выражения сравнительной семантики уходит из языка?

Генитивная конструкция – конструкция, состоящая из опорного слова и стоящего в родительном падеже зависимого слова, уточняющего или доопределяющего первое, например: «...Золотые *монеты листьев*» (И. Кондрашов). Родительный падеж существительного в ее составе имеет значение субъекта уподобления, с которым сравнивается объект.

Это наиболее спорная разновидность сравнительных конструкций, так как многие исследователи (в первую очередь, литературоведы) относят их к метафорам. Например, академик Р.А. Будагов, анализируя сравнения и метафоры в прозе Ю.Н. Тынянова, называет образ *сливы глаз* метафорой даже без уточнения «генитивная»¹.

Термин «генитивная метафора» используют многие современные исследователи (Боравкова², Кузнецова³, Лапутина⁴), анализируя выразительные возможности конструкций данного типа в различных (в основном поэтических) произведениях. Квалифицируют данные конструкции как генитивные метафоры и авторы «Материалов к словарю» метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.⁵

Неоднозначная грамматическая природа рассматриваемой конструкции проявилась в наличии разнообразных терминов для их обозначения. Помимо традиционных терминов «генитивная метафора» и «генитивное сравнение», встречаются названия: свободные сочетания слов (Марфунина⁶), субстантивные словосочетания с зависимым родительным (Тулина⁷), метафоры-сравнения (Григорьев⁸), субстантивные генитивные двучленные метафоры (Ушакова⁹) и т. п. Некоторые современные исследователи предпочитают даже никак не квалифицировать генитивные конструкции, называя их просто «конструкциями» (Ляшевская¹⁰).

Переходный характер генитивной конструкции, ее особое положение между метафорой и сравнением несомненны. Гибридность проявляется в отсутствии оператора сравнения, хотя условно как оператор (устойчивый грамматический компонент) может быть рассматриваема форма родительного падежа субъекта сравнения, и в необычности расположения членов сравнительной конструкции: вместо стандартного порядка субъект – объект видим практически не нарушаемый порядок объект – субъект. Еще один характерный признак генитивной конструкции, свидетельствующий о ее переходном характере и близости к метафоре, – слитность компонентов сравнения; данная конструкция может употребляться только в случае, если в сознании человека происходит отождествление субъекта и объекта сравнения по какому-либо признаку.

Тем не менее, с нашей точки зрения, она ближе к сравнению, чем к метафоре. Основанием для данного утверждения служит, в первую очередь, сама структура конструкции, в которой наличествует как субъект сравнения (то, что сравнивается; в примере, приведенном выше, – *листья*), так и объект (то, с чем сравнивается; в примере – *монеты*). Структура же метафоры одночленна: субъект подразумеваем, объект и есть метафора. То есть на основании рассмотренного примера можно сконструировать метафору: «На деревьях золотые монеты...». Мы квалифицируем конструкции анализируемого типа как «генитивные сравнительные конструкции», признавая их переходный характер, свойственный, кстати, многим структурным типам сравнения, находящимся на периферии функционально-семантической категории сравнения (сравнениям в фор-

ме сказуемого и приложения, лексическим средствам сравнения, конструкциям со сравнительными частицами и т. п.).

Генитивную конструкцию как сравнение квалифицировали многие исследователи: В.П. Григорьев, Л.В. Кнорина¹¹, М.А. Остренкова¹², Т.А. Тулина¹³, подчеркивая при этом большую выразительность конструкций с зависимым родительным по сравнению с другими типами сравнительных конструкций, что связано с уже упомянутыми выше порядком расположения частей (объект сравнения не следует в них за субъектом, а предшествует ему) и высокой степенью слитности компонентов сравнения. Очень интересны исследования генитивных сравнений на материале поэзии Б. Пастернака, проводившиеся Л.В. Кнориной, в которых автор отмечает зависимость обильного употребления Пастернаком генитивных сравнений от концентрации образов в его поэзии¹⁴; описывает «нарушения сочетаемости в генитивных конструкциях», которое «создаёт ощущение бесконечного разнообразия интерпретаций даже в пределах нормы»¹⁵ и т. д.

Исследователи отмечают, что данная конструкция является достаточно новой в языке. По наблюдениям В.П. Григорьева, только в 20–30 гг. XX века описываемый прием «...стал общим достоянием поэзии, закрепился в поэтическом языке эпохи»¹⁶.

В российском языкознании отсутствуют исследования генитивных сравнительных конструкций на материале современного русского языка (имеется в виду именно современный язык, то есть язык последних двух-трех десятилетий), хотя этот элемент структуры языка заслуживает глубокого изучения и оценки с точки зрения структуры, семантики, способности выразить намерения языковой личности, а также динамики, изменения в современном русском языке.

Мы попытались проанализировать использование генитивных сравнений современной языковой личностью. Материалом для исследования стали более 6100 сравнений, отобранных из различных жанров современной художественной литературы, СМИ и устной речи. Данная подборка рассматривалась в сопоставлении со сравнениями, использованными С. Есениным и И. Буниным в поэтических и прозаических текстах (более 3500 примеров).

С помощью метода статистического подсчета мы выявили, что в языке классической художественной литературы, в нашем случае представленной творчеством И. Бунина и С. Есенина, генитивные сравнения составляют 6,8 % от общего количества сравнений. Генитивные конструкции реже используются в прозаических текстах (2,2 %), значительно чаще в поэзии (15 %). При этом в поэзии

Бунина больше сравнительных конструкций исследуемого типа, чем в лирике Есенина: соответственно 16,5 % 13,6 %.

Надо отметить, что сравнения Есенина данной синтаксической разновидности отличаются большей оригинальностью, чем сравнения Бунина. У Бунина довольно часто встречаются устойчивые конструкции: «И *темных голых скал прибрежная стена...*» («Сумерки»), выразительность которых несколько притупляется из-за довольно частого использования образа, в данном случае это образ *скалы как стена*. Сравнения Есенина всегда свежи и необычны, автор словно стремится удивить читателя, поразить его восприятие: «Знай, никому не нужен / *Неба зеленый песок*» («На память Мише Мурашovu»).

В литературе классического периода вообще используется больше сравнительных конструкций переходных типов, представляющих собой гибриды сравнения и метафоры: генитивных конструкций, сравнений в форме сказуемых и приложений, конструкций со сравнительными частицами, бессоюзных сложных предложений с параллелизмом частей. Переходные конструкции обогащают арсенал художественно-выразительных средств языка, отличаясь от конструкций, не обладающих свойством переходности, большей выразительностью, поэтичностью, яркостью образа, стройностью формы. Сравнительный характер в переходных структурных типах подчас выражен менее явно, и читателю предлагается самому достраивать, додумывать, осмысливать образ. Например: «*Копны и стога огней* кружились над зданиями» (С. Есенин. Железный Миргород). Генитивные сравнения имеют яркую индивидуально-авторскую окраску, они придают тексту большее стилистическое разнообразие, поэтичность. Например: «Тихо льется с кленов *листья медь...*» (С. Есенин. Не жалею, не зову, не плачу...).

Статистический анализ сравнительных конструкций, используемых современной языковой личностью, показал совсем иные результаты.

В языке СМИ и устной речи генитивные сравнения практически не встречаются; они по-прежнему, как отмечал В.П. Григорьев, являются принадлежностью языка художественной литературы, правда, теперь не только поэтического.

В языке современной художественной литературы генитивные конструкции составляют 0,9 % всех используемых сравнений. Для сопоставления: реже употребляются только отрицательные сравнения, построенные по типу *не – а*, сравнения в форме приложений и бессоюзные сложные предложения с параллелизмом частей.

В текстах современной литературы преобладают структурные типы конструкций, сравнительность в которых выражена напрямую,

явно видна и не требует от читателя особенных усилий по осмыслению образа: союзные конструкции, сочетания прилагательного *похож* с предлогом *на*, сравнения при помощи глаголов, предлогов, лексических средств и под.

Бедность, однообразие грамматических типов приводят к тому, что сравнения современной литературы изначально более стилистически нейтральны. Это не означает их астилистичности вообще, естественно, авторы добиваются стилистической окраски другими способами (к примеру, введением в сравнение ярких, даже шокирующих объектов), однако, налицо меньшее разнообразие грамматических средств стилистической окраски текста.

Тем ценнее для нас произвести анализ использования современной языковой личностью выявленных генитивных сравнений.

Большая часть (две трети примеров) генитивных конструкций обнаружена нами в поэтических текстах: «Посреди огней вечерних и гудков машин / Мчится *тихий огонек моей души*» (песня группы «Високосный год»). Эмоциональность, оценочность, передача субъективного восприятия описываемых фактов – обязательные компоненты генитивных сравнений. Возможно, именно поэтому основная сфера их бытования по-прежнему – поэтическая речь. Здесь они дают автору возможность активного воздействия на восприятие читателя или слушателя, формирования у него определенного отношения к описываемому, эмпатического восприятия чувств лирического героя. Особенно органично генитивное сравнение звучит в песенных текстах, которые мы рассматриваем как один из наиболее востребованных жанров современной поэзии. Здесь сравнение поддерживается определенным ритмом, мелодией. Ритм при этом может быть лиричным, например: «Как воды поток, / Утром к тебе спешит / *Скомканый листок / Рваной моей души*» (песня группы «Уматурман») или активным, например: «*Смерти катится апельсин...*» (песня группы «Запрещенные барабанщики»). Хотя в современных популярных песнях даже генитивные конструкции, для которых обычно характерна индивидуально-авторская окраска, могут звучать банально, если передают слишком активно используемый образ, например: «Но *озеро коварных глаз твоих / Я в сотый раз переплываю*» (песня Евро & Dj Vemax).

Нам представляется, что треть примеров генитивных сравнений, обнаруженных нами в современных прозаических текстах, – это довольно значительное количество, позволяющее судить о том, что в современном языке генитивная конструкция расширила сферу своего бытования и активно используется в прозе.

Создатель прозаического текста с помощью генитивного сравнения привлекает внимание к изображаемым реалиям: «...На фоне серых, как старые простыни, туч виднелся *белый цветок парашюта*» (Д. Казаков. Демоны Вальхаллы); внушает читателю определенные чувства по поводу описываемого: «Потом *никелированные гробы джинов* черной стрелой промчались по городу» (О. Андреев. Отель); придает тексту поэтичность: «Владимир стоял у окна, огонек сигареты тихо тлел *в пещерке его ладони*» (М. Котова. Узор судьбы) или, наоборот, снижает стилистическую окраску через контрастность субъекта и объекта сравнения: «Над домами откуда ни возмись *повылезли елочные шары куполов*» (Б. Акунин. Статский советник). Писатель-прозаик обращается к генитивному сравнению именно тогда, когда нуждается в активном стилистическом помощнике.

Крайне редко, но генитивные сравнения все же встречаются в языке СМИ. Они не выглядят здесь органично, чаще всего автор высказывания с помощью данного типа сравнения передает иронию. Например, шутит, причем грустно, над былыми чувствами: «Пока не завяли *помидоры страсти*, все было замечательно» (телепередача «Модный приговор»).

Генитивные конструкции относятся к сфере предметной метафоризации. В составе их структуры в качестве образа практически не употребляются одушевленные предметы. В анализируемом нами материале объектом чаще всего выступает название предмета при субъекте – отвлеченном понятии, то есть явной становится функция овеществления, конкретизации, которую выполняют генитивные сравнения. Особенно сильно это ощущается при использовании цепочки сравнений, например: «Варить *воспоминания варенье* без *косточек вины*; / Засушивать *созревших чувств гроздь* впрок на изюм; / ...О хлопоты *рачительной хозяйки*» (С. Вдовикина). Помимо названий предметов, объектом генитивного сравнения могут быть названия растений: «Соленый вкус волны / *И апельсин луны*» (песня Л. Вайкуле) и наименования природных объектов: «Разбиваюсь о *скалы характера*» (А. Беликова). Сравнения с подобными образами также выполняют функцию овеществления.

Еще одна особенность функционирования генитивных конструкций в современном языке – ярко выраженный контраст между субъектом и объектом сравнения, подчас полярность их смысла, например: «...И *облаков дырявые ботинки* / Неспешно снова странствуют по свету» (И. Кондрашов). Это одна из причин стилистической емкости генитивных сравнений, которая делает их средством привлечения внимания читателя или слушателя.

Итак, языковая и бытийная сущность генитивной сравнительной конструкции состоит в том, что именно в художественной литературе, особенно в поэтической ее разновидности, она проявляет свои особенности. При этом генитивная конструкция способствует экспрессивному и эмоциональному насыщению художественного текста и углублению смысловой нагрузки фразы.

Генитивные конструкции сочетают компактность формы с полнотой выражения содержания, богатый стилистический потенциал с возможностью выражения индивидуально-авторских интенций. Поэтому они являлись излюбленным поэтическим средством в языке классической литературы. В системе структурных форм функционально-семантической категории сравнения современного русского языка они занимают более скромное место, однако говорить об их не востребованности, уходе из языка преждевременно. В первую очередь потому, что генитивные конструкции расширяют сферу своего использования и все чаще встречаются в языке прозаических художественных текстов.

Примечания:

- ¹ Будагов Р.А. Писатели о языке и язык писателей. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 105.
- ² Боравкова С.Н. Особенности функционирования поэтической генитивной метафоры и богатство ее концептуальных смыслов в прозе В. Набокова // Вестник гуманитарного научного образования. 2012. № 1. С. 20–23.
- ³ Кузнецова Н.Н. Распространение генитивной метафоры как способ создания и усиления экспрессивности // Русский язык в школе. 2009. № 10. С. 55–60.
- ⁴ Лапутина Т.В. Особенности семантической сочетаемости в генитивной метафоре (На материале поэзии М. Цветаевой) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2010. № 3–4. С. 38–43.
- ⁵ Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю., Шестакова Л.Л. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Москва, 2010. Т. 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи».
- ⁶ Марфунина И.А. Семантическая категория сравнения и ее синтаксическое воплощение (На материале романа В. Набокова «Другие берега») // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. Выпуск 8 / Под ред. М.Л. Ремневой и Е.В. Клубукова. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 78–88.
- ⁷ Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Филологические науки. 1973. № 1. С. 51–62.
- ⁸ Григорьев В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979. С. 208.
- ⁹ Ушакова Ю.Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке. Дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2005. 371 с.

- ¹⁰ *Ляшевская О.Н.* Генитивная и инструментальная конструкции формы: сходства и различия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии 2010. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 327–333.
- ¹¹ *Кнорина Л.В.* Нарушения сочетаемости и разновидности тропов в генитивной конструкции // Противоречивость и аномальность текста / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1990. С. 115–124.
- ¹² *Остренкова М.А.* Сравнение в поэзии Н. Заболоцкого: структура, семантика, функционирование. – Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2003. – 20 с.
- ¹³ *Тулина Т.А.* Указ. соч.
- ¹⁴ *Кнорина Л.В.* Генитивные сравнения в поэзии Пастернака [Электронный ресурс] // Сайт памяти Лидии Кнориной [Сайт]. – Режим доступа: URL: <http://lidiaknorina.narod.ru/lingv2.htm>. – 12.03.2014.
- ¹⁵ *Кнорина Л.В.* Нарушения сочетаемости...
- ¹⁶ *Григорьев В.П.* Указ. соч.

Языковые особенности индивидуального стиля Литтона Стрейчи

Статья посвящена основным стилистическим особенностям биографической прозы Литтона Стрейчи. В работе объясняется, в чем заключается оригинальность индивидуального стиля биографических произведений Стрейчи. Базовые положения статьи проиллюстрированы примерами из жизнеописания королевы Виктории («Queen Victoria», 1921).

Ключевые слова: биография, индивидуальный стиль, тропы и фигуры речи, экспрессивный синтаксис, коннотативная лексика.

Литтон Стрейчи (1880-1932) по праву считается одним из главных мастеров жанра биографии в английской литературе. Ему удалось повысить статус биографической прозы и перевернуть представление своих соотечественников о биографии, показав пример критически-ироничного отношения к изображаемой личности. Викторианской биографической прозе были свойственны общая дидактическая направленность, открытое прославление описываемого человека, намеренное опущение эпизодов и мотивов компрометирующего характера¹. Эти тенденции отразились в произведениях Т. Карлейля, Э. Гаскелл, Дж. Форстера, Т.Дж. Хогга и других писателей эпохи правления королевы Виктории. Стрейчи выступил создателем новой биографии: он оказался первым писателем, осмелившимся открыто иронизировать над викторианскими идеалами и свободно обращаться с историческим материалом.

К трем самым известным произведениям Стрейчи относятся «Eminent Victorians» («Знаменитые викторианцы», 1918), «Queen Victoria» («Королева Виктория», 1921) и «Elizabeth and Essex» («Елизавета и Эссекс», 1928). Стрейчи заявил о себе в 1918 году, опубликовав биографии кардинала Мэннинга, Флоренс Найтингейл, доктора Арнольда и генерала Гордона². С одной стороны, в «Знаменитых викторианцах» он пародирует взгляды этих людей, с другой – он дает почувствовать их неординарность и значительность, подчеркивая, что их вклад в историю викторианской Англии трудно переоценить.

По мнению некоторых исследователей³, признающих наличие в сочинениях Стрейчи оригинальной формы изложения событий, фундаментального, основательного биографического произведения о ком бы то ни было писателю создать так и не удалось: его всепоглощающая ирония оказалась далеко не оптимальным художественным средством в работе над биографией. Тем не менее, по нашему убеждению, Стрейчи сумел найти собственный, узнаваемый голос в мире биографии. В изображении человека писателя больше интересуется его внутренний мир, нежели внешние события. Не стремясь к документальной точности, психологической глубины и яркости в повествовании Стрейчи добивается при помощи сложной системы лексических и синтаксических выразительных средств, разнообразных тропов и фигур речи.

Необходимость обновления жанра требовала оригинального подхода к использованию стилистических приемов в биографической прозе. Для стиля Стрейчи характерны разнообразные лексические особенности: употребление лексических единиц с необычными эмоционально-экспрессивными коннотациями, использование развернутых метафор, библейских аллюзий. Стрейчи достигает большой выразительности и на уровне синтаксиса словосочетания и предложения при помощи таких средств, как парентетические, вставные конструкции, восклицания и риторические вопросы, анафора, градация. При этом определенного вида тропы часто употребляются писателем в паре с другими выразительными средствами (например, анафора и инверсия систематически употребляются вместе).

В качестве иллюстративного материала, нам бы хотелось подробно остановиться на биографии, посвященной королеве Виктории (1819-1901) – «Queen Victoria». По словам Вирджинии Вульф, именно эта биография строго следует фактам жизни королевы: «Каждое заявление выверено, каждый факт сверен с реальностью. И в итоге он создал биографию, которая, возможно, сделает для королевы то же самое, что Босуэлл сделал для составителя словаря» (перевод – М.С.)⁴. Сопоставим два отрывка на одну и ту же тему из «Королевы Виктории» Стрейчи и биографии королевы, написанной Кристофером Гиббертом. Речь идет о встрече Виктории и Наполеона III:

«The Emperor's voice was 'low and soft', his manner 'easy, quiet and dignified', 'so very good natured and unassuming and natural'. There was 'something fascinating, melancholy and engaging' about him which drew you to him. He made her feel that she was physically attractive to him in a manner to which she was quite unaccustomed; yet, at the same time, she felt that she could say anything she liked to him because as she put it, 'I felt – I do not know how to express it – safe with him'. He was,

indeed, she was soon to decide, 'a very extraordinary man with great qualities... wonderful self-control, great calmness, even gentleness' and 'a great power of fascination... as unlike a Frenchman as possible, being much more German than French in character'⁵.

Лексически и синтаксически, слова самого автора совершенно нейтральны. Выразительность достигается исключительно за счет прямых цитат из писем Виктории («great power of fascination», «something fascinating, melancholy and engaging»). Выбор такой манеры изложения материала К. Гиббертом в целом оправдан, так как тексты самой Виктории изобилуют коннотативными единицами и стилистическая выразительность авторского комментария создала бы дисбаланс. Вот как описывает встречу монарших особ Стрейчи:

«She found that she was charmed by his quiet manners, his low, soft voice, and by the soothing simplicity of his conversation. The good-will of England was essential to the Emperor's position in Europe, and he had determined to fascinate the Queen. He succeeded. There was something deep within her which responded immediately and vehemently to natures that offered a romantic contrast with her own. Her adoration of Lord Melbourne was intimately interwoven with her half-conscious appreciation of the exciting unlikeness between herself and that sophisticated, subtle, aristocratic old man. Very different was the quality of her unlikeness to napoleon; but its quantity was at least as great. From behind the vast solidity of her respectability, her conventionality, her established happiness, she peered out with a strange delicious pleasure at that unfamiliar, darkly-glittering foreign object, moving so meteorically before her, an ambiguous creature of willfulness and Destiny»⁶.

Автор не просто опирается на отзыв самой Виктории об императоре Франции, но сравнивает ее впечатления от общения с ним с ее отношениями с лордом Мельбурном, и делает обобщение о характере королевы, добавляя нюанс в психологический портрет ее личности. Не прибегая к цитатам из писем Виктории, Стрейчи сам комментирует это событие, используя яркие коннотативные словосочетания («the soothing simplicity of his conversation») вместе с рядами усиливающих друг друга синонимов («From behind the vast solidity of her respectability, her conventionality, her established happiness», «that sophisticated, subtle, aristocratic old man»). Автор, глядя на императора глазами королевы Виктории, наделяет его чуть ли не сверхъестественными силами («that unfamiliar, darkly-glittering foreign object, moving so meteorically before her, an ambiguous creature of willfulness and Destiny»).

Порывая с традициями викторианского жизнеописания, Стрейчи стремится к неоднозначному, ироничному изображению истори-

ческой личности. В его интерпретации, королева Виктория порой была упряма до самодурства и не отличалась гибкостью мышления. Она мало читала и весьма поверхностно разбиралась в государственных делах. Виктория была склонна судить о политических деятелях не по их способности придерживаться одной линии в политике, а опираясь на свои субъективные впечатления о них. Королева легко поддавала под влияние премьер-министра, если человек, занимавший этот пост, был достаточно обаятелен, чтобы понравиться ей в личном общении, как, например, лорд Мельбурн или Б. Дизраэли. С другой стороны, Стрейчи подчеркивает и сильные стороны личности Виктории – ее трудолюбие, преданность мужу, нравственную чистоту, силу характера («the irresistible potency of her personality»).

Стрейчи дает яркие характеристики политикам, окружавшим Викторией: «a mere *simulacrum* of his former self» (курсив мой. – М.С.) (лорд Мельбурн), “the happy valiance with which he conducted both his own affairs and those of the nation” (лорд Пальмерстон). Большое количество абстрактных существительных в биографии усложняет повествование, создавая дополнительный метафорический план («nebulous region of the spirit», «a future perplexed and full of dangers») (выделено автором – М.С.).

Изображая людей, окружавших королеву, Стрейчи часто прибегает к развернутым метафорам. По мнению А.Б. Наделя⁷, именно метафора является основным художественным приемом в творчестве Стрейчи, с его предпочтением интерпретации фактов сбору сведений и их выстраиванию в хронологической последовательности. Так, старшего сына Виктории и Альберта автор уподобляет ветке, которую безуспешно пытались заставить расти в нужном направлении: «But these evidences of *innate characteristics* only served to redouble the efforts of his parents; it still might not be too late to *incline the young branch*, by ceaseless pressure and careful fastenings, to *grow in the proper direction*».

Барон Кристиан Фридрих фон Штокмар, человек, занимавший должность врача при королевской семье, оказал очень большое влияние на формирование личности Альберта: «The Prince was his creation. An indefatigable toiler, presiding, for the highest ends, over a great nation – that was his achievement; and he looked upon his work and it was good». Стрейчи описывает королевского врача как «создателя» Альберта, прибегая к библейской цитате («And God saw that it was good», «Authorized Version» (1611), Genesis, ch. I, v.16)⁸.

Значительной сложностью отличались отношения Виктории и ее матери, герцогини Кентской. Герцогиня жаждала власти, и, как только Виктория заняла престол, она с тоской смирилась с тем, что должна уйти со сцены, как величественный корабль, достигший

необитаемый остров после длительного путешествия: «*Sailing, so gallantly and so pertinaciously, through the buffeting storms of life, the stately vessel, with sails still swelling and pennons flying, had put into her harbour at last; to find there nothing – a land of bleak desolation*».

Ключевой фигурой в жизни Виктории, безусловно, был ее супруг. Описывая их отношения, Стрейчи опять же активно прибегает к использованию сложных метафор. Несмотря на взаимную любовь, они мало понимали друг друга: «Victoria idolized him; but it was understanding that he craved for, not idolatry; and how much did Victoria, filled to the brim though she was with him, understand him? How much does the bucket understand the well? He was lonely. He went to his organ and improvised with learned modulations until the sounds, swelling and subsiding through elaborate cadences, drought some solace to his heart». Метафора чаши и источника отсылает нас к библейским образам колодца и сосуда для воды.

В ряду стилистических приемов, используемых писателем, следует отметить так называемую синонимическую коденсацию (употребление в одном ряду несинонимичных слов, имеющих преимущественно экспрессивную функцию и отличающихся от однородных слов неполнотой реализации семантических свойств компонентов в силу особых контекстуальных условий их использования, из-за чего наблюдается их семантическое уподобление):

«What, above all, struck everybody with overwhelming force was the contrast between Queen Victoria and her uncle. The nasty old man, debauched and selfish, pig-headed and ridiculous, with their perpetual burden of debts, confusions and disreputabilities – they had vanished like the snows of winter, and here at last, crowned and radiant, was the spring».

Нередко при однородном перечислении Стрейчи придает предложениям выразительность при помощи градации, последовательно используя слова с более высоким экспрессивным потенциалом (климакс): «But all other emotions gave way before her overmastering determination to continue, absolutely unchanged, and for the rest of her life on earth, her reverence, her obedience, her idolatry».

Стрейчи активно использует вводные слова и вставные конструкции уточняющего и дополняющего характера, придающие некую прерывистость, дискретность синтаксису предложения:

«Clearly, this, though perhaps an unavoidable, was an undesirable state of affairs; nor were the objections to it merely theoretical; it had in fact produced unpleasant consequences of a serious kind».

«/.../ at twenty-five he had been offered the Chancellorship of the Exchequer, which, with that prudence which formed so unexpected a part of his character, he had declined to accept».

Парентезы и причастные обороты у Стрейчи часто значительно отдаляют подлежащее от сказуемого:

«At last, after so long, happiness – fragmentary, perhaps, and charged with gravity, but true and unmistakable none the less – had returned to her». «/.../ it was, besides, clear that a jury, knowing that a verdict of guilty implied a sentence of death, would tend to the alternative course, and find the prisoner not guilty but insane».

Синтаксис текста дополнительно усложнен придаточными предложениями уступки с предлогом «as»: «As the law stood, these assaults, futile as they were, could only be treated as high treason». «/.../ in Lord Clarendon the Prince knew that he had a Minister to deal with, who, discreet and courteous as he was, had a mind of his own». Часто встречаются условные придаточные предложения с инверсированной глагольной формой «had»: «Paradoxically enough, Victoria received the highest eulogies for assenting to a political evolution, which, had she completely realized its import, would have filled her with supreme pleasure».

При помощи анафорических повторов, Стрейчи подчеркивает, насколько глубоко тосковала Виктория по ушедшему Альберту, и как важно для нее было проводить много времени в Балморале, где обстановка постоянно напоминала ей о супруге и годах проведенных вместе с ним: «Now she could be really happy every summer; now she could be romantic every evening, and dote upon Albert, without a single distraction, all day long»; «/.../ she was only intent upon regaining, with the utmost swiftness, her enchanted Castle, where every memory was sacred, and where life was passed in an incessant and delightful round of absolutely trivial events».

Для прозы Стрейчи типично использование инверсии вместе с повторами и высказываниями гномического, обобщающего характера:

«The ordinary schemer is always an optimist; and Stockmar, racked by dyspepsia and haunted by gloomy forebodings, was a constitutionally melancholy man. A schemer, no doubt, he was; but he schemed distrustfully, splenetically, to do good. To do good! What nobler end could a man scheme for? Yet it is perilous to scheme at all». «Victoria would assist him; a Stockmar she could hardly be; but she could be perpetually vigilant, she could mingle strictness with her affection, and she could always set a good example».

Эмоциональная напряженность нередко создается при помощи восклицаний и риторических вопросов:

«What had she to do with empty shows and vain enjoyments? No! She was absorbed by very different preoccupations. She was the devoted

guardian of a sacred trust»; «but alas! In this our life what are the certainties? 'In nothing be overzealous' says an Old Greek».

Как следует из предыдущих примеров, стиль Стрейчи отличается высокой синтаксической сложностью и употреблением значительного числа коннотативных лексических единиц в оригинальных сочетаниях. Такое употребление маркированной лексики и экспрессивного синтаксиса способствует выражению иронии Стрейчи к избираемой личности, оставляя пространство для оценки сильных сторон характера описываемого человека. Заслугой Стрейчи, как новатора в области жизнеописания, является то, что он преодолел ограничения викторианской биографии, обозначив пути обновления биографического жанра.

Примечания

- ¹ Кабанова И.В. Проблема жанровой типологии в английской прозе 1930-х годов. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: МГУ, 2000.
- ² Потницева Т.Н. Биография как жанр английской литературы XVIII-XIX веков. Дисс. ... докт. филол. наук. Днепропетровск: ДГУ, 1993.
- ³ Hamilton I. Biography. A Brief History. Lnd.: Hutchinson, 2007.
- ⁴ Woolf V. The Art of Biography // Biography Past and Present. Selection of critical essays. N.Y.: Clarendon Press, 1965. P.167.
- ⁵ Hibbert C. Queen Victoria. Lnd.: Harper Collins Publishers, 2001. P.233.
- ⁶ Цитируется по: Strachey L. Queen Victoria. N.Y.: Blue Ribbon Books, 1921.
- ⁷ Nadel I.B. Biography: Fiction, Fact and Form. Lnd.: Macmillan, 1985.
- ⁸ Oxford Dictionary of Quotations. Lnd.: Oxford University Press, 2004.

Прикладные разработки

Л. А. Григорян

Разработка словарей морфем химической номенклатуры

В статье рассмотрен ряд лингвистических аспектов химической номенклатуры. Сообщено о разработке трех словарей морфем химической номенклатуры на основе современной классификации химических морфем. Описано устройство и принципы использования этих словарей в рамках программно-технологического комплекса «Номенклатурный Генератор», ориентированного на порождение структурного графа химического соединения по его систематическому названию и на перевод названий химических соединений с языка на язык.

Ключевые слова: словари морфем, химическая номенклатура, порождающая грамматика, омонимия, синонимия.

В основу современной химической номенклатуры положена идея о том, что название химического соединения должно максимально отражать его структуру. То есть, те компоненты, из которых строится наименование химического соединения, должны определенным образом соответствовать компонентам его структурного графа — цепочкам атомов, связям различной кратности, стыковым позициям подграфов, нестандартным химическим элементам, присутствующим в соединении и т.п.

Фактически речь идет о взаимном сопоставлении трех видов сущностей — а) химического соединения, б) структурного графа и в) названия. При этом химическое соединение есть объект реального мира, состоящий из атомов и связей между ними; структурный граф является схематическим представлением строения этого химического соединения в виде композиции точек (вершин графа, обозначающих атомы) и линий (ребер графа, обозначающих связи); название складывается из языковых компонентов, долженствующих максимально точно отражать структуру данного химического соединения.

Итак, между систематическим названием химического соединения и его структурой существует определенное соответствие. На практике этот принцип означает возможность по названию соедине-

ния восстановить его структуру, равно как и по структуре получить систематическое название. И поскольку принятые в номенклатуре названия соединений складываются из отдельных компонентов — химических морфем, наделенных определенным смыслом, то, имея полный набор таких морфем и руководствуясь номенклатурными правилами обращения с ними, можно выстроить из них любое верное химическое название.

Существование подобного соответствия позволяет ставить вопрос об алгоритмизации задачи перевода названия химического соединения, данного в систематической номенклатуре, в его структурный граф¹. А интернациональный характер химической номенклатуры дает возможность автоматизировать также и перевод систематических названий химических соединений с языка на язык.

Для решения этих задач прикладного характера требовалось провести анализ химической номенклатуры как семиотической системы с развитыми синтаксисом и семантикой. В отечественной науке данной проблематике посвящены работы А.М. Цукермана, Г.Г. Стецюры и М.М. Ланглебен². Фактически, в этих работах химическая номенклатура рассматривается как своего рода искусственный язык. В качестве элементарных и неделимых единиц этого языка выступают химические морфемы, локанты³ и служебные знаки. Из этих единиц по определенным правилам складываются названия химических соединений. По своему внутреннему строению и функции названия химических соединений могут квалифицироваться как сложные слова данного искусственного языка.

Таким образом, систематическое название химического соединения является цепочкой морфем, локантов и служебных знаков, отражающей семантику данного языка — т.е. структуру молекулы химического соединения. Способы дистрибуции единиц данного языка определяют его синтаксис, а семантика и синтаксис являются основой для выделения классов морфем.

Всего насчитывается свыше тысячи различных химических морфем, имеющих систематическое значение (например, «пента», «цикло», «аз», «гидрокси», «ол» и др.). Помимо этого номенклатура ИЮПАК⁴ признает несколько сотен тривиальных наименований, большинство из которых может также выступать в качестве компонентов более сложных названий химических соединений.

Служебных знаков существует гораздо меньше — это, прежде всего, дефис, запятая, точка, двоеточие, апостроф, круглые, квадратные и фигурные скобки⁵.

Особое положение занимают локанты, т.е. числовые, буквенные и смешанные (число-буквенные) индексы, используемые при нумерации атомов в цепочке структурного графа. Локанты фигурируют

в подавляющем большинстве названий химических соединений. Набор локантов с точки зрения химической номенклатуры неограничен; естественные ограничения на него накладывают лишь физико-пространственные характеристики химических соединений, согласно которым подавляющее большинство соединений имеет структурную цепочку, количество звеньев в которой не превосходит двух сотен.

М.М. Ланглебен построила модель языка химической номенклатуры в виде формальной синтезирующей грамматики, в которой учитывается морфология систематических названий химических соединений⁶. Позднее М.М. Ланглебен показала, что внутри химических подязыков различных естественных языков существует особая семиотическая система, обладающая собственной иерархической структурой и уподобляющаяся в своем строении естественным языкам⁷.

Теоретические наработки М.М. Ланглебен получили дальнейшее развитие и практическую реализацию в работе Е.А. Уткиной⁸, предложившей усовершенствованную версию классификации химических морфем и создавшей (под руководством В.К. Финна) экспериментальную программу «Номенклатурный Анализатор», переводящую названия органических соединений в структурные графы. Однако программа Е.А. Уткиной способна обрабатывать лишь самые простые классы названий органических соединений, а потому нуждалась в существенной переработке и качественном развитии.

В дальнейшем на основе работы Е.А. Уткиной нами был создан программно-технологический комплекс «Номенклатурный Генератор», ориентированный не только на перевод расширенного спектра названий органических соединений в структурные графы, но и на межъязыковой перевод систематических названий органических соединений. В рамках этой задачи классификация химических морфем была существенно переработана, и на её основе были составлены специализированные словари химических морфем: основной словарь, словарь перевода и словарь синонимичных замен.

Основной словарь химических морфем содержит около 1100 статей. Каждая статья словаря описывает отдельную химическую морфему. Помимо русского названия морфемы в статье указывается также тип морфемы и связанная с ней номенклатурно-химическая информация.

В зависимости от типа морфемы информация эта может подразделяться на разные группы полей. Так, например, для морфемы «корневого» типа **Root**, служащего для описания фрагментов структурных цепочек химического соединения, указываются общее

количество атомов в цепочке соединения (без учета атомов водорода), общее количество связей между этими атомами, после чего идет последовательное перечисление всех атомов с указанием для каждого из них его свободной валентности, затем следует аналогичное перечисление всех связей с указанием номеров связываемых вершин и кратности каждой связи. Например, статья, описывающая корневую морфему «бут», в текстовом виде выглядит следующим образом (символ «#» использован в качестве разделителя полей):

бут # Root # 4 3 # C 3, C 2, C 2, C 3 # 1 2 1, 2 3 1, 3 4 1

Формат для описания морфем типов **Suffix** и **Prefix** (обозначающих кратность связи между атомами в структурной цепочке, функциональные группы и др.) аналогичен, но в нем предусмотрены специальные метки, позволяющие обращаться к тем вершинам основного графа, номера которых не известны заранее (см. табл. 1).

Табл. 1. Условные метки для обозначения вершин с неизвестными заранее номерами

Условные метки для обозначения вершин:	
Метка:	Значение:
0	Вершина, на которую указывает локант
1	Вершина, следующая за той, на которую указывает локант
-1	1-я вершина основной цепи
-2	2-я вершина основной цепи
...	...
- <i>n</i>	<i>n</i> -я вершина основной цепи
-1000	Последняя вершина основной цепи

Также задан набор меток для преобразования связей (см. табл. 2):

Табл. 2. Условные метки для преобразования связей

Условные метки для преобразования связей:	
Метка:	Значение:
=2	Изменить связь на двойную
=3	Изменить связь на тройную
0	Удалить связь

Для примера приведем несколько статей словаря, описывающих ряд морфем типов **Suffix** и **Prefix**:

ен # Suffix # 0 1 # # 0 1 =2
ин # Suffix # 0 1 # # 0 1 =3
ол # Suffix # 1 1 # ОН 0 # -1 1 1
овая кислота # Suffix # 2 2 # О 0, ОН 0 # -1 1 2, -1 2 1
цикло # Prefix # 0 1 # # -1 -1000 1
карбоксо # Prefix # 3 3 # С 0, О 0, ОН 0 # -1 1 1, 1 2 2, 1 3 1
фтор # Prefix # 1 1 # F 1 # -1 1 1

В частности, как видно из описания, морфема «ол» обозначает подграф, состоящий из одной вершины, в которой находится элемент «ОН», и единственной связи, соединяющей данную вершину (код «1») с первой вершиной основной цепи (код «-1»). Другой пример — морфема «цикло», обозначающая вырожденный случай графа, который насчитывает ноль вершин и одну связь, соединяющую первую вершину основной цепи (код «-1») с последней ее вершиной (код «-1000»).

Статьи, соответствующие морфеме типа **Hetero** (который отвечает за гетероатомы), имеют гораздо более краткий формат. Для морфем типа **Hetero** после указания типа морфемы в словарной статье приводятся лишь атомный символ из периодической системы Д.И. Менделеева, обозначающий данный гетероатом, и его нормальная валентность. Так, статья, описывающая морфему «аза», в текстовом виде выглядит следующим образом:

аза # Hetero # N 3

Еще компактнее формат описания морфем типа **Multi** (отвечающего за количественные приставки) — в статье после типа морфемы указывается только соответствующий количественный индекс, например:

тетраakis # Multi # 4
ди # Multi # 2

С помощью химико-номенклатурной информации, содержащейся в основном словаре, алгоритм программного модуля-номенклатура по морфемам, составляющим конкретное название химического соединения, воссоздает его структурный граф.

Пример таблицы основного словаря можно видеть на рисунке 1:

Рис. 1. Фрагмент таблицы основного словаря в редакторе баз данных Microsoft Access

MorphemeName	MorphemeType	VerticeNur	BondNur	Vertices	Bonds
мет	Root	1	0 C 4		-
эт	Root	2	1 C 3, C 3	121	
проп	Root	3	2 C 3, C 2, C 3	121, 231	
бут	Root	4	3 C 3, C 2, C 2, C 3	121, 231, 341	
пент	Root	5	4 C 3, C 2, C 2, C 2, C 3	121, 231, 341, 451	
гекс	Root	6	5 C 3, C 2, C 2, C 2, C 2, C 3	121, 231, 341, 451, 561	
гепт	Root	7	6 C 3, C 2, C 2, C 2, C 2, C 2, C 3	121, 231, 341, 451, 561, 671	

Второй составленный нами словарь — словарь перевода — также содержит около 1100 статей. Каждая статья описывает одну химическую морфему, указывая ее русское название, ее тип и английское название. Таким образом, в отличие от основного словаря, содержащего большие объемы химико-номенклатурной информации о морфемах, словарь перевода является более компактным.

Необходимость в появлении этого словаря, на первый взгляд, может показаться необоснованной, так как, казалось бы, можно было просто добавить английское название каждой морфемы в качестве дополнительного поля в соответствующие статьи основного словаря. Однако словарь перевода имеет свою конкретную лингвистическую функцию установления межъязыкового соответствия и может быть расширен введением материала других языков, в то время как основной словарь ориентирован на другие системные задачи. В дальнейшем в словарь перевода можно будет с легкостью добавить, например, немецкие, французские, испанские и т.д. варианты морфем, создав для них соответствующие поля в каждой словарной статье, тем самым способствуя распространению действия «Номенклатурного Генератора» на другие языки. А поскольку естественных языков существует множество, нет смысла обременять этой информацией основной словарь, ориентированный главным образом на построение структур. Таким образом, основной словарь и словарь перевода различаются как специализированный энциклопедический и лингвистический переводной словаря.

Пример таблицы словаря перевода показан на рисунке 2.

Отдельного внимания заслуживает присутствие поля «Тип морфем» в словаре перевода. Наличие этого поля обусловлено давней проблемой омонимии⁹, окончательного решения которой не найдено ни в России, ни за рубежом¹⁰.

Суть проблемы сводится к тому, что некоторые названия химических соединений могут соответствовать не единичной индивидуальной структуре, а двум и более различным индивидуальным структурам. В химической науке это создает немалую путаницу, поскольку не всегда бывает очевидно, какое именно из возможных химических веществ имеется в виду под данным названием.

И если среди полных названий химических соединений это явление, именуемое омонимией, достаточно редкое, то среди морфем оно встречается намного чаще.

К примеру, морфема «ан» в одних случаях используется как показатель того, что все связи в соединении одинарны (например, в названии «Пентан»), а в других ситуациях морфемой «ан» принято обозначать структурную цепь в виде шестичленного кольца (например, в названии «1,3-Диоксан»).

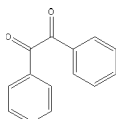
Рис. 2. Фрагмент таблицы словаря перевода
в редакторе баз данных Microsoft Access

RusName	MorphemeType	EngName
гексаноаноконт	Root	hexanonacont
гептаноаноконт	Root	heptanonacont
октаноаноконт	Root	octanonacont
нонаноаноконт	Root	nonanonacont
гект	Root	hect
этилен	Root	ethylene*
ди	Multi	di
три	Multi	tri
тетра	Multi	tetra
ил	Suffix	yl
ан	Suffix	ane*
ен	Suffix	ene*
ин	Suffix	yne*
илен	Suffix	ylene*
окси	Suffix	oxy
ол	Suffix	ol

Таким образом, имеет смысл говорить о существовании двух различных морфем «ан», принадлежащих к различным типам — в первом случае это будет морфема «ан» типа **Suffix**, а во втором — морфема «ан» типа **Root**.

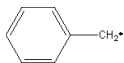
Аналогичная ситуация наблюдается и со многими другими морфемами. Например, в случае с морфемой «бензил» омонимия переходит языковые границы: в одном случае «бензил» переводится на английский язык как «benzil» и является тривиальным названием diketона со структурой, показанной на рис. 3:

Рис. 3. Benzil

В другом случае — английская версия морфемы «бензил» выглядит как «benzyl» и соответствует структуре, показанной на рис. 4:

Рис. 4. Benzyl

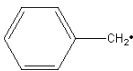

Отсюда следует, что для однозначного указания на ту или иную морфему недостаточно привести ее русское название, но требуется также указать ее тип.

Последний из составленных нами словарей — словарь синонимичных замен. Он предназначен для решения проблемы, в некотором роде противоположной проблеме омонимии. Поскольку химическая номенклатура, несмотря на все многолетние попытки избавиться от неоднозначностей, так до конца и не преуспела в решении этой задачи, очень частой в химии ситуацией остается возможность назвать одну и ту же структуру различными способами. Допустимость подобных альтернатив можно считать даже своеобразным преимуществом номенклатуры ИЮПАК: поскольку универсального способа, позволяющего давать удобные наименования *всем* химическим соединениям не существует, определенное удобство состоит в возможности выбора наиболее подходящего способа в каждой конкретной ситуации¹¹.

Например, следующее соединение (см. рис. 5) согласно правилам одного из разделов номенклатуры следует называть «1*H*-Бензо[*b*]пиррол». Однако традиционно используется устоявшееся (и также признаваемое номенклатурой) название «1*H*-Индол».

Рис. 5. 1*H*-Индол, он же — 1*H*-Бензо[*b*]пиррол

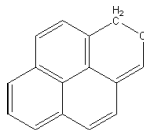
В принципе номенклатура позволяет любому соединению с тривиальным названием дать равноценное систематическое наименование. К примеру, тривиальным названием «Ацетон» обозначается соединение, которое по правилам номенклатуры можно назвать также «Пропан-2-он» (см. рис. 6).

Рис. 6. Ацетон, он же — Пропан-2-он

Еще один пример можно видеть на рис. 7:

Рис. 7. 1H-2-Оксапирен, он же — 2-Окса-1,2-дигидропирен

По методу Штельцнера данное соединение следует называть «2-Окса-1,2-дигидропирен», в то время как метод Chemical Abstracts дает название «1H-2-Оксапирен»¹².

Важно отметить, что такие соответствия возможны не только по отношению к названиям отдельных соединений, но и к массе производных от них названий более сложных соединений, что существенно увеличивает область применения словаря синонимичных замен.

Итак, словарь синонимичных замен указывает алгоритму программного комплекса на соответствие между некоторыми наиболее частотными синонимичными названиями или их фрагментами. Это позволяет «Номенклатурному Генератору» обрабатывать большее количество названий химических соединений, в том числе некоторые названия, относящиеся к тем разделам номенклатуры, правила для которых еще не алгоритмизованы.

Пример таблицы словаря синонимичных замен показан на рисунке 8:

Рис. 8. Фрагмент таблицы словаря синонимичных замен в редакторе баз данных Microsoft Access

LeftSeq	RightSeq
несимм-триазин	1,2,4-триазин
изопропенил	1-метилзтенил
мезитилен	1,3,5-триметилбензол
ацетилен	этин
втор-бут	1-метилпроп
изоиндол	бензо[с]пиррол
пропилен	пропен
трет-бут	1,1-диметилэт
изопрен	2-метилбута-1,3-диен
изопроп	1-метилэт
неопент	2,2-диметилпроп
пропион	пропан

Все три специализированных словаря химических морфем интегрированы в состав программно-технологического комплекса «Номенклатурный Генератор», однако могут использоваться и автономно, в качестве опорного материала для разработчиков лингвистического и программного обеспечения в области химической номенклатуры.

Примечания

- ¹ Уткина Е. А. Программа перевода названий химических соединений в систематической номенклатуре в молекулярные графы (для некоторых важных классов органических соединений) // НТИ. Серия 2. Информационные процессы и системы, 2000, № 3, с. 24–36.
- ² Цукерман А. М., Стецюра Г. Г. Об автоматизации перевода названия химических органических соединений в стандартную форму и структурных формул в систематические наименования // Сообщ. лаборатории электромоделирования. Вып. 1. – М.: Институт научной информации АН СССР, 1960, с. 241; Стецюра Г. Г., Цукерман А. М. Автоматический перевод названия химических органических соединений в формулы // НТИ, 1962, № 3, с. 17–19; Цукерман А. М. Номенклатура органических соединений и номенклатурный перевод. – М., 1966. – 253 с.; Ланглебен М. М. К лингвистическому описанию номенклатуры органической химии // НТИ, 1967, № 1, с. 13–22; Она же. Опыт приспособления лингвистических понятий и лингвистической терминологии к описанию искусственного языка // Информационные поисковые системы и автоматическая обработка научно-технической информации, 1967, с. 170–224; Она же. Структура номинативных сочетаний в специальном фрагменте русского химического языка : дис. канд. филол. наук / М. М. Ланглебен. – М.: ВИНТИ, 1970. – 257 с; Она же. Опыт построения метаязыка для описания квазилингвистической семиотической системы // Сб. «Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам» / под ред.: Д. А. Бочвар, Ю. А. Шрейдер; АН СССР. – М.: Наука, 1972. – с. 96.
- ³ Кан Р., Дермер О. Введение в химическую номенклатуру: Пер. с англ. / Под ред. В. М. Потапова и Р. А. Лидина. – М.: Химия, 1983. – с. 64.
- ⁴ Бокий Г. Б., Голубкова Н. А. Введение в номенклатуру ИЮПАК: Как назвать химическое соединение. – М.: Наука, 1989. – 184 с.
- ⁵ Григорян Л. А. Автоматическое порождение структуры по названию химического соединения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог-2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.), – М.: Изд-во РГГУ, 2006, с. 119–123.
- ⁶ Ланглебен М. М. К лингвистическому
- ⁷ Ланглебен М. М. Опыт построения
- ⁸ Уткина Е. А. Указ. соч.
- ⁹ Давыдова Э. А. Разработка проблемы перевода названий органических соединений с одного естественного языка на другой : дис. ... канд. техн. наук:

05.25.05 / Давыдова Элеонора Аркадьевна. – М.: ВИНТИ, 1986. – с. 90; Уткина Е. А. Указ. соч., с. 34.

¹⁰ *Sayle R.* Foreign language translation of chemical nomenclature by computer // *Journal of Chemical Information and Modeling*, 2009, Vol. 49, № 3. P. 525.

¹¹ *Бокий Г. Б., Голубкова Н. А.* Указ. соч., с. 11.

¹² Номенклатура органических соединений // *Справочник химика. Дополнительный том.* Л.: Химия, 1968. С. 109–110.

Особенности использования гомеровских эпитетов, характеризующих героев, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского

Аполлоний Родосский в «Аргонавтике» использует семантически нейтральные традиционные эпитеты, чтобы показать, что его персонажи живут в мире «Илиады» и «Одиссеи». Эпитеты в его произведении играют роль отсылок к гомеровским поэмам. Отличительное качество героя, которое в каталоге автор подчеркивает традиционным формульным эпитетом, затем раскрывается в каком-нибудь эпизоде. Таким образом, эпитеты, семантически нейтральные в «Илиаде» и «Одиссее», в поэме Аполлония Родосского становятся маркированными.

Ключевые слова: Гомер, Аполлоний Родосский, «Аргонавтика», формула, «нейтральный эпитет», «маркированный эпитет», герой.

Исследователи эпических поэм отмечают следующие характерные для этого жанра особенности в изображении действующих лиц: 1) типическое в них «господствует над индивидуальным, образы героев и их соперников очерчены сходными красками и все вместе сливаются в синтетический образ эпического богатыря»¹; 2) эпический герой является воплощением своего народа, а это в свою очередь обуславливает его единичность и исключительность².

В гомеровских поэмах исследователи, начиная с М. Пэрри, выделяют родовые и различительные эпитеты. Родовыми являются прилагательные, которые могут служить характеристикой любого персонажа. Как пишет Р.В. Гордезиани, «эти эпитеты в абсолютном большинстве случаев указывают на общие свойства героя, которые связывают его не только с действием «Илиады» и «Одиссеи», но и с сюжетами сказаний троянского цикла вообще»³. В отличие от них различительные эпитеты используются эпическим поэтом при изображении какого-то одного, конкретного героя. По мнению Г. Нады, они являются песенной темой в миниатюре, в ней проявляются мысленные ассоциации, связанные в традиции с сущностью того или иного персонажа⁴. И.В. Шталь объясняет появление в «Илиаде» и «Одиссее» различительных эпитетов следующим образом:

«Распределение эпитетов при имени героев происходит таким образом, что при имени ряда героев эти эпитеты образуют числовое преимущество («частотный взрыв»). Подобное числовое преобладание, выделяя героя в некоем качестве по сравнению с иными качествами собственной характеристики героя, создает его индивидуальную эпическую характеристику»⁵.

М. Пэрри дополнительно подразделял родовые эпитеты на «орнаментальные» и «специальные». Основанием для этого послужила необходимость объяснить, почему в ряде случаев Гомер вместо ожидаемых формул использует их метрические эквиваленты. «Орнаментальные» эпитеты никак не связаны с содержанием поэмы и служат только вспомогательными средствами при создании стиха. Как пишет Боура, они «придают поэтической речи образность и красочность», «имеют чисто декоративную, улаживающую функцию»⁶. В отличие от них «специальные» эпитеты непосредственно связаны с действием поэмы. Прежде всего, они служат «для обозначения персонажа», с их помощью «определяется его место в повествовании»⁷. Таким образом, «специальные» эпитеты от орнаментальных отличаются, прежде всего, их функциональностью внутри произведения⁸. Н.Л. Сахарный пишет, что они «связаны с его (Гомера – И.Р.) оценкой событий, поступков, с тем или иным обстоятельством действия, с впечатлением и отношением, которые он хочет вызвать у слушателей»⁹. По мнению исследователя, такие эпитеты имеют в гомеровских поэмах эмоциональные функции. А.И. Зайцев показывает это на следующем примере: «так, эпитет «ужасный» (τέλωριος – И.Р.) необычен для Ахилла (он применяется чаще всего к Аяксу, сыну Теламона), и когда мы читаем в XXI песни «Илиады»:

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной,
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
Трои сыны, убягая, толпилися, противоборства
Более не было...

(«Илиада». XXI, 526 – 529)

невозможно допустить, что Ахилл назван «ужасным» случайно, а не в соответствии со сложившейся ситуацией и как бы увиденный глазами Приама»¹⁰.

Некоторые исследователи считают, что не следует делить гомеровские родовые эпитеты на «орнаментальные» и «специальные». Например, П. Виванте¹¹ пишет, что с помощью и тех, и других поэт «материализует» героев в полной мере и концентрирует на них внимание читателей. Эпитеты связаны с конкретным предложением и выделяют его в повествовании»¹².

С тем, что гомеровские эпитеты не следует делить на «орнаментальные» и «специальные», согласен также Р. Сакс. В своем

исследовании он приходит к выводу, что в большинстве эпизодов родовые эпитеты могут быть нейтральными, но все-таки Гомер использует их в «Илиаде» и «Одиссее» не просто так. В определенном контексте раскрывается заложенный в них поэтом смысл, и они становятся «маркированными»¹³. Например, исследователь обращает внимание на то, что эпитетом ἀνδροφόνος («убийца мужей») Гомер в «Илиаде» в основном характеризует Гектора, особенно в семнадцатой песни поэмы, после смерти Патрокла (17, 428; 17, 616; 17, 638). А начиная с восемнадцатой песни, он используется в формуле χεῖρας ... ἀνδροφόνους (18, 317; 23, 18; 24, 479), которой характеризуются руки Ахилла, который, мстя за своего друга, убивает Гектора. Таким образом, считает Сакс, герой, имеющий в «Илиаде» эпитет ἀνδροφόνος, в скором времени должен погибнуть¹⁴.

В данной работе мы будем использовать предложенные Р. Саксом термины «нейтральный эпитет» и «маркированный эпитет» применительно к «Аргонавтике» Аполлония Родосского. Анализ использованной в поэме традиционной эпической лексики, характеризующей героев произведения, позволит нам выявить основные особенности творческого метода александрийского поэта.

И.В. Шталь, анализируя «Илиаду», приходит к выводу, что для характеристики героев старших поколений поэт использует в основном семантически нейтральные эпитеты. Исследователь объясняет это тем, что об их отличительных качествах Гомеру уже ничего неизвестно¹⁵.

У Аполлония, отчасти в соответствии с гомеровской традицией, семантически нейтральные родовые эпитеты употребляются, прежде всего, по отношению к персонажам, прямо не включенным в основное повествование и не играющим в действии активной роли. Это могут быть и представители старшего поколения героев. Например, эпитет θεῖος (божественный) александрийский поэт использует для характеристики Даная (1, 133), Нелея (1, 158) и Нерея (1, 1311). По образцу гомеровской формулы, которая имеет варианты πόλις θεῖοιο Θεάντος «город, божественного Фоанта» (14, 230) и πόλις θεῖοιο Μίνητος «город божественного Минета» (19, 296), Аполлоний Родосский создает собственную формулу, изменяя последовательность элементов – θεῖου πόλις Ὀρχομενοῖο «город божественного Орхомена» (2, 1186; 3, 1073). Таким образом, мы видим отмеченное нами в статье «О роли формул в “Аргонавтике” Аполлония Родосского» стремление автора варьировать гомеровские формулы¹⁶.

Кроме того, Аполлоний Родосский использует семантически нейтральные эпитеты для характеристики героев, которые названы в каталоге, но не принимают или почти не принимают участие в действии поэмы. Например, определение δῖος («божественный») в

«Аргонавтике» имеет дед Кизика Эвсор (1, 949 – 950) и раненный пером Стимфалийской птицы аргонавт Оилей (2, 1037). Этот герой не отличился ни в одном описанном в поэме сражении, поэтому определение $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma$ применительно к нему остается семантически нейтральным.

То же самое можно сказать об эпитете $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ (большой), который в поэме Аполлония имеет аргонавт Талай¹⁷. Во второй песни он вместе с Кастором помогает Полидевку подготовиться к кулачному бою с Амиком (2, 62), затем упомянут, как раненый в сражении с бестриками (2, 111). В «Илиаде» прилагательное занимает такое же положение в формульных характеристиках Гектора (12), Аякса (13), Приама (2) и Эврита (2).

Таким образом, Аполлоний Родосский в своем произведении использует традиционные эпитеты, чтобы показать, что персонажи «Аргонавтики» живут в мире гомеровских поэм. С этой целью для характеристики представителей старших поколений героев и второстепенных персонажей своей поэмы он использует родовые эпитеты.

Эпитет $\acute{\alpha}\gamma\alpha\upsilon\omicron\varsigma$ (заслуживающий восхищения, благородный), который в «Илиаде» является определением Тидея (5, 277), Лаомедонта (5, 649; 6, 23), Тифона (11,1), Идоменея (12, 117), Илионея (14, 501), Полидаманта (15, 446), Теламона (17, 284), Нестора (18, 16), Антенора (21, 579), в поэме александрийского поэта использован в 186 стихе первой песни для характеристики Милета, а в 955 стихе второй песни – Деимаха. Положение прилагательного в стихе остается традиционным (конец третьей – четвертая стопы). Оно в обоих случаях остается семантически нейтральным и является не более чем знаком следования традиции.

Более интересен случай, когда данный эпитет прилагается к Ахиллу, по отношению к которому он дважды употреблен и в «Илиаде». Оба раза он констатирует уже приобретенную Ахиллом славу, на которую покушается Гектор, обещая лазутчику Долону коней великого героя (10, 392), или обрекая на поругание труп его лучшего друга Патрокла (17, 557). У Аполлония определение $\acute{\alpha}\gamma\alpha\upsilon\omicron\varsigma$ употреблено в рассказе о том, как Фетида бросила Пелея «в гневе из-за благородного Ахилла» (4, 869: $\chi\omega\sigma\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\eta \text{ } \acute{\alpha}\chi\iota\lambda\eta\omicron\varsigma \acute{\alpha}\gamma\alpha\upsilon\omicron\upsilon \nu\eta\lambda\acute{\iota}\chi\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$). С метрической точки зрения $\acute{\alpha}\chi\iota\lambda\eta\omicron\varsigma \acute{\alpha}\gamma\alpha\upsilon\omicron\upsilon$ полностью соответствует гомеровскому употреблению в Илиаде 17, 557 и потому звучит как бесспорная отсылка к подвигам прославленного героя «Илиады». Однако в «Аргонавтике» Ахилл представлен младенцем (ср. картину в 1, 553–559, где он машет рукою с берега отплывающему в Колхиду отцу), и потому данная характеристика служит скорее предвосхищением его будущих деяний, за которые (как сообщает Фетиде Гера

в 4, 811–814) он в подземном царстве получит в жены Медею. Тем самым традиционный гомеровский эпитет ἀγαυός применительно к Ахиллу приобретает некую специальную маркированность, намекая дополнительную связь «Аргонавтики» с «Илиадой» и придавая повествованию александрийского поэта своеобразную перспективу предвосхищения будущей судьбы героя.

Прилагательное ἴφθιμος (могучий) использовано для характеристики персонажей «Аргонавтики» три раза. Во-первых, оно является определением отца аргонавта Акаста. В 225 стихе первой песни оно занимает первую стопу и начало второй стопы: ἴφθιμον Πελῖαιο δόμοις ἐνὶ λατρὸς ἐῆος «в доме своего отца, могучего Пелия». Такое положение эпитета является традиционным: в этой позиции он применяется Гомером для характеристики Сарпедона (5, 675), Пелагона (5, 696), Сфенела (8, 114; 23, 511), Меланиппа (15, 547) и Менелая (17, 554). О привычности такой метрической позиции для этого эпитета при характеристике героя свидетельствует и аналогичное употребление в «Теогонии» Гесиода:

ἴφθιμον Φαέθοντα, θεοῖς ἐπιείκελον ἄνδρα (987).

Таким образом, и у Аполлония такое употребление можно считать семантически нейтральным знаком принадлежности Пелия традиционному героическому миру.

Однако, в иных местах «Аргонавтики» в использовании данного эпитета можно уловить и дополнительные семантические нюансы. Так, в 484 стихе первой песни поэмы ἴφθιμος является определением Алоадов, которые были убиты стрелами Аполлона за то, что вызвали гнев богов, попытавшись забраться на Олимп:

τοῖα φάτις καὶ τοὺς πρὶν ἐπιφλέειν μακάρεσσιν
νῆας Ἀλωιάδας, οἷς οὐδ' ὅσον ἰσοφαρζεις
ἦγορέην, ἔμπης δὲ θεοῖς ἐδάμησαν διστοῖς
ἄμφω Λητοῖδαο, καὶ ἴφθιμοὶ περ ἑόντες.»

Говорят, что прежде такие речи говорили богам Алоады, с которыми ты не можешь мериться в мужестве. Однако их обоих сын Лето убил быстрыми стрелами, хоть и были они могучи (1, 480 – 484)

Словосочетание ἴφθιμοὶ περ ἑόντες является вариацией формулы περ ἑόντα καὶ ἴφθιμον καὶ ἀγαυόν, которой Гомер заканчивает рассказ об неудачных попытках Фоанта (4, 534) и Аякса (5, 625) овладеть доспехами побежденного противника. В своей очередь, миф об Оте и Эфиальте рассказывается в одиннадцатой песни «Одиссеи» (305–320), и слово φάτις («молва») в начале короткого рассказа в «Аргонавтике» вполне можно воспринять как отсылку на соответствующее место гомеровской поэмы. В таком случае лексическое

оформление свидетельствует об изошренном искусстве александрийского поэта, который «вписывает» в свое повествование эпизод из «Одиссеи» с помощью вариации формулы, которая в «Илиаде» используется для описания тщетных усилий героев.

Еще одним примером формульной «переклички» с Гомером при некоторой смене акцента можно считать употребление того же эпитета «могучий» в 119 стихе первой песни, где таковым назван брат аргонавтов Талая и Арея Леодок:

Ἄργῳθεν αὐ Ταλαῖς καὶ Ἀρεῖος, υἷε Βιάντος,
ἦλϋθον ἰφθίμος τε Λεώδοκος, οὗς τέκε Πηρῶ

Пришли сыновья Бианта Талай и Арей, а также могучий Леодок, которых родила Перо (1, 119).

О матери этих героев Перо рассказано в «каталоге жен» из одиннадцатой песни «Одиссеи», где соответствующее прилагательное используется по отношению к ней самой, причем в той же метрической позиции:

τοῖσι δ' ἐπ' ἰφθίμην Πηρῶ τέκε, θαῦμα βροτοῖσι,
τὴν πάντες μύοντο περικίτται · οὐδέ τι Νηλεὺς
τῷ ἐδίδου, ὃς μὴ ἔλικας βόας εὐρυμετώπους
ἐκ Φυλάκης ἐλάσειε βίης Ἴφικληείης
ἀργαλέας. τὰς δ' οἷος ὑπέσχετο μάντις ἀμύμων
ἐξελάαν · χαλεπὴ δὲ θεοῦ κατὰ μοῖρα πέδησε
δεσμοὶ τ' ἀργαλεοὶ καὶ βουκόλοι ἀγροῖῶται.
ἀλλ' ὅτε δὴ μῆνες τε καὶ ἡμέραι ἐξετελεῖντο
ἅψ περιτελλομένου ἔτεος καὶ ἐπῆλϋθον ὄρα,
καὶ τότε δὴ μιν ἔλυσε βίη Ἴφικληείη
θέσφατα πάντ' εἰπόντα · Διὸς δ' ἔτελεῖτο βουλή.

Вместе с ними Хлорида родила и могучую Перо, которая поражала людей своей красотой. О ней думали все живущие по соседству, но Нелей не отдавал ее ни за кого, кто не пригонит ему из Филаки широклобых криворогих коров, что трудно было сделать из-за силы Ификла. Их пообещал пригнать знаменитый прорицатель. Ему помешала это сделать злая воля бога и доставляющие мучения оковы, и деревенские пастухи. Но когда прошли месяцы и дни, когда прошел еще год, и настало время, тогда он произнес все прорицания, и сила Ификла освободила его. Свершилась воля Зевса (11, 287 – 297)

Сохранив положение прилагательного ἰφθίμος, Аполлоний использует его как указатель на конкретное место в гомеровской поэме. В таком случае сжатое изложение в «Аргонавтике» мифа о Перо (1, 120–121) опять-таки можно считать отсылкой (в том числе и через эпитет) к развернутому рассказу «Одиссеи». Однако и в этой короткой реминисценции Аполлоний «успеваает» отчасти дополнить и прокомментировать гомеровский текст, сообщая, что «знаменитого прорицателя» звали Мелампом, а его отцом был Эол. Таким образом,

опираясь на гомеровский текст и дополняя его, александрийский поэт в полном соответствии с александрийской «ученостью» восстанавливает и уточняет генеалогию аргонавта Леодока.

Особый и чрезвычайно показательный случай представляет собой маркированное употребление Аполлоном эпитета *λελιμένος* (страстно желающий). В «Аргонавтике» он и его производные всегда употребляются, как и в «Илиаде» (5, 690; 12, 106; 16, 552) в 3–4 стопах (1, 1164; 1, 1276; 2, 252; 2, 897; 4, 1587), но только один раз им охарактеризован конкретный персонаж, аргонавт Канф. Аполлоний сообщает, что дедом героя был Абант:

Αὐτὰρ ἀπ' Εὐβοίης Κάνθος κίε, τὸν ὄα Κάνηθος
πέμπεν Ἀβαντιάδης λελιμένον...

Также пришел с Эвбеи Канф, которого, страстно желающего, послал сын Абанта Канеф (1, 77-78)

В «Илиаде» данный эпитет дважды употреблен внутри формулы *λελιμένος ὄφρα τάχιστα* применительно к жаждущим сорвать доспехи с поверженного врага Гектору (5, 690) и Элефенору (4, 465). Второй случай особенно показателен, ибо этот мелкий персонаж (немедленно гибнущий от рук троянца Агенора) назван предводителем племени абантов:

τὸν δὲ πεσόντα ποδῶν ἔλαβε κρείων Ἐλεφήνωρ
Χαλκιδοντιάδης μεγαθύμων ἀρχὸς Ἀβάντων,
ἔλκε δ' ὑπ' ἐκ βελέων, λελιμένος ὄφρα τάχιστα
τεύχεα συλήσειε ·

Его, упавшего, схватил за ноги могучий Элефенор, сын Халкодонта, предводитель мужественных абантов, и повлек его из-под стрел, страшно желая как можно скорее сорвать с троянца доспехи (4, 464-465)

Трудно избавиться от ощущения, что 77–78 стихи первой песни «Аргонавтики» представляют собой своеобразный комментарий к этому месту в поэме Гомера, поскольку в них назван герой, имя которого (Абант) дало название народу, упоминаемому у Гомера. В таком случае параллельное употребление одного и того же эпитета оказывается тем лексическим звеном, которое связывают между собой два пассажа.

Интересны случаи, когда эпитеты, используемые Гомером по отношению к различным героям, единократно применяются Аполлоном к его персонажам, которые, напротив, играют досточно существенную роль в действии «Аргонавтики». Здесь зачастую эти определения, в принципе нейтральные по своей природе, могут приобретать дополнительную маркированность. Например, кормчий Тифий, который не принимает участие в сражениях, но смерть которого стала для аргонавтов большой утратой, в 560 стихе первой пес-

ни имеет определение *δαίφρων*. В «Илиаде» этот эпитет употребляется к Белерофонту (6, 162; 6, 196), Диомеду (4, 370; 5, 151; 5, 154; 5, 227; 5, 813; 8, 152; 23, 405), Ахиллу (Ахилл: 2, 875; 11, 791; 11, 839; 17, 654; 18, 1830; Эакид: 10, 402; 17, 76), Атрею (2, 23; 2, 60), Идоменею (4, 252), Приаму (9, 651; 15, 239), Антимаху (11, 123; 11, 138; 11, 197), Соку (11, 450; 11, 456), Аяксу (14, 459; 17, 123), Мериону (13, 164), Антилоху (13, 418), Одиссею (11, 452), Пенелею (14, 487), Форку (17, 312), Кебриону (16, 729), Энею (20, 267) и Идею (24, 325) в значении «воинственный духом» (от *δαίς* «битва» + *φρήν*). Однако в «Одиссее» он, являясь постоянным эпитетом Одиссея (1, 48; 3, 163; 7, 168; 8, 18; 21, 223; 21, 379; 22, 115; 22, 202; 22, 281) (а также Алкиноя (8, 8; 8, 13; 8, 56)) явно приобретает иной смысл: «разумный» (от *δαίωμα* «делить» или *δαῖναι* «знать» + *φρήν*)¹⁸. В случае с Тифием, главная роль которого – мудро направлять Арго – очевидным образом обыгрывается второе значение: тем самым мы, вероятно, еще раз сталкиваемся с примером «филологического выбора», предпочтения Аполлоном одного из возможных значений многозначного героического эпитета.

Дополнительную мотивировку можно также усмотреть в использовании Аполлоном по отношению к Теламону (3, 1174) определения *ἀρτήφιλος* («любимец Ареса»). В гомеровских поэмах данный эпитет постоянно сопутствует Менелаю (18), но также может использоваться по отношению к Ликомеду (2) и ахейцам в целом, и в принципе носит вполне нейтральный характер. Однако в случае единственного употребления его Аполлоном можно предположить дополнительную семантическую игру: ведь «любимый Аресом» Теламон отправляется к Эту за семенами для посева, которыми служат зубы дракона, в свое время убитого Кадмом, а дракон этот, как известно, был порождением Ареса. Кстати, история о драконе рассказана именно в данном месте «Аргонавтики» (ср. упоминание о связи дракона с Аресом в 3, 1180: Ἀρτηΐάδι κρήνη ἔλτουρον ἔδοντα).

Конечно, в подобных примерах возможность особой маркированности традиционного эпитета представляется достаточно гипотетической: вполне вероятно, что его употребление здесь имеет вполне нейтральный, «стертый» характер. Впрочем, в большинстве случаев, когда традиционные эпитеты служат определениями важных с точки зрения сюжета героев, александрийский поэт в своем произведении подчеркивает их особую принадлежность именно данному персонажу. Аргонавты как бы подтверждают данную им Аполлоном характеристику в ярких эпизодах «Аргонавтики». Например, в каталоге участников экспедиции в Колхиду Полидевк имеет определение *κράτερός* (сильный) (1, 146)¹⁹. Затем это качество герой проявит, одержав победу в кулачном бою над царем бебриков Амиком (2, 67–97). В «Илиаде» в общем нейтральный эпитет *κράτερός*²⁰, который при-

менительно к Диомеду исподзывается двадцать два раза, становится маркированным в сравнении героя со львом перед сценой ариэтии (5, 135-143).

Аргонавт Эвфем имеет в «Аргонавтике» эпитет *ποδωκνήεεατοε* (самый быстрый) (1, 180). В «Илиаде» быстрота является отличительным качеством Ахилла, так как только он один имеет определение *ποδωκνῆε* (23). В «Аргонавтике» стремительны не только Эвфем, но и преследователи гарпий Зет и Калаид (2, 273–283), поэтому Аполлоний в своей поэме использует прилагательное в превосходной степени, чтобы выделить этого героя. В четвертой песни Эвфем вместе с Зетом и Калаидом в ливийской пустыне пытаются догнать побывавшего там накануне Геракла:

... ὡε καὶ αὐτοὶ
ἤλυθον Εὐφηνμόε τε πόδαε ταχὺε υἱέ τε δοῖω
Θρηκίου Βορέω, μετατόνια μοχθήσαντεε

С этой целью отправились и быстроногий Эвфем, и два сына фракийского Борea, но они напрасно потратили свои силы (4, 1481 – 1483)

В данном фрагменте аргонавт Эвфем снова имеет такую же характеристику, быстроногий (*πόδαε ταχὺε*), как в «Илиаде» Ахилл (13, 348; 13, 482; 17, 709; 18, 2; 18, 354; 18, 358). Теперь Аполлоний использует гомеровский эпитет в стихе в традиционном месте, чтобы подчеркнуть параллельность эпизодов: как Ахилл не смог догнать убегающего от него Гектора (22, 136–203), так и попытка Эвфема догнать Геракла заканчивается неудачей.

То, как характеристика, данная автором герою в начале поэмы, затем реализуется в действии, лучше всего показать на примере образа Геракла: *βίην κρατερόφρονοε Ἡρακλήε* («сила мужественного духом Геракла») (1, 122). М. Фантуэци пишет, что это словосочетание в поэме Аполлония Родосского включает в себя: 1) традиционную перифразу *βίη Ἡρακλεῖη*, которую Гомер использует для обозначения Геракла семь раз, а Гесиод в «Теогонии», «Трудах и днях» и в «Щите Геракла» – восемнадцать раз; 2) вариант этой формулы *βίη Ἡρακλήε* в «Илиаде» 18, 117; 3) редкое словосочетание *Ἡρακλήη κρατερόφρονα* (Гомер. Илиада. 14, 324; Гесиод. Щит Геракла. 458)²¹. Таким образом, Аполлоний Родосский в своем произведении объединяет две формулы в одну. Характеризующее героя прилагательное *κρατερόφρονοε*, как показатель преемственности, стоит в 3–4 стопах стиха.

Надо заметить, что гомеровская формула *βίη Ἡρακλεῖη*, как показали К.Ройх и Н.Н. Казанский²², является крайне архаической и может восходить к титулатуре микенских царей – соответственно *βίη* «сила» в ней практически лишена конкретного семантического наполнения. У Аполлония, напротив, этот элемент явно маркиро-

ван. Геракл проявляет свою исполинскую силу в следующем эпизоде «Аргонавтики»:

εὔρεν ἔπειτ' ἐλάτην ἀλαλήμενος οὔτε τι πολλοῖς
 ἀχθομένην ὄζοις οὐδὲ μέγα τηλεθώσσαν,
 ἀλλ' οἷον ταναΐης ἔρως πέλει αἰγείροιο •
 τόσση ὁμῶς μῆκός τε καὶ ἐς πάχος ἦεν ιδέσθαι.
 ῥίμφα δ' οἰστοδόκην μὲν ἐπὶ χθονὶ θῆκε φαρέτρην
 αὐτοῖσιν τόξοισιν, ἔδν δ' ἀπὸ δέσμα λέοντος •
 τὴν δ' ὄγε, χαλκοβαρεῖ ῥοπάλῳ δαπέδοιο τινάξας
 νεύσθεν, ἀμφοτέρῃσι περὶ στύπος ἔλλαβε χερσίν
 ἠγορέη πίσυνος, ἐν δὲ πλατὴν ὤμων ἔρεισεν
 εὔ διαβάς • πεδόθεν δὲ βαθύροζόν περ εἴουσαν

Затем, блуждая, он нашел ель, не обремененную многими ветвями и не слишком раскидистую, но которая была похожа на побеги высокого черного тополя. Казалось, что она имеет такую же длину и ширину. Быстро он положил на землю свой наполненный стрелами колчан и лук, снял львиную шкуру. И, ударив со всей силы в землю отягченной медью дубиной, он обхватил обеими руками ее ствол. Полагаясь на свою силу, он, широко расставив ноги, уперся на широкое плечо и вырвал ее из земли, хотя у нее были глубокие корни (1, 1190 – 1200).

Эпитет *πελώριος* (огромный, могучий), которым герой характеризуется в 1242 стихе первой песни «Аргонавтики», использован в эмоциональном рассказе Гесперид об убийце дракона и похитителе золотых яблок:

ἦλθε γὰρ χθιζός τις ἀνὴρ ὀλοώτατος ὕβριν
 καὶ δέμας, ὅσσε δέ οἱ βλοσυρῶ ὑπ' ἔλαμπε μετώπῳ,
 νηλῆς • ἀμφὶ δὲ δέσμα πελωρίου ἔστο λέοντος
 ὤμόν, ἀδέψητον • σιβαρόν δ' ἔχεν ὄζον ἐλαίης
 τόξα τε, τοῖσι πέλῳρ τόδ' ἀπέφθισεν ἰοβόλῃσας.

Ведь пришел вчера какой-то человек, наводящий ужас своей грубостью и внешним видом. У него, безжалостного, под грозным лбом сверкали очи. Его плечи покрывала недубленая шкура огромного льва. У него был мощный ствол оливы и лук, с помощью которого он и убил это чудище, пустив стрелу (4, 1436 – 1440).

Нимфы Ливийской пустыни передают впечатление, которое на них оказал Геракл, характеризуя его основные атрибуты: *δέσμα πελωρίου... λέοντος* (по сути это подразумевает уподобление Геракла льву), *σιβαρόν... ὄζον ἐλαίης*. Таким образом, прилагательное *πελώριος*, которое является нейтральным в характеристиках Итимоней (2, 105) и Хирона (2, 1240), применительно к этому герою приобретает дополнительный смысл, подчеркивая его *βίη*. Положение прилагательного в стихе такое же, как в «Илиаде» в формулах Перифанта (5, 842; 5, 847), Аякса (3, 229; 7, 211; 17, 174; 17, 360) и Ахилла (21,

527; 22, 92). Этот эпитет в поэме Гомера имеют также Арес (7, 208) и Гектор (11, 820).

Оставляя гомеровские определения в стихе на традиционном месте, Аполлоний Родосский подчеркивает, что это главный элемент в формуле, а имя героя, которого оно характеризует, может быть заменено.

Вторая составляющая образа Геракла, его мужественность, раскрывается в сцене, когда он в одиночку начинает сражаться с Землеродными, которые бросают в него камни (1, 903 – 905). Для характеристики Геракла Аполлоний дважды использует формулу $\theta\rho\alpha\sigma\upsilon\nu$ Ἡρακλῆα («отважный Геракл») (1, 341; 1, 1316). Она становится одним из лейтмотивов первой песни «Аргонавтики».

Подведем некоторые итоги. Хотя определений, характеризующих героев, в поэме александрийского поэта значительно меньше, чем в произведениях предшественников, они занимают ту же метрическую позицию, как в поэмах Гомера и Гесиода. Это является показателем того, что Аполлоний Родосский выступает как продолжатель традиции. Александрийский поэт подчеркивает сходство действующих лиц своей поэмы и произведений Гомера, используя традиционные прилагательные как своего рода отсылки к текстам «Илиады» и «Одиссеи» и переклички с ними. Сохраняя положение прилагательных в стихе, Аполлоний подчеркивает, что именно они – значимый элемент в традиционных словосочетаниях, а имена героев, которые они характеризуют, могут меняться.

Главное отличие творческого метода александрийского поэта от предшествующей традиции заключается в следующем. В поэмах Гомера по метрической необходимости может быть использован эпитет, противоречащий внутренней сущности героя, например в словосочетании «Эгисф беспорочный» в 29 стихе первой песни «Одиссеи»²³. Аполлоний Родосский же стремится к тому, чтобы появление традиционного эпитета в его поэме было оправдано, чтобы качество героя, которое с его помощью хочет подчеркнуть автор, раскрылось в каком-нибудь эпизоде. Таким образом семантически нейтральные в «Илиаде» и «Одиссее» эпитеты в «Аргонавтике» становятся маркированными.

Примечания

¹ Гринцер П.А. Избранные произведения: В 2 т. Т.1. Древнеиндийская литература. М.: РГГУ, 2008. С. 187.

- ² *Шталь И. В.* Принципы эпической характеристики в поэмах Гомера (на материале характеристики героев в «Илиаде» и «Одиссее») // *Античность и Византия*. М.: Наука, 1975. С. 73 – 76.
- ³ *Гордезиани Р.В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси: изд. Тбилисского университета, 1978. С. 293.
- ⁴ *Надь Г.* Греческая мифология и поэтика. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С.43.
- ⁵ *Шталь И.В.* Гомеровский эпитет как элемент художественной системы // *Поэтика древнегреческой литературы*. М.: Наука, 1981. С. 346.
- ⁶ *Боура С.М.* Героическая поэзия. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 311.
- ⁷ Там же. С. 312
- ⁸ *The Making of Homeric Verse. The Collected Writings of Milman Parry / Parry A. (ed.)*. Oxford: Clarendon Press, 1971. С. 153.
- ⁹ *Сахарный Н.Л.* Гомеровский эпос. М.: Худож. лит., 1976. С. 187.
- ¹⁰ *Зайцев А.И.* Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // *Гомер*. Илиада. Л.: Наука, 1990. С. 402.
- ¹¹ *Vivante P.* The Epithets in Homer: a Study in poetic Values. New Haven, London: Yale University Press, 1982.
- ¹² *Vivante P.* Men's Epithets in Homer. An Essay in poetic Syntax. *Glotta* 58, 1980. P. 161.
- ¹³ *Sacks R.* The Traditional Phrase in Homer: Two Studies in Form, Meaning and Interpretation. Leiden: Brill, 1989.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 201 – 210.
- ¹⁵ *Шталь И.В.* Гомеровский эпитет как элемент художественной системы... С. 346.
- ¹⁶ *Рыбакова И.В.* О роли формул в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. Материалы чтений, посв. памяти проф. И.М.Тронского*. СПб.: Наука, 2006. С. 244-246.
- ¹⁷ Кроме Талая, этот эпитет в «Аргонавтике» имеют река Апидан (1, 38) и змей Титий (1, 761), которого убил Аполлон, защищая свою мать.
- ¹⁸ *Heubeck A., West S., Hainsworth J.B.* A Commentary on Homer's Odyssey. V. 1: Introduction and Books I-VIII. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 80–81.
- ¹⁹ В «Аргонавтике» этот эпитет имеет также Кафавр (4, 1496), который убил в Ливии аргонавта Канфа за то, что он хотел угнать его стадо овец.
- ²⁰ Им в «Илиаде» Гомер характеризует также Ареса (2, 515), Диора (2, 622), Пандора (4, 89; 5, 169), Эфиальта (5, 385), Ликурга (6, 130), Гектора (12, 39), Полипойта (12, 129, 12, 182; 23, 849), Ликомеда (12, 366), Главка (12, 387), Асия (16, 716), Агенора (21, 546), Ахилла (21, 553).
- ²¹ *Fantuzzi M.* Homeric Formulaicity in the Argonautica of Apollonius of Rhodes // *A Companion to Apollonius Rhodius / Papanghelis T., Rengakos A. (edd.)*. Leiden: Brill, 2001. P. 187
- ²² *Казанский Н.Н.* Власть предрешающие (от микенской эпохи к греческой архаике // *Номо Balcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли*. Балканские чтения— 6. М., 2001. С. 9.
- ²³ *Clark M.J.* Formulas, Metre and Type-scenes // *The Cambridge Companion to Homer / Fowler R. (ed)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 129.

Возможности эмпирической проверки грамматической теории Н. Хомского

В статье обсуждаются направления и результаты эмпирической проверки стандартной теории Н. Хомского. В ходе нескольких экспериментов на материале языковых и неязыковых знаковых систем были получены аргументы как в пользу, так и против названной теории. Для продолжения дискуссии необходимы методические средства, которые позволят наблюдать синтаксис «за работой».

Ключевые слова: эмпирическая проверка грамматической теории, знаковые системы, решение текстовых алгебраических задач, трилингвы, сублиминальный прайминг.

Эмпирические данные, полученные в ходе изучения какой-либо периферической предметной области, иногда могут пролить неожиданный свет на теоретические построения, определяющие магистральные линии развития смежных областей и даже целых наук. В этом смысле психологические данные порой могут оказаться вполне пригодными для проверки лингвистических теорий. Подобные «отдаленные» переносы интересны тем, что происходят вопреки существенным различиям в исследовательских традициях, методологических ориентациях и методической оснащенности психологов и лингвистов.

Строго говоря, выбранный для проверки в данном исследовании вариант грамматической теории Н. Хомского¹, эмпирической проверке не подлежит, поскольку не формулирует никаких предсказаний, которые могут быть проверены психологическими методами. Содержащиеся в названной работе многочисленные апелляции к фактам человеческого поведения в тех или иных ситуациях, явно выступают иллюстрациями авторских идей, а не способами их испытания. Однако соблазн считать названное построение объяснительной теорией в традиционном естественнонаучном смысле чрезвычайно велик: для этого достаточно эксплицировать проверяемые гипотезы, сформулировав их в терминах внешне наблюдаемого поведения. Попытки такого рода предпринимались неоднократно

(в качестве примера можно вспомнить не имеющую своего англоязычного аналога книгу Д. Слобина и Дж. Грин²), но, насколько можно судить, вопреки интенциям самого Хомского, много раз деклариовавшего полностью формальный характер своей теории³.

Цель настоящей работы – отнюдь не в еще одной экспериментальной проверке популярной теории, но в привлечении целого ряда дополнительных фактов, позволяющих расширить и обогатить проблемное поле, в котором она живет и действует. В центре анализа будет находиться *универсальный* характер утверждений теории Хомского: действительно ли грамматические структуры, характерные для человеческого языка, возникают и при овладении неязыковыми знаковыми системами (школьной алгеброй) и опосредуют ли семантические и синтаксические структуры родного языка функционирование иностранных языков, выученных позже родного.

Учитывая широкую известность положений анализируемой теории, мы не будем характеризовать их все, а лишь те из них, которые выступят предметом специального внимания, чем сильно упростим свою задачу. Из многочисленных утверждений, содержащихся в стандартной теории Хомского, наиболее удобными для проверки психологическими средствами кажутся следующие:

1) Существование ядерных предложений, т.е. простых утвердительных предложений с глаголом в изъявительном наклонении активного залога. Эти предложения являются исходными, а все остальные – производными от них, получаемыми путем тех или иных трансформаций.

Если попытаться превратить этот тезис в эмпирически проверяемое утверждение, то реальное существование ядерных предложений должно проявляться в каких-то наблюдаемых характеристиках их функционирования (например, они должны быстрее порождаться или пониматься и легче запоминаться носителями языка и т.п.; проверке подобных формулировок посвящена уже упомянутая выше книга Слобина и Грин). В настоящей работе мы рассмотрим иную эмпирическую гипотезу: ядерные предложения должны появляться в речи статистически чаще всех прочих. Кроме того, если носитель языка действительно предпочитает использовать ядерные предложения, то процесс их порождения должен отличаться устойчивостью к различным ситуативным воздействиям, т.е. при наличии различных возможностей должны порождаться именно они. Основанием для подобной гипотезы могут служить психологические рассуждения о наименьших затратах когнитивных ресурсов, необходимых для порождения ядерных предложений⁴. В таком случае при отсутствии специальных коммуникативных или иных задач у говорящего мы должны наблюдать вышеописанную картину.

2) Безошибочное различение синтаксически правильных и неправильных предложений носителем языка.

Это утверждение предполагает как однозначно правильное различение синтаксически правильных и неправильных предложений, так и отсутствие синтаксических ошибок, которые совершает носитель языка при самостоятельном продуцировании предложений. Однако, следуя предложенному Хомским противопоставлению языковой компетенции и языкового употребления (на который могут влиять самые разные факторы: усталость, невнимательность, измененные состояния сознания и др.), эмпирически мы должны наблюдать не только отсутствие синтаксических ошибок, но и их эффективную коррекцию всеми носителями языка в случае необходимости⁵.

3) Врожденный характер синтаксических конструкций родного языка, связанный с существованием Универсальной грамматики⁶.

Подобное положение дел должно обеспечивать привилегированное положение синтаксиса родного языка, который, сформировавшись первым, в дальнейшем опосредует изучение, а главное – использование синтаксических конструкций всех иностранных языков, изучаемых во взрослом возрасте. Именно подобный «перенос» некоторых синтаксических конструкций первого языка на аналогичные конструкции языков, выученных позже, мог бы быть самым сильным вариантом гипотезы лингвистической относительности, с которой так спорят сторонники Хомского (например, С. Пинкер⁷). Заманчиво также проверить аналогичную гипотезу относительно семантики родного языка.

Для проверки сформулированных гипотез мы проанализируем результаты нескольких психологических экспериментов. Еще раз отметим, что все данные, которые будут приведены ниже, применительно к лингвистической теории носят *косвенный* характер. Это значит, что в центре обсуждения окажутся вопросы интерпретации полученных результатов.

I. Усвоение неязыковой знаковой системы (на примере решения текстовых задач по алгебре)

1.1. Для проверки первой гипотезы (о существовании ядерных предложений) рассмотрим одну из разновидностей учебных задач – текстовые задачи по алгебре. Это один из видов хорошо определенных⁸, закрытых⁹ проблемных ситуаций¹⁰, которые находят широкое применение в школьной практике.

Такие задачи и способы их решения представляют собой пример использования знаковой системы (конечно, в отличие от естественного языка, более простой и обслуживающей существенно более узкий круг задач), содержащей правила построения комбинаций из знаков, то есть, по сути, – синтаксис. Логично допустить, что положения теории Хомского в определенной степени распространяются и на этот материал.

Ключевую роль в структуре таких проблемных ситуаций (по крайней мере, в пределах школьной программы)¹¹ играет понятие *функции* $y=f(x)$ ¹². Этот конструкт выступает как способ организации и представления содержания задачи. В условии текстовых задач по алгебре можно обнаружить, по крайней мере, одну связанную пару одноименных величин (иногда больше), которые не определены количественно, выражены одна через другую и не могут быть непосредственно вычислены. Скажем, в задаче «На автостоянке находятся машины – автомобили и мотороллеры. У них вместе 100 колес и 40 рулей. Сколько тех и других машин?» такой парой является соотношение между количеством мотороллеров (x) и количеством автомобилей ($40-x$). Собственно, это и есть «минимальная» функция (здесь: $y=40-x$). Мы будем называть ее *функциональной связкой*. Она используется в ходе решения для определения значений элементов проблемной ситуации. Из подобных и более сложных связок и конструируется уравнение, с помощью которого решается задача. В более сложном случае в состав связки могут входить не целые величины, а доли, заданные по отношению к некоторому целому. Например, первый рабочий, работая отдельно, может выполнить всю работу на 5 ч. скорее, чем второй рабочий, если последний будет работать отдельно. Тогда производительность второго рабочего равна $1/(x+5)$, если x – время работы первого из них.

Полное уравнение также является функцией, но зафиксированной в более крупном масштабе: меньшие конструкции «вложены» в нее. Поскольку в уравнении его левая и правая части приравнены друг к другу, при его составлении параметры задачи должны быть связаны между собой соответствующим образом. Кроме того, искомое должно быть определено в условии задачи, по крайней мере, дважды *разными* способами (в приведенном примере это сделано через сумму колес и сумму рулей). Только в таком случае в задаче имеется объективное основание для составления уравнения.

Помимо функциональных связок в условии задачи могут присутствовать и количественно определенные величины (скажем, скорость поезда 40 км/ч).

Важным свойством таких задач выступает то, что они решаются посредством конструирования системы новых («вторичных») зна-

чений ключевых явлений, содержащихся в условии. Некоторая их часть не присутствует в готовом виде до начала решения и может не возникнуть в его ходе, тогда ответ останется найденным. Будучи сформированными, новые значения постепенно оказываются увязанными в единую структуру и определенными друг через друга. Подобная конструкция, возникающая по ходу решения задачи, задает границы ее условности, параметры оценки правильности ответа, допустимые интерпретации, а главное – будущее решение. Принципиально важно, что в рамках этой структуры оказываются определенными не только заданные в явном виде, но и неизвестные условия задачи (в том числе – ее искомое). Построение новых значений совершается с помощью специальной знаковой системы, использующей алгебраические обозначения, и получает в развитом виде форму алгебраического уравнения.

Специфической особенностью анализируемых задач является отсутствие формализованных правил составления уравнения на основании их текста¹³. При этом для решения одной и той же задачи может быть составлено очень большое количество корректных уравнений. В случае самых сложных в школьной программе так называемых вырожденных задач (в которых отсутствует количественная информация, а все условия выражены попарно друг через друга) речь может идти о десятках различных уравнений¹⁴. По-видимому, здесь можно говорить о слабом варианте дискретной комбинаторной системы и о творческом (с некоторыми оговорками) характере ее использования в ходе решения.

Таким образом, построение уравнения на основании текста задачи представляет собой аналогию порождению предложения на естественном языке: решатель должен выразить некоторое содержание, опираясь (подчиняясь) определенным правилам алгебраического синтаксиса. Сами уравнения, составленные для решения текстовой задачи, могут быть интерпретированы как предложения со своей семантикой и синтаксисом.

Рассмотрим в качестве примера следующую текстовую алгебраическую задачу: «Две грузовые машины выехали из пункта А в пункт В. Скорость одной машины 38 км/час, а другой 57 км/час. Первая вышла со станции А на 9 часов раньше второй, но обе машины одновременно достигли пункта В. Чему равно расстояние между пунктами А и В?», которая была использована в ряде наших экспериментов.

Легко видеть, что сочетание составляющих линейного уравнения (частей, имеющих номинативное значение по отношению к условиям задачи) не является произвольным. Для того чтобы приравнение правой и левой частей состоялось, необходимо уравно-

весить величину одних элементов уравнения другими. Например, если левая часть уравнения записана как $38x$, то правая должна быть $57(x-9)$, поскольку $57 > 38$, и содержимое скобок в правой части должно компенсировать эту разницу. Запись $57(x+9)$ в данном случае закономерно является ошибкой, т.к. ее невозможно скомпенсировать преобразованиями другой части уравнения. Кроме того, условия данной задачи (как и подобных «задач на движение») связаны отношением $S = v \cdot t$. Еще один набор синтаксических правил связан с жестким порядком выполнения арифметических действий, включенных в уравнение.

Для проверки первой гипотезы был сконструирован и проведен эксперимент-1.

Методика и процедура эксперимента-1. Испытуемые (учащиеся 7-9 классов двух московских математических школ; $n=219$) фронтально решали наборы текстовых алгебраических задач, упорядоченных либо в соответствии с трудностью для решения (группы 1, 3, 5), либо в квазислучайном порядке (группы 2, 4, 6). В первом случае анализируемая далее задача предьявлялась на первом месте, во втором – ее место в ряду систематически варьировалось (что, как было показано в предыдущих исследованиях, значимо влияет на успешность решения некоторых задач в ряду). Затем из экспериментальных протоколов мы выделили все составленные испытуемыми корректные уравнения. Индивидуальные протоколы, не содержавшие ни одного такого уравнения ($n=39$), были исключены из обработки¹⁵.

Выявление тождественных и нетождественных друг другу уравнений, полученных в эмпирическом исследовании, может быть упорядочено с помощью приема, аналогичного построению парадигм в лингвистике, позволяющего доказательно выбрать ограниченное число парадигмальных вариантов¹⁶. Для конструирования таких уравнений последовательно используются все функциональные связки, т.е. отношения между парами (или группами) соответствующих элементов в условии задачи, которые записываются с помощью арифметических операций, причем каждая связка получает максимально возможное количество форм записи. На основе парадигмы можно оценить как особенности синтаксиса и семантики уравнений, так и частоту их встречаемости в экспериментальных протоколах.

Рассмотрим частоты корректных уравнений для задачи про две грузовые машины, условие которой было приведено выше. В Таблице 1 упорядочено более 95% полученных корректных уравнений. Их анализ выявил несколько характерных моментов.

1) Приведенное распределение корректных уравнений обладает определенной устойчивостью и не подвержено влиянию порядка предъявления задач. Все различия между групповыми распределениями статистически незначимы.

2) Полученные частоты встречаемости уравнений существенно отличаются друг от друга. Так, частота уравнения №4 превосходит все остальные на высоком уровне значимости¹⁷.

3) Также сильно разнятся частоты отношений, лежащих в основании уравнений: отношение vt (уравнения № 4 и 5) встречается статистически значимо чаще, чем s/v (уравнения № 1, 2 и 3)¹⁸. При этом уравнения, опирающиеся на отношение v/v (или t/t), не появились в протоколах решения ни разу.

Таким образом, структура полученных результатов демонстрирует существенное преобладание одного уравнения (или двух, связанных с одним отношением) по сравнению со всеми остальными. Кроме того, наглядно видна и доминирующая репрезентация, которую демонстрировали испытуемые в ходе решения: значимое большинство решателей из всех существующих возможностей воспользовалось отношением «Расстояние = Расстояние» для организации условий задачи и нахождения ответа.

Для проверки устойчивости обнаруженного распределения ответов был проведен еще один эксперимент, в котором мы, не изменяя условий алгебраических задач, систематически варьировали их требования. Мы стремились оценить восприимчивость решателей к этому воздействию. Если в случае разных формулировок они учтут это обстоятельство при составлении уравнений (т.е. изменят их соответствующим образом), мы обнаружим чисто ситуативную природу частоты составления уравнений. Напротив, повторяемость уравнений будет свидетельством в пользу существования устойчивых инвариантов в решении.

Для каждой из четырех задач (описанная выше была самой простой для решения) были составлены по три варианта требования, которые содержали: 1) вопрос об одном из неизвестных параметров задачи (например, о расстоянии между населенными пунктами); 2) вопрос о другом неизвестном параметре (например, о времени, которое потратит на весь путь один из движущихся объектов); 3) вопрос о преобразовании параметра, о котором речь шла в первом требовании (например, об одной трети расстояния между населенными пунктами). Требования были составлены таким образом, чтобы испытуемые, составив корректное уравнение, могли непосредственно вычислить ответ на вопрос задачи. Причем, если третий вариант требовал некоторых навыков работы с уравнением, то отличия пер-

вого требования от второго являлись более очевидными: за X надо было просто принять различные условия задачи. В случае составления уравнения, не соответствующего требованию, испытуемые удлинляли себе путь к ответу: после нахождения X им необходимо было еще выполнить дополнительные вычисления.

Методика и процедура эксперимента-2: Испытуемым (ученикам 7-х, 8-х и 9-х классов нескольких средних общеобразовательных школ, расположенных в Алтайском крае, Московской области и городах Москва и Барнаул, и одной московской математической школы; общее $n=397$ чел.) фронтально предлагались для письменного решения четыре текстовых алгебраических задачи, взятые из сборников заданий по алгебре для 7-го и 8-го классов средней школы. Испытуемых просили решать задачи в порядке предъявления и не переходить к следующей, не попробовав решить предыдущую. Условия задач включали числовые данные (например, скорость равна 38 км) и одну, две или три функциональные связи. Четвертая проблемная ситуация состояла исключительно из функциональных связей и относилась к так называемым вырожденным линейным задачам. Как показывают результаты наших предыдущих исследований, названные структурные особенности алгебраических задач выступают устойчивыми предикторами их трудности для решения. Порядок предъявления задач и их требования систематически варьировались. Испытуемые, не решившие ни одной задачи, были исключены из обработки. Таким образом, были проанализированы индивидуальные протоколы 180 чел. 13–15 лет обоего пола, правильно составивших хотя бы одно уравнение.

Разделив всех испытуемых на три группы по успешности решения, мы сравнили их по тому, насколько часто они учитывали требование задачи при составлении уравнения. Оказалось, что независимо от квалификации, возраста, места жительства, количества лет изучения алгебры в школе и типа соответствующей программы обучения испытуемые решали задачи с помощью одних и тех же уравнений, практически не обращая внимания на содержание требования¹⁹.

Особенно показательными оказались результаты решения цитированной задачи про две машины. Проведя сравнительный анализ частоты учета требования для решений этой задачи всеми испытуемыми (поскольку именно с ней чаще всего успешно справлялись даже самые слабые решатели), мы не обнаружили значимых различий. Несмотря на то, что учащиеся специальной московской математической школы значимо чаще успешно решали эту задачу по сравнению с остальными группами испытуемых, никаких значи-

мых различий между подгруппами в частоте составления корректных уравнений не обнаружилось.

Гипотетическими объяснениями такого положения дел могут служить несколько разноплановых соображений, не противоречащих друг другу. Во-первых, возможно, существуют общие для всех типов и уровней общеобразовательных школ способы обучения решению алгебраических задач, которые и демонстрируют испытуемые. (Учитывая разноплановый состав выборки, этот вариант не кажется слишком вероятным). Во-вторых, может статься, что за полученными фактами лежат ограничения в использовании алгебраической записи: испытуемые, не подозревая о широких возможностях этой знаковой системы, применяют лишь единичные способы обозначения элементов задачи и не стремятся к разнообразию. В пользу этой версии свидетельствует и ошибки «предметной» интерпретации правильного количественного ответа, которые в больших количествах содержатся в протоколах: испытуемые путали время и скорость движения, расстояние и его часть и т.д. Таким образом, два первых объяснения тяготеют к понятию узуса²⁰.

В-третьих, могут существовать более «удобные», более «доступные» или более «простые» для составления уравнения. Устойчивое высокочастотное использование испытуемыми независимо от их квалификации одних и тех же уравнений при решении текстовых алгебраических задач – аргумент в пользу ядерной природы предпочитаемых уравнений. Еще одним доводом в пользу этой интерпретации является то обстоятельство, что применительно к функциональной связке наиболее частотные уравнения содержат операцию умножения, но не деления. Можно указать, что умножение является психологически более простой (более понятной по своей структуре, проще наглядно представимой, раньше изучаемой в ходе обучения и т.д.) и потому предпочитаемой процедурой. В этом случае уравнения, содержащие операцию деления, оказываются «арифметически» трансформациями ядерного уравнения (уравнений).

Резюмируя, отметим, что полученные эмпирические результаты со всеми оговорками о специфике овладения неязыковой знаковой системой могут служить аргументом в пользу теории Хомского.

1.2. Для проверки второй гипотезы (о безошибочном различении синтаксически правильных и неправильных предложений) мы проанализировали «коллекцию» ошибок, совершенных испытуемыми при решении анализируемой в этой статье задачи²¹. Приведенная ниже классификация различает *алгебраические* ошибки – связанные с нарушением синтаксических правил построения уравнения, о которых говорилось выше, и *доалгебраические* – вообще игнорирую-

щие необходимость использования названных правил. Мы классифицировали встретившиеся в индивидуальных протоколах ошибки следующим образом:

1. *Доалгебраические ошибки* – фиксация отношений задачи исключительно средствами арифметики без составления уравнения.

1.1 – решение задачи с помощью арифметических операций, которые фиксируют не все необходимые для решения отношения задачи или фиксируют их в искаженном виде; например, $38 \cdot 9 = 342$; $38 \cdot 6 + 342 = 570$ км или $38 + 9 + 57 = x$.

1.2 – решение задачи с применением операций, фиксирующих отношения задачи более высокого порядка, чем требуется для составления уравнения (например, можно вычислить дистанцию между машинами через 9 часов пути, а затем, найдя разницу скоростей, узнать, через сколько часов вторая машина догонит первую)²².

2. *Алгебраические ошибки* – разноплановые ошибки составления уравнений.

2.1 Тавтологии (или неполные высказывания) – уравнения с использованием в обеих его частях лишь одного набора операций; например, $(x-9) \cdot 38 = 38x - 342$.

2.2 Ошибка в использовании функциональной связи $x \pm 9$.

2.2.1 Ошибка в порядке операций; например, $38x + 9 = 57x$;

2.2.2 Немотивированное удвоение функциональной связи $x \pm 9$; например, $38/(x-9) + 57/(x+9) = x$;

2.3 Ошибка сочетания составляющих уравнения; например, $38 - x = 57(x+9)$.

2.4 Ошибка в функциональных связках $S = v \cdot t$; например, $x + x - 9 = 38 + 57$ или $x/57 = x + 342$;

2.5 Отказ от правильно составленного уравнения – зачеркивание верно составленного уравнения после неудачной попытки его решить;

2.6 Ошибки приравнивания вне связок, указанных выше; например, $38x + 57(x-9) = S$ или $(x-342)/38 + 9 = (x-342)/57 + 6$.

Частота встречаемости ошибок в двух группах испытуемых приведена в Таблице 2. Несмотря на всю условность такого количественного распределения, сводная таблица иллюстрирует несколько интересных особенностей, характерных для испытуемых разной степени компетентности. Так, общее количество ошибок значительно меньше в компетентной группе решателей, у них же значительно меньше и доалгебраических ошибок, при этом в количестве алгебраических ошибок значимых различий между группами нет. Однако *доля* алгебраических ошибок значительно выше у сильных испытуемых. Компетентные испытуемые значительно чаще оперируют не

расстояниями и скоростями, а более сложными единицами (скажем, разностью скоростей) (ошибка 1.2). Малокомпетентные решатели, в свою очередь, значимо чаще ошибаются в функциональных связках в рамках формулы $S=v*t$ (ошибка 2.4). При этом количество ошибок при использовании связки $x\pm 9$ в двух группах статистически значимо не отличается. Кроме того, представители компетентной группы значимо чаще отказываются от самостоятельно правильно составленного уравнения.

Необходимо также отметить, что большая часть ошибок в протоколах компетентной группы (50% ошибок типа 1.1 и более 70% алгебраических ошибок) была самостоятельно исправлена испытуемыми в ходе решения. У низко компетентной группы процент исправленных ошибок невысок – менее 7%.

Таблица 2. Распределение ошибок решения текстовой алгебраической задачи (обсуждение см. в тексте)

<i>Типы ошибок</i>	<i>Сильные решатели (ученики мат-школ) n=219</i>	<i>Слабые решатели (ученики районных школ) n=334</i>
<i>1. Доалгебраические ошибки</i>		
1.1 – решение задачи с помощью арифметических операций	6	93
1.2 – решение задачи с применением операций, фиксирующих отношения задачи более высокого порядка	12	4
<i>2. Алгебраические ошибки</i>		
2.1 Тавтологии	0	4
<i>2.2 Ошибки в использовании функциональной связки $x\pm 9$</i>		
2.2.1 Ошибка в порядке операций	4	2
2.2.2 Удвоение функциональной связки	1	9
2.3 Ошибка сочетания составляющих уравнения	20	28
2.4 Ошибка в функциональных связках $S= v*t$	5	31
2.5 Отказ от правильно составленного уравнения	8	4
2.6 Ошибки приравнивания вне связей, указанных выше	5	3

Полученные результаты не соответствуют предсказаниям теории Хомского. Так, им противоречит наличие отказов решателей от правильных уравнений (в том числе и повышение этого показателя у более компетентных испытуемых), наличие разноплановых син-

таксических ошибок (ошибок сочетания операций, нарушения их порядка, а также произвольное изменение количества составляющих уравнения), наличие ошибок непосредственно в функциональных связках $x \pm 9$ и $S = v * t$. Особенно показательно уменьшение общего числа ошибок при их нарастающей «грамматизации» (т.е. увеличении доли синтаксических ошибок) и громадное преимущество компетентной группы в возможности коррекции сделанных ошибок. Оба показателя явно свидетельствуют в пользу постепенного и осознанного овладения грамматикой алгебры. Весьма интересна также «судьба» синтаксических ошибок, связанных с двумя различными источниками: отношением $S = v * t$ и правилами сочетания составляющих уравнения. Количество неверных записей, связывающих время, скорость и расстояние, у компетентных решателей заметно ниже, чем у малокомпетентных. При этом различия между группами в количестве ошибок сочетания составляющих незначимы, что, по-видимому, связано со школьным обучением, которое признает единственным основанием для составления уравнений (и, следовательно, материалом для тренировки) отношение $S = v * t$, практически игнорируя все другие. Различная эффективность в применении названных синтаксических правил противоречит анализируемой теории.

Таким образом, количество аргументов в пользу теории Хомского, полученных на материале овладения неязыковой знаковой системой, оказывается минимальным.

II. Влияние семантики лексических единиц родного языка на функционирование семантики и синтаксиса неродных языков

Еще одной и гораздо более привычной моделью для проверки грамматической теории может служить анализ роли синтаксиса родного языка в процессе применения других языков. Овладение родным языком в раннем детстве и частое его употребление в дальнейшем должны обеспечить ему привилегированное положение в когнитивной системе человека. Оно может заключаться в том, что родной язык опосредует изучение, а главное – использование синтаксических конструкций всех иностранных языков, изучаемых во взрослом возрасте.

Для проверки этой гипотезы мы провели специальную серию экспериментов с использованием неосознаваемого прайминга, в которой исследовали влияние лексических единиц родного языка на скорость и точность перевода между двумя иностранными языками.

Вообще, прайминг – это изменение способности опознать или извлечь из памяти объект в результате предшествующей встречи с ним²³. В настоящее время прайминг выступает одним из распространенных методов изучения когнитивных процессов человека. Предложено несколько теоретических моделей, объясняющих это явление; наиболее популярные из них опираются на так или иначе трактуемую репрезентацию объектов в семантической памяти. Например, согласно модели распространения активации²⁴, извлечение понятия из памяти активировывает не только его репрезентацию, но и распространяется на связанные с ним понятия, что впоследствии облегчает и их извлечение. А модель распределенной сети постулирует репрезентацию понятий как паттернов активации в рамках сети из тесно расположенных единиц. При этом похожие понятия репрезентируются сходными паттернами активации. Семантический прайминг возникает потому, что связанные между собой праймы и целевые стимулы (их паттерны активации) локализованы в сети ближе друг к другу, чем несвязанные²⁵. Для объяснения синтаксического прайминга в сетевые модели добавляются узлы, содержащие информацию о принадлежности единицы к какой-либо грамматической категории и фиксирующие характеристики модели управления хранимых единиц²⁶.

Используя воздействие прайма, можно оценить влияние семантики слова родного языка и его модели управления на скорость перевода между иностранными языками. Величина и направление такого влияния позволят судить о роли родного языка во взаимодействии двух иностранных.

Методика и процедура эксперимента-3. Испытуемые (ученики старших классов московской специальной языковой школы и лица с высшим образованием, владеющие испанским и английским языком на уровне не ниже B2 согласно CEFR и имеющие соответствующие международные сертификаты (n=12)), должны были устно как можно быстрее переводить словосочетания, предъявляемые на экране монитора, с испанского на английский и с английского на испанский языки. Процедура была реализована с помощью специальной программы для планирования и проведения экспериментов E-Prime 2.0, которая предъявляла словосочетания, фиксировала вербальные ответы испытуемых и измеряла время, затраченное на обдумывание перевода (от предъявления словосочетания до начала его произнесения). Сначала предъявлялось 36 испанских словосочетаний, затем столько же английских. В обоих языках было использовано два вида словосочетаний: 1) существительное+прилагательное (например, *Una vida larga* «Долгая жизнь», *A beautiful face* «Краси-

вое лицо») и 2) существительное+глагол (например, *Prestar ayuda* «Предоставить помощь», *To lose the war* «Проиграть войну»).

Перед каждым словосочетанием на 12 мс программа предъявляла прайм, после которого на экране на то же время появлялась специальная маска. Затем на неограниченное время появлялось словосочетание для перевода. После произнесения перевода начиналась следующая проба. Короткое время предъявления и наличие маски обеспечивали сублиминальный (неосознаваемый) характер прайминга.

Прайм всегда состоял из одного слова, которое было семантически связано с одним из слов, входящих в словосочетание, которое требовалось перевести. В качестве праймов использовалось несколько вариантов русской лексики: прямой перевод, близкий синоним или антоним (например, для испанского *Perder el trabajo* «Потерять работу» это были *работа, труд, отдых*). Также прайм был связан либо с синтаксической вершиной словосочетания, либо с зависимым словом. С целью контроля были использованы пробы, в которых прайм отсутствовал. Кроме того, после окончания эксперимента испытуемых расспрашивали, видели ли они что-либо кроме иностранных словосочетаний на экране монитора.

В рамках данной статьи мы коснемся лишь результатов, характеризующих синтаксические влияния. Все ошибочные переводы испытуемых исключены из обработки.

Типы праймов: 1) прайм отсутствует; 2) существительное – зависимое; 3) существительное – вершина; 4) глагол; 5) прилагательное.

Рис. 1 позволяет видеть, что русскоязычные слова в позиции глагола – синтаксической вершины и существительного в позиции зависимого (и то, и другое имело место в словосочетаниях глагол+существительное) значимо ускоряют процесс перевода с английского на испанский и, наоборот, значимо тормозят перевод с испанского на английский²⁷. Две остальных возможности (связанные со словосочетанием существительное+прилагательное) не приводят к заметным эффектам.

Представляется, что эти результаты можно объяснить, отталкиваясь от синтаксических особенностей, которые свойственны не только английскому и испанскому, но и русскому языкам²⁸. Можно предположить, что при предъявлении русскоязычных праймов помимо семантической активации происходит и активизация русского синтаксиса. Более выражено данное явление наблюдается в клаузах. В нашем случае это словосочетания глагол в инфинитиве + существительное.

Использованная экспериментальная процедура не позволяет точнее идентифицировать синтаксические правила, влияние которых мы наблюдаем. Можно предположить, что в основании полученного эффекта лежит существенное сходство между русским и испанским синтаксисом. Напомним, что английский, в отличие от двух названных языков, накладывает жесткие ограничения на порядок слов, поэтому при переводе с испанского на английский необходимо задать правильный порядок слов английского словосочетания, т.е. сначала образовать синтаксическую структуру, а затем заполнить ее элементами в определенной последовательности. В случае подсказки лексики русского языка происходит активизация неадекватной синтаксической модели, не требующей ничего подобного, что и тормозит перевод. Напротив, в случае перевода на испанский русскоязычные слова в любой синтаксической позиции активируют более адекватную синтаксическую структуру, что ускоряет перевод.

Еще одним аргументом в пользу предложенной интерпретации может служить количество ошибок перевода, сделанных испытуемыми (которые были исключены из предыдущих расчетов). Оказалось, что при переводе на английский все русские праймы, кроме глаголов (т.е. №№ 2, 3 и 5 на Рис. 1), значимо увеличивают количество ошибок относительно контрольного условия (отсутствия прайма), а при переводе на испанский все происходит строго наоборот: только русский прайм-глагол ведет к значимому увеличению числа ошибок. По-видимому, только подсказываемый глагол в случае перевода на английский оказывается адекватен порождаемой синтаксической конструкции. При переводе же на испанский язык

синтаксическая структура *не* начинается с глагола, что и подтверждается полученными результатами. Этот результат тем более интересен, что порядок слов в английских и испанских словосочетаниях (глагол в инфинитиве + существительное) был идентичен.

Безусловно, предложенная интерпретация требует проверки на материале перевода предложений.

Резюмируя результаты данного эксперимента, можно отметить, что в нем получены некоторые эмпирические свидетельства в пользу реального участия русского синтаксиса в процессе перевода с одного иностранного языка на другой. Участие синтаксиса родного языка в исследованных процессах перевода кажется достаточно заметным, чтобы служить аргументом в пользу его привилегированного характера.

Конечно, на основе наших данных тезис о врожденности синтаксических структур непосредственно не проверяется. Более того, полученные результаты могут быть интерпретированы как в пользу теории Хомского, так и против. Представляется, что ценность предложенной методики состоит в возможности обнаруживать синтаксические взаимодействия между различными языками и расширять таким образом круг фактов, характеризующих грамматические теории. Несмотря на всю искусственность экспериментальной ситуации, в которой мы нарочито активизируем структуры русского языка, и в силу этого – на подозрения в артефактном (искусственном) характере результатов исследования, собранные данные отличаются определенной устойчивостью и могут претендовать на валидность.

Подводя итоги, необходимо отметить, что применительно к двум разноплановым ситуациям (использование языковой и неязыковой знаковых систем) получены косвенные аргументы как в пользу, так и против стандартной теории Н. Хомского. При этом количество эмпирических подтверждений данной теории значительно уступает числу результатов, которые не согласуются с ее предсказаниями. Для продолжения дискуссии нужны методические средства, которые позволят наблюдать синтаксис «за работой».

Примечания

¹ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: МГУ. 1972.

² Слобин Д., Грин Дж., Психоллингвистика. М.: Прогресс. 1976.

³ Хотя и у него легко можно найти цитаты типа следующей: «Естественно предположить, что серьезное изучение реальной речевой деятельности возможно

- лишь в той степени, в какой мы понимаем сущность порождающих грамматик, которые усваиваются изучающими язык и применяются говорящими или слушающими» (Хомский Н. Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. Вып. V. М. 1965. С. 468) (курсив наш – В.Ф., Э.Э.).
- 4 Авторы отдают себе отчет в абсолютно условном характере подобных психологических объяснений языковых явлений.
 - 5 Нельзя не отметить, что последовательное противопоставлению языковой компетенции и языкового употребления делает данный тезис Хомского эмпирически непроверяемым: любую конфигурацию экспериментальных результатов можно объяснить исключительно особенностями употребления – языковая компетенция останется недостижимой.
 - 6 Полноценная экспериментальная проверка данного тезиса также лежит за пределами возможного: структуры Универсальной грамматики не находят себе никакого эмпирического воплощения и могут быть обнаружены лишь аналитически.
 - 7 Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004.
 - 8 Хорошо определенными называются задачи, для которых четко сформулированы способы проверки правильности или применимости полученных решений, то есть набор приемов и критериев, с помощью которых можно однозначно сказать, является ли полученный ответ верным. Для плохо определенных задач, напротив, такие критерии отсутствуют, или вообще не могут быть выработаны (Минский М. На пути к созданию искусственного разума // Вычислительные машины и мышление. М. 1967. с. 148–157; Поля Д. Математическое открытие. Решение задач: основные понятия, изучение и преподавание. 2-е изд. М.: Наука. 1976).
 - 9 Открытыми называют задачи, имеющие большое (в пределе – бесконечное) количество правильных решений; закрытыми – задачи, подразумевающие фиксированное количество верных ответов, чаще всего, один-единственный (Guilford J.P. The Nature of Human Intelligence. NY: Scribner, 1967; Рейтман У.П. Познание и мышление. М.: Мир. 1968).
 - 10 В работе (Спиридонов В.Ф. Психология мышления: решение задач и проблем. М.: Генезис, 2006) их предлагалось называть регулярными, так как структура таких задач содержит регулярности определенного рода, что в значительной мере задает особенности процесса решения, а также варианты ошибок, которые совершают решатели.
 - 11 В учебные задачи данное понятие предусмотрительно «вкладывается» их составителями.
 - 12 Функция – соответствие $y = f(x)$ между переменными величинами, в силу которого каждому рассматриваемому значению некоторой величины x (аргумента или независимой переменной) соответствует определенное значение другой величины y (зависимой переменной, или функции).
 - 13 «Как правило, основная трудность при решении текстовой задачи состоит в переводе ее условий на математический язык уравнений. Общего способа такого перевода не существует» (Мирошин Н.В., Баскаков А.В., Михайлов П.А. и др. Математика: сборник задач с решениями для поступающих в вузы / под ред. Говорова В.М., Мирошина Н.В. М.: АСТ. 2002. С. 206).
 - 14 Спиридонов В.Ф. Психология решения задач и проблем и пути развития профессионального мышления // Теоретические и прикладные проблемы

- психологии мышления. Труды конференции молодых ученых памяти К. Дункера. М.: РГГУ. 2008. с. 37–69.
- ¹⁵ Дополнительные методические детали см. в *Спиридонов В.Ф.* Функциональная организация процесса решения мыслительной задачи: Дис. ... докт. психол. наук. М. 2006.
- ¹⁶ Подробное описание см. в *Спиридонов В.Ф.* Психология решения задач и проблем... с. 37–69.
- ¹⁷ В четырех экспериментальных группах из шести (в 1,4,5 и 6) и в рамках всей выборки.
- ¹⁸ Во всех экспериментальных группах кроме третьей и в рамках всей выборки.
- ¹⁹ *Спиридонов В.Ф.* Насколько устойчива психологическая структура текстовой задачи по алгебре? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. т. 8. №2. с. 138–147.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Мы использовали протоколы, полученные в исследованиях, описанных выше. Общее количество испытуемых – 553 чел. Из них мы сформировали две подгруппы различной компетентности в решении текстовых алгебраических задач: а) учащихся специальных математических школ и б) учеников районных средних школ. Успешность решения анализируемой в этой статье задачи была значимо выше у компетентных испытуемых. Интересно, что связь между возрастом или количеством лет изучения алгебры и успешностью решения текстовых задач отсутствовала: семиклассники из специализированной математической школы были значимо более успешны, чем семи-, восьми или девятиклассники из обычных школ.
- ²² Этот тип решений был отнесен к ошибочным только потому, что испытуемые получали инструкцию решить задачу с помощью уравнения.
- ²³ *Schacter D.L., Buckner R.L.* Priming and the brain // *Neuron*. 1998. Vol. 20. №2. *Фаликман М.В.* Общая психология. Т. 4. Внимание М.: Академия. 2006.
- ²⁴ *Collins, A.M., Loftus, E.F.* A spreading-activation theory of semantic processing// *Psychological Review*, Vol. 82(6), Nov 1975, 407–428.
- ²⁵ *Cree, G.S., McRae, K., McNorgan, C.* An attractor model of lexical conceptual processing: Simulating semantic priming // *Cognitive Science*, 1999. 23, 371–414; *Masson, M.E.J.* A distributed memory model of semantic priming // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 1995. 21(1), 3–23.
- ²⁶ *Hartsuiker R. J., Pickering M. J., Velkamp E.* Is Syntax Separate or Shared Between Languages? Cross-Linguistic Syntactic Priming in Spanish-English Bilinguals // *Psychological Science*, 2004. 16(6), 409 – 414.
- ²⁷ Эти влияния высоко статистически значимы.
- ²⁸ Авторы статьи выражают признательность М.В. Фаликман за идеи, высказанные в ходе обсуждения результатов данного эксперимента.

Из истории языкознания

Н. В. Драчёва

Спор об аналогии и аномалии в трактате Марка Теренция Варрона «De Lingua Latina»

В статье рассматриваются проблемы трактовки понятия «спор об аналогии и аномалии». Автор излагает основные концепции по данной проблематике, сложившиеся в современной науке, и предлагает своё видение проблемы.

Ключевые слова: александрийская филологическая школа, стоико-пергамская школа, аналогия, аномалия, процесс изменения слов (declinatio), принцип «disputare in utramque partem», схема «тезис – антитезис – синтез».

Изложение своего лингвистического учения в области морфологии (VIII – X книги трактата «De Lingua Latina») Варрон строит на описании и научном анализе двух направлений, сложившихся в предшествующие периоды. Одно из направлений – это александрийская школа (Аристофан Византийский и Аристарх Самофракийский), которая защищала принципы аналогии в языке, второе – пергамская (философ-стоик Кратет Маллосский), которая отстаивала принципы аномалии, выступая против нормализаторских и реформаторских устремлений аналогистов.

Варрон поочерёдно рассматривает аргументы последователей этих филологических школ: в VIII книге трактата Варрон приводит аргументы против аналогии, в IX книге выступает в защиту аналогии, а X книга посвящена изучению, где и в чём следует искать истинную аналогию, т.е., по сути, представляет собой изложение его собственной доктрины.

Такая форма повествования, напоминающая дискуссию двух оппонентов, дала повод исследователям утверждать, что Варрон описывает так называемый спор аналогистов и аномалистов. Не взирая на неопределённость персонажей, яркость и убедительность аргументации сторонников оппозиционных школ в повествовании Варрона производят впечатление документальной фиксации

противоборства аналогии и аномалии¹, что способствовало возникновению тезиса о существовании подобного спора. Термин «спор об аналогии и аномалии», будучи введён в научный обиход исследователями, парадоксальным образом стал для самих же исследователей «яблоком раздора» и вызвал активное обсуждение, существовал ли в реальности этот спор. На наш взгляд, спор о споре *аналогия – аномалия* возник из-за отсутствия чёткого определения, что современные учёные понимают под этим термином. Были ли это частные разногласия александрийцев и стоиков или кардинальное неприятие ими позиций друг друга? Как проходило обсуждение спорных вопросов: открыто, в устной дискуссии или они лишь письменно излагали суждения о том или ином аспекте в своих работах? Насколько резким был тон обсуждения имеющихся противоречий и т.п.? В такой ситуации довольно трудно прийти к единому мнению. Неудивительно, что критические замечания современных исследователей, которые должны быть адресованы оппонентам, зачастую обращены не к ним, а к Варрону, который и не сообщает, что существовал непримиримый спор аналогистов с аномалистами, и не даёт никакого повода приписывать ему авторство этого спора (о чём – далее).

В итоге сложились три основные точки зрения, не дающие, впрочем, однозначного ответа.

Радикальную позицию, заключающуюся в отрицании существования подобного спора, занимает Д. Фелинг². По его мнению, противостояние *аналогия – аномалия* в трактате Варрона – это повествовательный приём, выбранный автором в качестве способа презентации материала, с чем невозможно не согласиться. Наряду с этим, ряд аргументов Д. Фелинга отнюдь не выглядят абсолютно неоспоримыми, что мы постараемся показать, приводя контраргументы.

Д. Фелинг пишет, что Варрон из-за своего упрямства в вопросах расположения материала конструирует спор об аналогии и аномалии, чтобы выстроить своё повествование по принципу *disputare in utramque partem*³. С нашей точки зрения, для конструирования такого спора у Варрона были объективные предпосылки. Очевиден тот факт, что в античном языкознании сформировались две научные школы (александрийская и пергамская), которые базировались на оппозиционных концепциях изучения языковых явлений. Этого противостояния можно было бы избежать лишь в том случае, если бы у представителей обеих школ не было расхождений в трактовке термина «изменение слов» (*κλίσις/declinatio*)⁴. Если аналогисты понимали под этим термином лишь словоизменение, то для аномалистов в это понятие входило также и словообразование. О принципиальной важности подобного расхождения в понимании *κλίσις/declinatio* говорят также Ф. Колсон⁵ и Ф. Кавацца⁶.

При таком подходе неизбежно возникали противоречия, порождающие, в определённом смысле, спор, о чём пишет Авл Геллий: «... в латинской речи, как и в греческой, одни считают, что нужно следовать аналогии, другие – аномалии. Аналогия – это сходное изменение сходных [слов], которое некоторые по-латыни называют соразмерностью. Аномалия – это непостоянство изменений, следующих за обыденной речью. Два выдающихся греческих грамматика Аристарх и Кратет, имевшие наибольшее влияние, защищали: один – аналогию, второй – аномалию...» (In Latino sermone, sicut in Graeco, alii ἀναλογίαν sequendam putauerunt, alii ἀνωμαλίαν. ἀναλογία est similitudinis declinatio, quam quidam Latine ‘proportionem’ uocant. ἀνωμαλία est inaequalitas declinationum consuetudinem sequens. Duo autem Graeci grammatici illustres Aristarchus et Crates summa ope, ille ἀναλογία, hic ἀνωμαλία defensit) (Gell. 2, 25, 1-5)⁷.

Сам Д. Фелинг признаёт наличие полемики между Кратетом и Аристархом. В этом случае непонятным остаётся, что имел в виду автор. Была полемика между двумя конкретными людьми, а их окружение оставалось безучастным к этой дискуссии? Или, если учесть, что Кратет и Аристарх возглавляли филологические школы, всё же придётся признать, что эта полемика затрагивала и сторонников этих двух учёных.

Д. Фелинг высказывает мнение, что полемика Кратета и Аристарха не оказала никакого влияния на развитие античного учения об изменении слов. Заметим, что трактат Варрона затрагивает не только учение об изменении, но более широкий спектр проблем. Варрон ставит задачу проанализировать и систематизировать языковые явления, чтобы на основе этого вывести законы развития и функционирования латинского языка. В таком случае полемика Кратета и Аристарха или же аномалистов и аналогистов была для него важным и благодатным материалом, как на содержательном уровне, так и с формальной точки зрения. К тому же, если учитывать мнение других учёных (В.В. Каракулаков⁸, И.В. Перельмутер⁹), то данная полемика внесла всё-таки некоторый вклад в учение об изменении слов.

По мнению Д. Фелинга, спор об аналогии и аномалии должен был длиться более ста лет, т.е. от времён исследований Кратета и Аристарха вплоть до изысканий самого Варрона. Таким образом, исходя из того, что это сравнительно долгий исторический промежуток, должны были сохраниться свидетельства оппозиции у кого-то из авторов того времени, чего мы не находим. Единственным автором, от которого мы знаем о споре об аналогии и аномалии, по определению Д. Фелинга, является Варрон. Источники же, следующие по времени за Варроном, Д. Фелинг предлагает не брать в рас-

чёт. Авл Геллий, по его словам, не заслуживает доверия, потому что зависит от Варрона. Что касается Секста Эмпирика, то, по мнению Д. Фелинга, его не следует считать источником по данному вопросу, так как он не упоминает ни Аристарха, ни Кратета, ни вообще какой-либо спор. Пользуясь этой аргументацией, следовало бы признать, что Варрон, как и Секст Эмпирик, не является источником, свидетельствующем о наличии спора, так как сам Д. Фелинг сообщает, что сведения о споре у Варрона скудны, и Варрон прямо не называет противостоящие стороны, ограничиваясь описательными конструкциями. Кроме этого, тот исторический период, который отделяет нас от времени Аристарха и Кратета, необычайно велик, и современная классическая филология знает множество примеров потери значительного числа произведений. Не безоговорочно, но можно было бы предположить, что сведения других авторов о споре об аналогии и аномалии или ссылки на эти сведения не сохранились до наших дней.

Вторая точка зрения на проблему спора об аналогии и аномалии отражает рационалистический подход к решению этого вопроса. Она отражена в исследованиях Д. Тэйлора¹⁰. Он, анализируя исследования по этой проблематике, приходит к выводу, что нет достаточных оснований говорить ни о наличии подобного спора, ни об его отсутствии, поэтому, по его мнению, необходимо соблюдать нейтралитет в этом вопросе. Оппозицию *аналогия – аномалия* в трактате Варрона он призывает рассматривать как внешний фактор описательного уровня. По мнению Д. Тэйлора, подход к изучению доктрины Варрона с позиций спора об аналогии и аномалии является методологической ошибкой, которая препятствует пониманию и оценке труда Варрона. Он считает, что этот спор создаёт для читателя своеобразную дымовую завесу, которая не позволяет увидеть многогранность учения Варрона. Мы согласны с Д. Тэйлором, что излишняя сосредоточенность на противопоставлении *аналогия – аномалия* отвлекает внимание читателя от других сторон варроновской теории. Примирение аналогии и аномалии является не единственным аспектом его теории. Однако мы считаем, что взаимоотношения аналогии и аномалии не должны оставаться вне поля зрения, потому что они являются важным структурным элементом теории Варрона: такая форма презентации грамматического учения призвана прояснить и доступно выразить мысли автора. Та «дымовая завеса», о которой говорит Д. Тэйлор, была создана не Варроном, а современными исследователями, которые, в отличие от самого Д. Тэйлора, в поисках ответа на вопрос, был ли спор аналогистов и аномалистов, занимаются только этим аспектом, оставляя без внимания значительную часть варроновской доктрины.

Учёные, выражающие третью точку зрения (Ж. Коллар¹¹, В. Акс¹²), высказывают мнение, что мы не должны категорически отвергать гипотезу существования спора об аналогии и аномалии. Они признают, что мы не располагаем достаточными фактологическими данными, чтобы безапелляционно признать его существование, но ряд свидетельств, которые мы упоминали, рассматривая первую точку зрения, дают основания предположить, что данный спор был в реальности.

По мнению Ж. Коллара, труд Варрона представляет собой настоящее научное исследование, проведённое автором с присущей ему скрупулёзностью энциклопедиста. Ж. Коллар высказывает предположение, что Варрон использовал что-то вроде каталожных карточек. Так, мы находим упоминание в алфавитном порядке трёх грамматиков-аналогистов (*definitiones grammaticorum sunt, ut Aristeeae, Aristodemi, Aristocli – X, 75*)¹³, о существовании которых известно только из труда Варрона. Эти имена шли следом за именем Аристарха. Вполне вероятно, что в процессе столь тщательной работы Варрон сталкивался со свидетельствами некоторого соперничества сторонников обеих школ. Критически анализируя аргументы обеих школ, он не примыкает ни к одной из них, а выстраивает самостоятельное учение, которое становится основополагающим для дальнейших исследований. Кажущаяся острота спора обусловлена тем, что в трактате Варрон доводит аргументацию и тех, и других до крайней степени, используя этот спор для выражения своего собственного мнения: языку присущи как аналогия, так и аномалия; оба эти явления неразрывно связаны. Исходя из этого, спор об аналогии и аномалии не получил развития в латинской грамматике, потому что был нежизнеспособным из-за отсутствия объективного предмета спора, что, по мнению Ж. Коллара¹⁴, убедительно продемонстрировал Варрон.

В. Акс¹⁵, детально проанализировав аргументы «за» и «против» аналогии, приводимые Варроном в IX книге, а также научные исследования последних лет, посвящённые вопросу спора об аналогии и аномалии, высказывает мнение, что у нас есть все основания признать существование данного спора.

Итак, как мы говорили, подобное разнообразие мнений по этому вопросу обусловлено отсутствием строгого определения понятия «спор об аналогии и аномалии» и неопределённостью терминологического выражения данного понятия: спор, полемика, дискуссия, разногласия, оппозиция и т.п.

Принимая термин «спор об аналогии и аномалии» не только в силу сложившейся научной традиции, но и в силу того, что, по наше-

му мнению, этот термин органично соответствует форме изложения Варроном своей теории, мы попробуем рассмотреть причины, по которым наш автор прибегает к подобным методам подачи материала в своём трактате.

С одной стороны, в самом трактате мы не находим прямых свидетельств описания некоего спора. Варрон в большинстве случаев приводит аргументацию сторонников той или иной концепции, пользуясь неопределённо-личными выражениями типа: «некоторые говорят...»; «есть те, которые утверждают...» и т.п. Сравнительно редко эта аргументация вводится персонифицированно. Имена основоположников обоих учений упоминаются лишь в нескольких фрагментах: Кратета – 3 раза (VIII, 64; VIII, 68; IX, 1), Аристарха – 5 раз (VIII, 68; IX, 1; IX, 43; IX, 91; X, 43), Аристофана – 2 раза (IX, 12; X, 68). Следует отметить, что из трёх упоминаний имени Кратета в двух фрагментах оно оппозиционно соотносится с именем Аристарха. Пожалуй, именно эти фрагменты дали основания исследователям утверждать, что Варрон описывает спор, так как в них речь идёт о явных теоретических разногласиях: «...ведь так Аристарх хотел ответить Кратету...» (*sic enim respondere voluit Aristarchus Crateti*) (VIII, 68); «...известный грамматик Кратет ... выступил против аналогии и Аристарха...» (*Crates, nobilis grammaticus, qui ... contra analogian atque Aristarchum est nixus*) (IX, 1). Кроме этих фрагментов мы больше нигде у Варрона не встречаем упоминаний об открытом противостоянии или непримиримом споре двух школ. Учитывая манеру Варрона подводить итоги и намечать следующий этап исследования в кратких обращениях к читателю, закономерно предположить, что он обязательно упомянул бы о своём намерении описать спор лингвистических школ.

Однако противопоставление двух концепций, производящее впечатление спора между двумя научными направлениями, было выбрано Варроном не случайно. Такая форма подачи материала органична для его повествования. Во-первых, она позволяет наглядно представить язык как стройную логическую систему, функционирующую согласно законам развития языка, а не догмам, установленным приверженцами той или иной школы. Во-вторых, детальное и систематизированное отражение теоретических положений обеих школ даёт возможность автору доступно изложить свои мысли и наглядно аргументировать выводы.

С другой стороны, изложение Варроном своей доктрины в форме спора об аналогии и аномалии имеет под собой реальную основу и обусловлено объективными фактами развития античного языкознания.

Существование оппозиции *аналогия – аномалия* подтверждается тем, что проблемой синтеза данных теорий занимался учитель Варрона Луций Элий Стилон¹⁶. Таким образом, мы видим, что в этом вопросе существовала определённая традиция, сложившаяся до Варрона. Кроме этого, проблемой *аналогия – аномалия* активно занимались и современники Варрона – Стаберий Эрот (трактат «De proportione»), Антоний Гнифон (разработка критериев латинской речи на основе *proportio*), Цезарь (труд «De analogia»)¹⁷.

На основании вышеизложенного можно сделать единственный бесспорный вывод. В процессе анализа многочисленных источников Варрон столкнулся с тем, что в реальности у сторонников александрийской и пергамской школ существовали разногласия по некоторым аспектам изучения языка, которые обсуждались ими в дискуссионной форме. Данное обстоятельство дало Варрону возможность использовать в качестве удобной, наглядной формы изложения своих лингвистических взглядов схему, в основе которой лежит принцип *disputare in utramque partem*. Способ подачи материала в виде спора двух оппонентов имеет в античности устоявшуюся традицию. Эта традиция, которая получила название «рассуждения в обе стороны» (*disputare in utramque partem*), и основателем которой принято считать Протагора, существовала и не прерывалась на протяжении семи столетий¹⁸. Такой способ построения речи, как устной, так и письменной, был воспринят и весьма распространён и в среде софистов, и в стенах Академии, и у перипатетиков (в каждом случае для решения определённых задач того или иного философского направления). Эта традиционная для античности схема рассуждений требовала равнозначной аргументации обоих, внешне противоположных, тезисов, не предполагая положительного доказательства одного из них¹⁹. Варрон в соответствии со своим замыслом использует принцип *disputare in utramque partem* не в первоначальном виде, а в виде схемы «тезис – антитезис – синтез» среднеплатонических произведений, которую мы встречаем в трудах его учителя Антиоха Аскалонского. В частности, в своём учении о конечной цели (этика)²⁰ Антиох излагает поочерёдно две теории, одна из которых видит конечную цель в естественных вещах, вторая – в добродетели. Каждая из этих теорий представляется ему односторонней. В итоге он предлагает свою концепцию, в которой конечная цель рассматривается как соединение добродетели с естественными вещами²¹. Такой же принцип изложения мы наблюдаем в труде Варрона. Он демонстрирует ограниченность каждой из представленных теорий (аналогии и аномалии) и дополняет свои рассуждения *in utramque partem* третьей частью (X книга), в которой выражены взгляды авто-

ра на обсуждаемую проблему и приведены окончательные выводы, подтверждающие взаимосвязь этих явлений в языке. О влиянии Антиоха Аскалонского можно судить по отсылке к этике Антиоха в тексте Варрона, где он говорит, что, как человек состоит из души и тела, так и обыденная речь состоит из несходных и сходных слов, а также их изменений, поэтому нельзя отрицать ни аналогию, ни аномалию (IX, 3). Совершенно очевидно, что Варрон не изобретает новую форму изложения, а использует опыт предшественников.

Примечания

- ¹ *Law V.* The History of Linguistics in Europe from Plato to 1600. Cambridge: University Press, 2003. P. 45.
- ² *Fehling D.* Varro und die grammatische Lehre von der Analogie und der Frexion // *Glotta*. Bd. 35:3/4, 1956. I. PP. 264-270.
- ³ Д. Фелинг считает, что Варрон переносит этот принцип из философии в грамматику благодаря трудам своего друга Цицерона. Как мы знаем, принцип 'disputare in utramque partem' был известен в античности как обязательное риторическое упражнение. Варрон наверняка был с ним хорошо знаком, поэтому, на наш взгляд, заслуга Цицерона в этом случае не столь значительна. На наш взгляд, здесь можно говорить о влиянии Антиоха Аскалонского, который был учителем и Варрона, и Цицерона, и у которого они оба заимствуют тип построения трактатов по схеме «тезис – антитезис – синтез».
- ⁴ *Каракулаков В.В.* Роль Варрона в развитии учения об «условиях правильности аналогии» в системе словоизменения // *Вопросы русского и общего языкознания*. Душанбинский государственный педагогический институт. Душанбе: ИРФОН, 1965. С. 141.
- ⁵ *Colson F.H.* The Analogist and Anomalist Controversy // *The Classical Quarterly*, 1919. Vol. 13. № 1 (Jan.).P. 26.
- ⁶ *Cavazza F.* Studio su Varrone etimologo e grammatico: La Lingua Latina comme modello di struttura linguistica. Firenze: La Nuova Italia, 1981. P. 113.
- ⁷ *Gellius.* Noctes Atticae 1-20. A. Gelli Noctes Atticae. Vols. 1-2. Ed. K. Marshall, 1968.
- ⁸ *Каракулаков В.В.* Там же. С. 157. «Те упреки Кратета, которые касались области словоизменения и, действительно, отмечали уязвимые места в практическом применении аналогии ..., заставляли учеников Аристарха углубить разработку учения об аналогии».
- ⁹ *Перельмутер И.А.* Философские школы эллинизма // *История лингвистических учений. Древний мир*. Л.: Наука, 1980. С. 214. «Определенное положительное значение имела критика деятельности аналогистов со стороны представителей пергамской школы и их последователей. Указывая на несовершенство установленных правил, на наличие многочисленных исключений из них, аномалисты побуждали своих противников совершенствовать правила грамматики, формулировать эти правила так, чтобы учитывались и те явления, которые при первоначальной формулировке выступали как исключения».

- ¹⁰ *Taylor D.* Declinatio. A study of the Linguistic Theory of Marcus Terentius Varro // ASTHLS. Amsterdam, 1974. V.2. P. X.
- ¹¹ *Collart J.* L'œuvre grammaticale de Varron // Varron, grammaire antique et stylistique latine. Paris: Belles lettres, 1978. PP. 6, 13-14.
- ¹² *Ax W.* Pragmatic argument in De Lingua Latina IX // Ancient Grammar: Context and Context. Orbis. Supplementa. Peeters. Leuven-Paris, 1996. T.7. P. 115-118.
- ¹³ Здесь и далее трактат цитируется по изданию – М. Terentii Varronis De Lingua Latina quae supersunt / Ed. G. Goetz et F. Schoell. Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1964.
- ¹⁴ *Collart J.* Analogie et anomalie // Entretiens sur l'antiquité classique. T. 9. Varron: six exposés et discussions. Genève, 1962. P. 131.
- ¹⁵ *Ax W.* Ibid.
- ¹⁶ *Малинаускене Н.К.* Введение в историю латинского языка (классический период). М.: ГЛК, 2006. С. 63; *Альбрехт фон Михаэль.* История римской литературы. М.: ГЛК, 2003. Т.1. С. 637; *Collart J.* Varron grammairien latin. Paris: Belles lettres, 1954. PP. 14, 144-149; *Lehmann Y.* La dette de Varron a l'égard de son maître Lucius Aelius Stilo // MERF, 1985. XCVII. PP. 515-525.
- ¹⁷ *Collart J.* Varron grammairien latin...
- ¹⁸ *Гринцер Н. П.* Структура и смысл диалога Платона «Кратил» // Балканские чтения. Ч. I. Знаки Балкан. М.: Радикс, 1994. СС. 192-193; *Левинская О.Л.* О терапевтах и философской традиции рассуждений in utramque partem // Mathesis. Из истории античной науки и философии. М.: Наука, 1991. СС.179-180.
- ¹⁹ *Гринцер Н. П.* Указ. соч. С. 196; *Гринцер Н.П.* Римский профиль греческой философии [Вступительная статья] // *Марк Туллий Цицерон.* О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М., 2000. С. 28-29, 30.
- ²⁰ *Никольский Б.М.* Антиох Аскалонский и его учение об οἰκείωσις // Историко-философский ежегодник 2002. М.: Наука, 2003. СС. 112-135.
- ²¹ *Никольский Б.М.* Комментарии. Приложение к комментариям // *Марк Туллий Цицерон.* О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М., 2000. С. 383-384.

In memoriam

А.В. Гладкий

Воспоминания о Саше Диковском

А.Я. Диковский (1945 – 2014) – выдающийся исследователь в области математической лингвистики, компьютерной лингвистики и собственно лингвистики, обладавший также ярким и самобытным педагогическим талантом. Рассказано о его интенсивной научно-исследовательской работе, начатой ещё на студенческой скамье и продолжавшейся до последних дней жизни, несмотря на тяжёлую и неизлечимую болезнь, обнаружившуюся в середине 2012 года, о его преподавательской работе, о Л.С. Модиной – его жене, верном друге и в некоторых случаях соавторе.

Ключевые слова: А.Я. Диковский, Л.С. Модина, лингвистика, математическая лингвистика, компьютерная лингвистика, формальные грамматики, категориальные грамматики, преподавание, Новосибирский университет, Калининский (ныне Тверской) университет, Российский государственный гуманитарный университет, Нантский университет.

Когда ученик пишет воспоминания о любимом учителе, это в порядке вещей. А когда учителю приходится писать воспоминания о любимом ученике, это противоестественно. И всё же попробую: вряд ли кто-нибудь лучше меня знал Александра Яковлевича Диковского не только как замечательного человека, но и как очень талантливо-го, яркого и самобытного исследователя и преподавателя.

Познакомился я с ним и с его будущей женой Ларисой Модиной в 1962 году, когда в Новосибирском университете открылся гуманитарный факультет с отделением математической лингвистики. Создать такое отделение предложил, кажется, Алексей Андреевич Ляпунов, а руководить им пришлось мне. (Официально это не было оформлено.) Учебный план составили мы вдвоём с Игорем Александровичем Мельчуком, когда он весной 1962 года был в командировке в Новосибирске. План получился весьма насыщенный. Наряду с теоретическими лингвистическими дисциплинами в него вошли математический анализ, высшая алгебра, математическая логика,

теория алгоритмов, теория вероятностей, собственно математическая лингвистика (формальные грамматики и анализирующие лингвистические модели), языки – английский, немецкий, французский и один неиндоевропейский, – практикум по программированию, курсовые работы, спецкурсы, спецсеминары. (Этот план не был утверждён никакой «инстанцией»; специальность, которая указывалась в дипломах выпускников – «математик-лингвист» – тоже не попала в официальный список.) Читать первому набору двухгодичный курс математического анализа взялся Борис Абрамович Трахтенброт; он же преподавал математическую логику. Алгебру и математическую лингвистику преподавал я. Лекции по теории алгоритмов и теории вероятностей наши студенты слушали вместе с математиками. Упражнения по теории алгоритмов в нашей группе достались мне. Английский и немецкий преподавали носители языков, с французским было не так хорошо, но вполне сносно. С неиндоевропейским языком долго было благополучно: сначала это был нанайский (преподавал его Валентин Александрович Аврорин), потом узбекский (его преподавал Феликс Абрамович Дрейзин). На практикум по программированию удалось послать студентов в Москву к Ольге Сергеевне Кулагиной.

Хуже всего было с теоретическими лингвистическими дисциплинами. Их преподавали наездами блестящие московские лингвисты – Игорь Александрович Мельчук, Юрий Семёнович Мартемьянов, Юрий Дереникович Апресян, Александр Константинович Жолковский, – но этих лекций было слишком мало. В 1964 г. удалось принять на постоянную работу преподавателем лингвистических дисциплин Ларису Иосифовну Богораз, но проработала она всего год: после ареста мужа уехала. В 1966-м приехал Феликс Абрамович Дрейзин, только что окончивший аспирантуру в Москве под руководством Ю.С. Мартемьянова. Это был яркий, разносторонне одарённый человек. К преподаванию он относился с величайшей добросовестностью, нередко на подготовку одной лекции у него уходило несколько дней. Но и ему долго проработать в НГУ не удалось: в 1968 г. его уволили за подписание коллективного письма в защиту несправедливо осуждённых Ю. Галанскова и А. Гинзбурга.

Учиться нашим первым студентам было нелегко, но очень интересно. Было их всего 15, это число было «спущено сверху» – почему, не знаю. Конкурс был огромный, так что группа оказалась очень сильной. И лучшим в этой сильной группе был Александр Диковский.

Как сейчас вижу мальчика и девочку, которые 1 сентября 1962-го года вместе вошли в аудиторию и сели за первый стол. Познакоми-

лись они в последнем классе школы, где директором была мама Ларисы: Саша перёвёлся туда из города, когда его отец поступил на работу в Академгородке. Подружились, полюбили друг друга и пронесли любовь через всю жизнь. На четвёртом курсе поженились; у них родилась дочка Женя. Её я хорошо помню и малышкой, и школьницей, и взрослой девушкой. В 1984-м, когда она была уже замужем, мы с ней случайно встретились на улице в Москве и долго разговаривали.

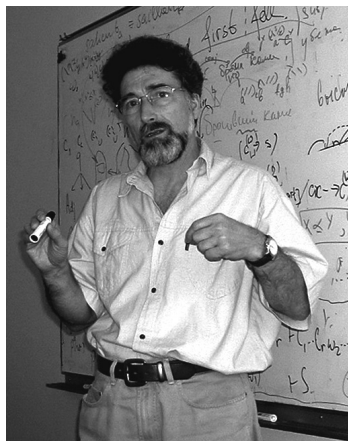
Преподавать в этой группе было истинным наслаждением, почти все студенты были очень активны, и активнее всех был Саша. Уже в студенческие годы он начал пробовать силы в науке, и скоро стало ясно, что у него не просто хорошие способности, а настоящий большой талант. Ларису он тоже вовлёк в научные занятия. После окончания университета обоих приняли на работу в Институт математики СОАН стажёрами-исследователями. Жить им было негде, но Нелли Рубеновна, мама Ларисы, приняла Сашу на вакантную должность школьного сторожа. А для проживания сторожа в школе была «сторожка» – крохотная пристройка; там и поселился «сторож-исследователь» с семьёй. Впрочем, втроём там было слишком тесно, и на ночь Лариса с Женей часто уходила к «бабушке Нэле», которая в маленькой внучке души не чаяла. Но уже через год после окончания университета Саша опубликовал две сильных работы (одна из них, о категориальных грамматиках, была совместной с Ларисой). Тогда его перевели на должность младшего научного сотрудника, и у молодой семьи появилось настоящее жильё – сначала комната в коммунальной квартире, потом маленькая, но всё-таки отдельная квартира.

Постепенно мы с Сашей подружились, и к 1972-му году, когда мне пришлось уехать из Новосибирска, наши отношения были уже не только и не столько отношениями учителя и ученика, сколько отношениями друзей и сотрудничающих коллег. Он стал к тому времени вполне самостоятельным исследователем. Изобретённая им мера сложности деревьев вывода в бесконтекстных грамматиках, названная им густотой, позволила ему доказать трудную и очень изящную теорему, которую я вместе с его рассуждениями пересказал в вышедшей в 1973 г. книге «Формальные грамматики и языки». Рукопись этой книги Саша внимательно прочёл и сделал много важных замечаний.

Сотрудничество продолжалось и после моего переезда в Калинин (ныне Тверь). Время от времени я приезжал в Новосибирск, а Саша в Калинин. Кроме того, мы посылали друг другу рукописи по почте. Через три года после моего отъезда Сашу уволили из Института

математики по сокращению штатов, что давало ему право обменивать квартиру в Академгородке на жильё в другом городе. Обмен оказался очень трудным делом; его взяла на себя Лариса, и благодаря её усилиям и изобретательности в 1978 г. «Модиковские» переехали в Калинин. С большим трудом мне удалось убедить ректора университета, где я заведовал кафедрой, что Диковский (к тому времени кандидат физ.-мат. наук) кафедре очень нужен. Почему с большим трудом? Потому что Саша был еврей, а на кафедре уже работали два еврея – Макс Иосифович Канович, очень сильный математик и прекрасный преподаватель, и Григорий Абелевич Фрейман. Но незадолго до приезда Саши Фрейман, задумав эмигрировать, опубликовал за рубежом статью «Оказывается, я еврей». После этого о приёме Саши на штатную должность в университет нечего было и думать, и он вместе с Ларисой поступил на работу в отраслевой НИИ «Центрпрограммсистем». Там оба они оказались очень полезными сотрудниками, а Саша кроме того преподавал в университете (на условиях почасовой оплаты). Возникла «тверская школа математической логики», более скромная, чем московская, ленинградская и новосибирская, но имевшая отличительную особенность: уклон в сторону лингвистики. Кроме нас с Сашей этот уклон поддерживал «математик-лингвист» Борис Семёнович Галюкшов, окончивший НГУ несколькими годами позже Саши. У него был ясный и трезвый ум и очень широкий круг интересов. А Канович, не будучи лингвистом, тем не менее легко воспринимал лингвистические идеи.

С приходом Саши научная жизнь на кафедре оживилась. Ещё в Новосибирске он основательно изучил «формальную семантику» – математическую модель, в которой для описания семантического уровня естественного языка используются очень сложные математико-логические конструкции, – и целый год мы под его руководством её осваивали. Работал семинар, на котором выступали с докладами гости из Ленинграда, Москвы и Новосибирска. Я читал спецкурс, материалы которого легли в основу книги о синтаксических структурах естественного языка, законченной в

1981 г. и изданной четыре года спустя, и Саша был одним из самых активных его слушателей. Рукопись книги он внимательнейшим образом прочёл и сделал много важных замечаний.

30 лет спустя мы с Сашей начали совместную работу, посвящённую формализации понятия падежа, таящего в себе при кажущейся простоте много загадок. Нашей целью было изложить процедуры, используемые в «полуформальных» моделях падежа, опирающихся на понятие контекста, в виде алгоритма и описать с помощью этого алгоритма падежную систему русского языка. Саша принялся за эту работу с азартом и при этом работал весьма основательно – разработал специально приспособленный для данной цели математический аппарат, обдумывал каждую деталь, формулировал и доказывал трудные теоремы. (Для Саши вообще было характерно редко встречающееся в одном человеке соединение азартности и основательности.) В то время он жил уже в Нанте; мы обменивались письмами по электронной почте, и в каждом письме один из нас или предлагал какой-либо вариант продолжения работы, или о чём-либо спрашивал, или отвечал на вопрос. Эту переписку мы удоболяли игре в мяч, и самые важные письма кончались словами: «Теперь мяч на Вашей половине поля». Иногда между двумя письмами проходил один день, иногда неделя или две. Письма дополнялись частыми разговорами по скайпу. И всё же завершить работу мы не успели – об этом речь впереди.

Но я сильно забежал вперёд, и вот о чём нужно сказать, вернувшись к прошлому.

Во-первых: азартность и основательность проявлялись у Саши не только в науке. Ещё в бытность «сторожем-исследователем» он увлёкся альпинизмом. Благодаря азартности и основательности быстро поднялся по лестнице спортивных разрядов, но когда был уже кандидатом в мастера, ему пришлось уйти из «большого спорта» из-за остеохондроза. А любовь к горам сохранилась у Саши на всю жизнь, и он много раз водил в горы друзей, в том числе и меня.

Во-вторых: за 30 лет произошло много событий сначала в нашей жизни, а потом и в жизни страны. В 80-м году в Калининне состоялся политический процесс, на котором обвиняемыми были геофизик Иосиф Гецелевич Дядькин и математик Сергей Максимович Горбачёв. Иосиф Гецелевич, мой ровесник, был моим близким другом, а Серёжа (тогда ему было 28 лет) был постоянным участником наших семинаров и самым внимательным слушателем лекций о синтаксических структурах. Обвиняли их в «распространении заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». Обвинения были с точки зрения логики смехотворные, но следователя, прокурора и судью логика не интересовала. Дядькин получил три года колонии общего режима, Горбачёв два. Все, кто был дружен или хотя бы в

хороших отношениях с «преступниками», подозревались в пособничестве «антисоветчикам». Сашу отстранили от преподавания в университете, а меня уволили только в 83-м, потому что штатного преподавателя нельзя было уволить до истечения срока избрания по конкурсу. Пока я был безработным и имел много свободного времени, мы с Сашей часто общались – делились научными планами, иногда спорили. (Потом мне удалось перебраться в Москву.)

А когда в 1985 г. началась «перестройка», появились неслыханные прежде возможности и вместе с ними новые заботы. «Модиковские» перебрались в подмосковные Мытищи, Саша поступил на работу в Москве – в Институт прикладной математики – и защитил докторскую диссертацию. В 1992 г. в Российском государственном гуманитарном университете открылся факультет теоретической и прикладной лингвистики, и там мы с Сашей снова встретились. Зарплаты в ИПМ и в РГГУ были нищенские, и Саша время от времени уезжал на заработки за границу. Один год преподавал в Анкаре, в университете, организованном по американскому образцу и с преподаванием на английском языке. Потом четыре года (с перерывами) преподавал в университете Париж-12. Там было лучше, а главное – Саше очень понравилась Франция. С каким восторгом он рассказывал, что на окраине Парижа с бывшего аэродрома убрали асфальт вместе с толстым слоем испорченной земли, привезли хорошую землю и посеяли траву! Но основное преимущество Франции перед США, история которых началась в XVII веке, и Россией, только в XVIII веке начавшей европеизироваться, Саша видел в том, что она – «страна с историей». (Надо ли говорить, что полюбив Францию, он не разлюбил Россию?)

Теперь, прежде чем идти дальше в хронологическом порядке, скажу, каким Саша был преподавателем. Его преподавательская работа началась в НГУ. Потом он преподавал в Новосибирском институте народного хозяйства. Дальше были Калининский университет, Анкара, Париж-12 и РГГУ.

К тому времени, когда Саша начал преподавать, уже широко распространилось представление об учебном заведении как своего рода фабрике, где из необученных людей делают обученных, и о преподавателе как рабочем у конвейера, подкручивающем гайки в головах учеников. А на этой фабрике всё должно было быть подчинено «педагогической технологии». Мотивация же предполагалась такая: будешь хорошо учиться – «сделаешь карьеру». Саше это было противно, и в институте народного хозяйства и американизированном турецком университете, где студентам вдолбили в головы такую мотивацию, он чувствовал себя очень плохо. А в НГУ и РГГУ, где

у студентов не была подавлена естественная тяга к знаниям, ему дышалось легко, и он мог в полной мере проявлять свой яркий и самобытный педагогический талант. В РГГУ у меня была любимая группа, очень сильная, в которой я на 1-м, 2-м и 3-м курсах преподавал анализ, алгебру и математическую логику. В этой группе Саша на 4-м курсе вёл семинар по теории падежа, в котором студенты работали фактически наравне с руководителем, не только решая поставленные им задачи, но и самостоятельно формулируя новые; такое возможно только при руководителе, обладающем незаурядным педагогическим талантом. Когда мы с Сашей начали последнюю совместную работу, материалы этого семинара оказались очень полезными.

А в 1998 году Сашу пригласили на постоянную работу в Нантский университет на должность профессора и фактического руководителя лаборатории компьютерной лингвистики. (Насколько я знаю, во Франции неохотно берут на такую ответственную и вообще на постоянную работу иностранцев, а Саша до конца жизни сохранял российское гражданство.)

В Нанте у Саши был много трудной работы, в том числе административной, и тем не менее ему было там хорошо. Студенты были от его лекций в восторге и стали его поклонниками, сотрудники не только глубоко уважали его, но и любили и восхищались его общительностью. И рядом была Лара – верный друг и помощник. О его жизни в Нанте я узнавал от него самого: мы регулярно переписывались, часто разговаривали по скайпу, а когда Саша приезжал в Москву, он заходил ко мне и много рассказывал. Больше всего мы общались в 2005 г., когда в Москве проходила международная конференция «Русский язык в модели “Смысл – Текст”».

Летом Саша ходил с друзьями по горам и «работал дедушкой» (его собственное выражение) – показывал Францию внуку, которого Лара привозила из Америки, куда Женя с мужем уехала ещё до его рождения.

Несмотря на большую учебную и административную нагрузку, Саша продолжал интенсивную научную работу. Уже поселившись в Нанте, он часто писал статьи по теории формальных грамматик и теории алгоритмов совместно с учениками Б.А. Трахтенброта М. Валиевым, живущим в Москве, и М. Дехтярём, живущим в Твери. Ещё в Новосибирске он заинтересовался построением доминационных грамматик и продолжал совершенствовать их едва ли не до конца жизни. Он определил некоторое существенное расширение категориальных грамматик зависимостей и совместно с сотрудниками лаборатории построил почти полную категориальную грамматику

и систему синтаксического анализа для французского языка. Но появились и новые темы. Главной из них было изучение процесса освоения ребёнком своего первого языка. Здесь он «вторгся в чужие владения»: изучение процесса освоения языка ребёнком считают своей прерогативой психологи и специалисты по так называемой когнитивной науке, обычно не желающие, как ни странно, сотрудничать с лингвистами. Впрочем, Саше всё же удалось найти во Франции специалиста по когнитивной науке, заинтересовавшегося его соображениями и пригласившего его в свой семинар.

Нельзя не сказать о помощи, которую оказал мне Саша в редактировании вышедшего в 2007 г. 2-го издания однотомника избранных произведений величайшего биолога и величайшего мыслителя XX-го века Конрада Лоренца, включающего переводы трёх его главных трудов. В одном из них – «Оборотная сторона зеркала» – Лоренц уделил большое внимание необыкновенной истории слепоглухонемой американской писательницы и общественной деятельницы Хелен Келлер. В этом месте многое показалось мне сомнительным; я обратился за консультацией к Саше и узнал от него, что Х. Келлер не была слепоглухонемой от рождения, а потеряла зрение и слух в результате тяжёлой болезни, перенесённой в возрасте 19 месяцев. Это обстоятельство (о котором Лоренц, по-видимому, не знал), не уменьшает значения истории Х. Келлер, но сильно смещает акценты. Кроме того Саша объяснил мне, каким образом происходит у ребёнка формирование когнитивной базы языка. Всё это вместе с некоторыми другими его замечаниями позволило мне написать несколько очень важных примечаний. Консультировал меня Саша и по другим поводам.

А в июне 2012 г. пришло тревожное известие: Саша тяжело болен, у него рак печени. Позвонив Ларе, я узнал, что ему предстоит сложная операция в Париже и к ней необходимо долго готовиться дома под наблюдением местных врачей. Потом Лара дала трубку Саше. Голос у него был очень бодрый. Он ясно осознавал серьёзность своего положения, но не падал духом, был настроен на благополучный исход и намеревался бодрым настроением помогать медикам бороться с болезнью. Много раз мы с ним разговаривали о планах на будущее: пройдёт год, Саша оправится после операции, и мы продолжим прерванную совместную работу. Иногда такое настроение в самом деле помогает победить даже тяжёлую болезнь, но тут болезнь оказалась сильнее. Саше становилось всё хуже и хуже, усилия врачей оставались безрезультатными. Через некоторое время и врачам, и Ларе, и самому Саше стало ясно, что операция невозможна. А я,

не имея точных сведений, по-прежнему надеялся – в сущности, на чудо.

И когда 8 января нынешнего года в Mosling'e появилось сообщение об уходе из жизни Александра Яковлевича Диковского, для меня это было как гром с ясного неба. Потом я узнал, что Саша до последних дней работал. Когда в декабре его навещил Игорь Богуславский, Саша, зная, что жить ему осталось, может быть, всего несколько дней, обсудил с ним план работы по созданию категориальной грамматики зависимостей для русского языка и попросил Игоря проследить за публикацией новой статьи по семантике, которую он незадолго до их встречи послал в журнал. Вот такой это был мужественный человек.

Закончить следовало бы стихами Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.

Но наша совместная работа не закончена. Её завершение – моя забота и мой долг.

Маргарита Васильевна Китайгородская

М.В. Китайгородская (1943-2013) – известная исследовательница русской разговорной речи, языка города, мужской и женской речи, городского просторечия и др. Постоянный соавтор М.В. Китайгородской вспоминает о научном пути исследовательницы и их совместной работе.

Ключевые слова: словообразование в русской разговорной речи, язык города, гендерная лингвистика, городское просторечие, разновидности городской речи, коммуникация в современном мегаполисе.

24 мая 2013 года ушла из жизни Маргарита Васильевна Китайгородская – известный ученый-русист, специалист в области русской разговорной речи, прекрасный и талантливый человек, красивая обаятельная женщина. Всю свою жизнь Маргарита Васильевна проработала в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. После окончания филфака МГУ в 1966 году она пришла сюда на должность референта директора (академика В.В. Виноградова), но затем довольно быстро перешла в Сектор современного русского языка, которым руководил в те годы М.В. Панов. Это были совершенно замечательные, легендарные годы для Института, в стенах которого трудились тогда многие выдающиеся ученые и где царила необычайно творческая, дружеская атмосфера. Об этом периоде Маргарита Васильевна всегда вспоминала с большой теплотой и радостью. Надо сказать, что старшие коллеги также обратили внимание на талантливую молодую сотрудницу. В нашем институте до сих пор вспоминают веселую шутку-каламбур, придуманную Виктором Давыдовичем Левиным (вместе с Пушкиным): «В Рите, в Рите бесенята».

М.В. Китайгородская

За долгие годы работы М.В. Китайгородская написала много работ, не потерявших своей актуальности до сих пор. Можно, например, вспомнить ее замечательные исследования в области глагольного разговорного словообразования¹. Работая сейчас над «Толковым словарем русской разговорной речи», мы, ее коллеги, обращаемся к трудам М.В., пытаясь лексикографически осмыслить ее идеи, высказанные еще в 70-е–80-е годы прошлого века. Не менее интересны работы Маргариты Васильевны в области исследования русского городского просторечия. Анализируя просторечные устные тексты, автор отмечает, что их структурно-семантическая организация имеет свою специфику, отличную от литературно-разговорной речи². Классической стала ее работа, посвященная изучению форм передачи чужой речи в различных функционально-стилистических вариантах современного русского языка³. Наблюдая за активными процессами, происходящими в русском языке 80–90-х годов XX века, исследовательница одной из первых обратилась к анализу социальных факторов языковых изменений в сфере современной экономической терминологии⁴. Не менее новаторскими являются ее работы, посвященные изучению городских вывесок. Обращение к столь «низкому», казалось бы, объекту позволило М.В. Китайгородской обнаружить и описать ряд новых актуальных тенденций в сфере городских наименований⁵.

Мне посчастливилось на протяжении многих лет работать вместе с Маргаритой Васильевной (для меня – Ритой). Будучи подругами и почти ровесницами, мы, естественно, обращались друг к другу по имени: «Рита – Нина») в качестве соавтора. Наше соавторство началось в начале восьмидесятых с легкой руки Елены Андреевны Земской. Мы готовили тогда очередную том коллективной монографии «Русская разговорная речь». «Дефьки, – сказала Елена Андреевна (это было ее обычное шутовое к нам обращение с просторечным смягчением губно-зубного) – а не написать ли нам главу про языковую игру?» И мы взялись за дело. Работа шла весело и довольно легко: видимо, материал давал нам стимул⁶. Потом в соавторстве с Еленой Андреевной мы написали еще одну работу – про мужскую и женскую речь⁷. Во время наших коллективных трудов мы поняли, что нам нравится работать вместе, прежде всего вдвоем с Ритой. Позднее мы пытались понять, почему этот наш творческий альянс так легко сложился. Наверное, потому, что мы очень хорошо понимали друг друга (школа-то одна!), а еще потому, что никто «не тянул одеяло на себя» – это была в полном смысле слова совместная работа. Окончательно наш «тандем» оформился во время работы над судебно-лингвистическими экспертизами, которые мы выполняли по заданию дирекции Института. Это была довольно интересная

работа: мы поняли, что наши разговорные штудии имеют вполне реальный практический выход, что коммуникативные параметры разговорной речи, которые мы пытались выделить и охарактеризовать, «работают» при анализе живых устных записей. Результатом этой работы стала наша первая совместная статья «Языковая личность в аспекте проблем судебной экспертизы устной речи»⁸.

А потом началась Перестройка и далее – известные социально-политические катаклизмы, которые сильно повлияли на все сферы жизни каждого из нас. Тогда мы с Ритой поняли, что совместная работа – это способ выжить, не погрязнуть в бытовых проблемах, которых у каждой было выше головы. Рита часто шутила: «Мы с тобой вдвоем составляем полноценную научную единицу. Все-таки единица лучше, чем два нуля».

Так называемые «лихие девяностые» для нас стали очень интересным временем, когда объект наших научных исследований – разговорная речь, или РР – вырвался из замкнутого мира семьи, пространства малогабаритных квартир и тесных кухонь в открытый мир городских улиц и площадей. Мы, вооружившись магнитофонами и блокнотами, «ловили» эту живую непринужденную речь на улицах, в многочисленных очередях, на рынках и митингах. Мы записали километры магнитофонной пленки. Некоторую часть этого материала мы использовали в своих работах⁹, но многое так и осталось пока в виде магнитофонных кассет. Мы понимали, что эти записи надо обязательно перевести, как мы говорили, в бумажный формат и опубликовать – ведь теперь это уже «документ эпохи». Мы надеялись, что успеем это сделать вместе...

Надо сказать, что моя подруга очень хорошо осознавала значимость нашей работы, вероятно, лучше, чем я... Помню очень хорошо раннее утро 19 августа 1991 года, когда по радио сообщили об известных событиях. И сейчас же позвонил мой муж, который лежал тогда в больнице и очень волновался за меня: «Ты слышала, что произошло? Вы не вздумайте никуда идти со своими магнитофонами! Пойми, это очень серьезно, там могут стрелять» Я была в полной растерянности, не знала, что делать. А потом позвонила Рита и таким спокойным уверенным голосом сказала: «Нин, надо идти. Если мы не пойдем, то потом этого никогда себе не простим». И мы пошли. А потом ходили и записывали и другие митинги, и события 3–4 сентября 1993 года, вплоть до митинга в защиту НТВ 31 марта 2001 года. Во время нашего последнего разговора, незадолго до Ритиной смерти, мы опять говорили о том, что эти материалы надо обязательно приводить в порядок и издавать. Видимо, теперь мне придется это делать одной... Прости, дорогая! Я постараюсь это сделать хорошо.

И все-таки, несмотря на боль утраты, при мысли о Рите – Маргарите Васильевне – всегда появляется очень теплое и светлое чувство. Я верю, что дорогие нам люди никуда не уходят, они с нами, пока мы дышим, живем и помним...

Примечания

- ¹ См, например, раздел «Глагол» в коллективной монографии: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1983. С. 131–190.
- ² См., например, ее интересную работу, посвященную анализу речевого поведения носителей просторечия в сферах, выходящих за пределы обиходно-бытового общения и предполагающих использование кодифицированного литературного языка (контакты с людьми в официальной обстановке на работе, в государственных учреждениях, публичные выступления на собраниях и т. п.): *Китайгородская М.В.* Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 156–182.
- ³ *Китайгородская М.В.* Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 65–89.
- ⁴ *Китайгородская М.В.* Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 162–236.
- ⁵ *Китайгородская М.В.* Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 127–150; *Китайгородская М.В.* Еда в зеркале московских вывесок // Московский лингвистический журнал. Т. 7. № 1. М., 2003. С. 55–76.
- ⁶ Результатом нашего совместного творчества явилась глава в коллективной монографии: *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
- ⁷ *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
- ⁸ *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая личность в аспекте проблем судебной экспертизы устной речи // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 131–144.
- ⁹ См., например: *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 151–240; *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010.

Е. Г. Устинова

Памяти Ирины Анатольевны Муравьевой

Статья памяти И. А. Муравьевой (1949-2014), профессора РГГУ, доктора филологических наук, талантливого лингвиста и педагога, специалиста в области общего языкознания, лингвистической типологии, чукотско-камчатских языков.

Ключевые слова: аллюторский язык, теория инкорпорации, педагогическая деятельность.

И.А. Муравьева

30 марта 2014 года не стало Ирины Анатольевны Муравьевой, профессора РГГУ, доктора филологических наук. Ирина Анатольевна была талантливым лингвистом и удивительным человеком, а для меня еще однокурсницей, коллегой и подругой. Ее уход был таким неожиданным и быстрым, это случилось так недавно, что трудно даже говорить о ней в прошедшем времени, а тем более, как это принято в подобных грустных обстоятельствах, «подводить итоги», «оценить вклад». Поэтому просто расскажу немного об Ире, чтобы те, кто хорошо ее знал, еще раз о ней вспомнили, а те, кто знал мало, узнали чуть лучше.

Многие хорошо помнят Иру Муравьеву по Московскому университету – энергичная студентка-отличница Отделения структурной и прикладной лингвистики филфака (с 1966 года) с «железобетонными» пятерками по всем предметам, включая математику, такую необычную тогда для филологов и трудную для многих наших однокурсников. Круг ее интересов за пределами обязательных предметов был необычайно широк. «Драмкружок, кружок по фото, хоркружок – мне петь охота...» – со вздохом цитировал по этому поводу

Агнию Барто Ирин папа. Она не пропускала ни одного доклада, семинара, конференции (и не только по лингвистике), если считала, что там участвуют люди, которых стоит послушать, а тех, кого действительно стоило послушать, как показало время, тогда было немало – шло одно из «золотых десятилетий» русской гуманитарной науки. Видимо, именно это в конечном счете определило и удивительную широту ее научных интересов, и лингвистическую эрудицию, и в высшей степени профессиональный подход к решению любой задачи. Как будущий лингвист, — а профессию она выбрала сама и никогда ей не изменяла, — Ира любила учить языки. Кроме программных, она занималась испанским и польским, санскритом и арабским, древнегреческим и литовским. Прежде всего, конечно, это была «лингвистическая классика» (в широком смысле), но иногда при выборе очередного иностранного языка учитывались и прагматические соображения: испанский – чтобы петь испанские песни в знаменитых в 1960-70-е годы мельчуковских подмосковных лингвистических походах, польский – чтобы прочесть хороший детектив (поясню для молодого поколения, что многие стоящие книги тогда можно было купить только в магазине «Дружба» на улице Горького, в основном, это были книги, изданные в Польше).

Много лет и много сил было отдано лингвистическим Олимпиадам. Ира составляла и проверяла задачи, входила в состав Задачной комиссии и Оргкомитета нескольких Олимпиад. Этот опыт очень пригодился ей позже, когда она активно занялась преподавательской деятельностью.

Но, пожалуй, особенно Ира любила лингвистические экспедиции. В течение многих лет она ездила в поле каждый год: Дагестан, Памир, Тува и, конечно, Камчатка. Да, я думаю, главным ее увлечением, или даже любовью на всю жизнь, стала именно Камчатка. Иру буквально заворожили экзотические чукотско-камчатские языки (алюторский, корякский) с их самым ярким, с точки зрения лингвиста, украшением – инкорпорацией, типологические аналоги которой она потом исследовала в самых разных языках мира (типология инкорпорации стала темой ее докторской диссертации и, увы, так и незавершенной книги). Она занималась многими языками этой семьи. Среди ее исследований – исследования по фонетике, морфологии, реконструкции фрагментов чукотско-корякской фонетической прасистемы. Она много работала над составлением словарей, собирала фольклор. Разносторонние и глубокие знания сделали ее одним из самых авторитетных специалистов в этой области.

На Камчатке ей нравилось все: местные жители – с некоторыми своими информантами Ира дружила и работала практически до

последних дней; природа – какая же Камчатка без похода в Долину Гейзеров; олени шкуры и собственноручная засолка красной икры в путину (не маленькими баночками, а большими тазами!). Даже суровый тамошний быт, в котором Ира, как никто, умела создать домашний уют и тепло, даже экстремальные плавсредства (назвать это «морскими судами» у меня просто не поворачивается язык), без которых до этих земель невозможно добраться и по сей день, в ее глазах только добавляли яркости и притягательности этим путешествиям.

У Иры был очень редкий дар: любое дело, независимо от того, бралась ли она за него, следуя своим склонностям, или, что тоже, увы, бывало, под давлением обстоятельств, очень быстро превращалось для нее в интересное, важное и любимое. Так, перевод путеводителя по Парижу, первоначально – обычный приработок, вскоре стал восприниматься как счастливая возможность глубже познакомиться с историей и культурой Франции, поэтому затянулся очень надолго к удивлению и ужасу редактора. К счастью, ее труд был вознагражден – Ира съездила в Париж и исходила его вдоль и поперек, следуя этому, так тщательно переведенному, путеводителю.

В начале 1990-х годов, с приходом в РГГУ, большую часть своего времени Ира (теперь, конечно, чаще – Ирина Анатольевна) отдает преподавательской работе. Отныне именно преподавание становится ее любимым делом. Не могу перечислить все прочитанные ей за последние почти 25 лет курсы, их очень много (типология, фонетика, санскрит, аллюторский...). Мне, постоянному свидетелю и, часто, участнику этой работы, очень близок ее подход к преподаванию. Она считала, что материал может стать интересным для студентов только тогда, когда он станет им абсолютно понятен. Это стремление к ясности и стройности изложения заставляло ее снова и снова переделывать уже, казалось бы, до мельчайших деталей продуманную лекцию, а иногда и существенно менять всю архитектуру курса, если она замечала, что новое поколение студентов не вполне точно или недостаточно быстро ее понимает. И еще: она была убеждена, что для студентов лучше один раз поработать с материалом конкретного, скажем агглютинативного, языка, чем сто раз услышать теоретические рассуждения про агглютинацию вообще. Поэтому она с особой тщательностью собирала практикум для каждого курса, используя свой богатый опыт в полевой лингвистике и опыт работы с лингвистическими задачами. Учебные тексты, тесты, лингвистические задачи – сколько разных методических форм она использовала для того, чтобы сделать обучение как можно более интересным и эффективным. Всегда доброжелательное, вниматель-

ное отношение Ирины Анатольевны, ее требовательность и в то же время постоянную готовность помочь, я думаю, ценили и долго будут помнить ее ученики.

Лингвист с прекрасным образованием и большим профессиональным опытом, целеустремленная и ответственная, Ирина Анатольевна безусловно внесла значительный вклад в формирование Института лингвистики РГГУ в его современном виде, работая сначала в качестве заместителя декана факультета теоретической и прикладной лингвистики – непосредственного предшественника современного Института лингвистики, а позже – входя в состав Совета института и нескольких диссертационных советов. Коллеги любили ее за обязательность и надежность, неизменную благожелательность, умение сглаживать самые разные конфликты, – с ней было легко работать.

У Иры была интересная и насыщенная жизнь. Она успела многое узнать, многое повидать и немало сделать. Но всего год назад она, всегда оптимистичная и энергичная, думала, что все самое интересное и важное еще впереди. Невозможно поверить, что ее планам уже никогда не суждено осуществиться.

И последнее, 2 августа этого года Ирине Анатольевне исполнилось бы 65 лет. Я надеюсь, что в этот юбилейный день друзья будут вспоминать о ней светло. Ведь общительная и радушная, Ира обязательно бы сделала для нас этот день веселым праздником.

Е. М. Сморгунова

Муза Александровна Оборина

23 сентября 1923 – 14 мая 2014

Статья посвящена деятельности М.А. Обориной как редактора и организатора переводов иностранной лингвистической литературы.

Ключевые слова: Перевод трудов зарубежных лингвистов в СССР, серия «Новое в лингвистике», «этимологический словарь русского языка» М. Фасмера.

Скончалась Муза Александровна Оборина, редактор и организатор переводов иностранной языковедческой литературы, сделавшая неопределимо много для развития и процветания отечественной лингвистики.

В 1958 году в Издательстве иностранной литературы увидела свет отредактированная М.А. Обориной книга О. Есперсена «Философия грамматики». «Редакция по вопросам филологической литературы», в которой тогда работала Муза Александровна, неоднократно реорганизовывалась и переименовывалась, ее передавали в вновь созданное в 1964 г. издательство «Прогресс», потом в «Радугу», потом обратно в «Прогресс». Но все годы выходили все новые и новые монографии, сборники статей, словари по лингвистике, отредактированные М.А. Обориной. За четыре с лишним десятилетия своей деятельности (в «Прогрессе» она работала до самого прекращения существования издательства). Муза Александровна подготовила ок. 60 книг!

Все эти книги заслуживали бы специального разговора. Сегодня, в дни прощания, упомянем только два редакторских свершения Музы Александровны, самые обширные по объему и непреходящие по значению. В 1960 г. Издательство иностранной литературы по инициативе В.А. Звегинцева начало выпуск серии сборников «Новое в лингвистике». В эти сборники включались работы зарубежных языковедов, только что вышедшие или напечатанные раньше, но сохранявшие актуальность и дискуссионность. В течение почти тридцати лет издания серии (переименованной позднее в «Новое в зарубежной лингвистике») большую часть из 25 томов редактиро-

вала, подбирала переводчиков и авторов сопроводительных статей Муза Александровна.

Многие годы при работе в издательстве М.А. Обориной переводчиками становились крупные ученые – Н.Д. Арутюнова, Вяч. Вс. Иванов, И.А. Мельчук, А.А. Зализняк, Р.М. Фрумкина, В.В. Шеворошкин, А.Е. Кибрик... «Муза была замечательным работником – непревзойдённый редактор» – так написал в день похорон Музы Александровны, Игорь Мельчук, один из самых любимых и продуктивных переводчиков среди тех, с кем работала Муза Александровна. И еще: все знали, что М.А. Оборина всегда старалась оформить в издательстве переводы по возможно высшей категории, чтобы гонорары переводчиков были бы не так ничтожны.

В 1999 году избранные статьи из нескольких сборников серии были переизданы издательством «Прогресс» в трёх частях под заглавием «Зарубежная лингвистика». Да и вся серия, целая библиотека из 25 томов, остается неустаревающим богатством нашей культуры.

Другим редакторским подвигом М.А. Обориной стала, конечно, работа над переводом четырехтомного «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, которая была начата еще в Издательстве иностранной литературы по инициативе О.Н. Трубачева вскоре после завершения в 1958 оригинального издания словаря в Германии. Сложнейшая ткань словарных статей представляла для редактора особую проблему. А ведь помимо собственно редактирования перевода Муза Александровна взяла на себя и большую часть сверки словарных статей с упомянутыми в них научными источниками на русском языке! Лучшим подтверждением значения этого труда О.Н. Трубачева и М.А. Обориной стало полное переиздание словаря в годы перестройки массовым для столь специальной литературы тиражом в 50000 экз.

Удивительная активность Музы Александровны сделала ее членом многих общественных организаций. Много души и сердца отдавала Муза Александровна Обществу охраны памятников. Немало зданий Москвы сохранилось именно благодаря ее усилиям. Эта ее деятельность продолжалась до самых последних дней ее жизни.

Она скончалась на 91-м году жизни, в полном здравом уме, вспоминая свои выпущенные книги и людей, с которыми вместе работала.

Вечная память и благодарность!

Нина Васильевна Солнцева: памяти ученого

Дается краткое описание жизни и научной деятельности крупного отечественного лингвиста-востоковеда Н.В. Солнцевой. Отмечается ее вклад в такие области лингвистики, как китайское и алтайское языкознание, проблемы лингвистической теории и типологии, изучение языков Вьетнама, лингвистические и социолингвистические исследования по языкам Восточной и Юго-Восточной Азии, относящимся к разным языковым типам и семьям, и др. В приложении библиографическая справка.

Ключевые слова: китайское языкознание; алтайское языкознание; лингвистическая теория и типология; языки Вьетнама; Российско-Вьетнамская лингвистическая экспедиция.

10 февраля 2014 г. после тяжелой болезни скончалась Нина Васильевна Солнцева – крупный лингвист-востоковед.

Нина Васильевна родилась в Москве 20 февраля 1926 г. В 1949 году она окончила Московский институт востоковедения (МИВ) по специальности «китайский язык» с квалификацией «переводчик-референт по Китаю со знанием английского языка» и до 1951 г. работала в этом институте в качестве преподавателя китайского языка. В октябре 1954 г. Н.В. Солнцева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Категория страдательного залога в современном литературном китайском языке». В том же году она стала научным сотрудником Института востоковедения АН СССР (РАН), где проработала почти 60 лет – до сентября 2012 г., пройдя за это время путь от младшего до главного научного сотрудника. В апреле 1985 г. Н.В. Солнцева защитила докторскую диссертацию на тему «Проблемы типологии изолирующих языков». В феврале 1970 г. ей было присвоено звание старшего научного сотрудника, в 1996 г. Ученый совет Института востоковедения РАН рекомендовал ее на звание профессора. В 2001 г. Н.В. Солнцева была избрана в члены-корреспонденты Российской академии естественных наук (РАЕН). Параллельно с работой в Институте востоковедения РАН Н.В. Солнцева много лет работала также по совместительству в Институте языкознания РАН, в том числе в 2000-2007 гг. – в должности и.о. заведующего отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

Н.В. Солнцевой принадлежит более 190 научных публикаций, в том числе 8 монографий, индивидуальных или написанных в соавторстве. Ее научные интересы отличались широтой и многогранностью, включая китаеведение и общее языкознание, проблемы лингвистической теории и типологии, изучение языков Восточной и Юго-Восточной Азии, относящихся к разным языковым типам и семьям, социолингвистические проблемы этих регионов и другую проблематику.

Первым из направлений научной деятельности Нины Васильевны явилось китаеведение, любовь к которому она сохранила на всю жизнь. Начав с исследования категории залога в китайском языке, она скрупулезно изучала самые различные явления китайской грамматики, как морфологические, так и синтаксические. В области морфологии ее интересовала прежде всего система китайских морфологических категорий, которые она рассматривала как с точки зрения их общего характера, так и с точки зрения особенностей функционирования отдельных грамматических средств. В том числе объектом ее исследований явились китайские служебные слова, прежде всего классификаторы (счетные слова) и указательные местоимения. В области китайского синтаксиса Н.В. Солнцева уделила значительное внимание таким вопросам, как степень его универсальности/специфичности; синтаксическая организация китайского глагольного предложения, в том числе роль в этой организации порядка слов; критерии определения подлежащего; соотношение понятия подлежащего с понятиями топики, с одной стороны, и агенса, с другой; и т.п. В своих работах Н.В. Солнцева резко выступает против оценки китайского языка как «аморфного», «корневого», подчеркивает специфику грамматических свойств и грамматической природы китайского слова, существование в китайском языке вполне четко выделяемых частей речи и связанной с ними конверсионной омонимии.

Основные результаты грамматических исследований Н.В. Солнцевой по китайскому языку собраны в ее совместной с В.М. Солнцевым монографии «Теоретическая грамматика современного китайского языка (Проблемы морфологии)» (1978). Формально данная работа определяется как курс лекций – учебное пособие для студентов-китаистов, однако это далеко не только учебник. Монография имеет принципиально фундаментальный характер и поднимает множество вопросов общезыковой теории – от общей характеристики понятий слова, морфемы, морфологической категории до выявления грамматических свойств слов, установления границ слов в речевой цепочке, определения критериев разграничения частей речи, постановки проблемы факультативности. Работа сохраняет

свое значение и по сей день. В настоящее время в Институте востоковедения РАН готовится ее переиздание.

Но китаистические интересы Н.В. Солнцевой отнюдь не исчерпывались только проблемами грамматики. Рассматривала она и китайскую лексическую систему, прежде всего систему глагольных подклассов и вопросы неологизмов, а также некоторые культуроведческие проблемы – в частности, понятие «начала» в древней китайской философии, особенности понимания красоты в восточном мире и др.

Очень внимательно и бережно Н.В. Солнцева относилась к китаеведческому научному наследию прежних лет, исследуя историю китайского языкознания и смену в нем разных лингвистических традиций. Она установила, в частности, что китайские исследователи уже в прошлом тысячелетии опирались на представления о слове как двусторонней единице, признавали существование двусложных простых слов, осознавали такие явления, как синонимия и многозначность, хотя эксплицитное определение соответствующих понятий было дано в китайском языкознании существенно позже.

Много сил Н.В. Солнцева вместе с другими составителями уделила созданию двухтомной «Библиографии по китайскому языкознанию» (1991, 1993), которая охватывает и труды по истории китайского языкознания и китайской письменности, и исследования по проблемам родственных связей китайского языка, его диалектов и его контактов с другими языками, и работы по фонетике, лексике, лексикографии, грамматике современного китайского языка. Кроме того в «Библиографии» представлены общезыковедческие труды синологов и китайских ученых, а также работы по автоматическому распознаванию, обработке и переводу текстов с китайского и на китайский язык.

Вместе с тем Нина Васильевна Солнцева не ограничивалась в своих исследованиях только материалом китайского языка. С самого начала ее привлекали также алтайские и другие языки Восточной и Юго-Восточной Азии. Здесь ее также интересовала в основном грамматика: специфика поведения в этих языках аффиксов и аффиксоподобных элементов; категории генитива, одушевленности, отрицательности, состояния, пассива, каузатива; функции местоимений и других служебных слов; счетные слова и единицы измерения.

Исключительно важный вклад внесен Н.В. Солнцевой в изучение языков Вьетнама. С 1979 г. она была неизменным участником полевых сезонов совместной Советско-Вьетнамской, а затем Российско-Вьетнамской Лингвистической Экспедиции, осуществлявшей

систематическое научное обследование языков малых народностей Вьетнама. Языки этого ареала относятся к различным семьям, разным типологическим типам и макротипам. Среди них есть австронезийские, австроазиатские (мон-кхмерские), тайские, кадайские, мяо-яо. С участием Н.В. Солнцевой была разработана уникальная методика обследования этих языков, построенная на применении оригинальных диагностических анкет, впервые в мире разработанных с учетом особенностей языков данного ареала. Эта методика позволяет в достаточно короткие сроки выявить данные по всей системе исследуемого языка. При этом она носит универсальный характер и может быть использована при полевой лингвистической работе с разными языками и в разных странах во Вьетнаме, в Камбодже, в Лаосе, в Таиланде и т.д.

Всего при участии Н.В. Солнцевой состоялось 10 полевых экспедиционных сезонов, в рамках которых были обследованы 22 языка. В том числе она сама занималась исследованием языков пупео, лати, рук, таойх, кабео, патхэн, чам, нунг, зай, каолан и др. С 2000 по 2008 г. Нина Васильевна возглавляла российскую часть Российско-Вьетнамской Лингвистической Экспедиции. Ее энергия, энтузиазм, широта лингвистического кругозора явились важнейшим фактором успешного выполнения этой масштабной коллективной работы. Нельзя не отметить, что при проведении полевых сезонов Нина Васильевна не только выступала как великолепный организатор и терпеливый учитель, но и проявляла по отношению к младшим участникам экспедиции искреннюю теплоту и заботу.

Н.В. Солнцева являлась также членом редколлегии и руководителем редакционно-издательской группы, готовившей серию монографических выпусков «Материалов совместной Российско-Вьетнамской лингвистической экспедиции». Серия отличается тем, что в каждой книге дается полное научное описание рассматриваемого языка на всех уровнях и огромный корпус полевых материалов: грамматические анкеты, собранные по конкретным языковым аспектам, словарь-тезаурус, фольклорные тексты. Для языков данного ареала такой полный охват полевых материалов до сих пор является уникальным. К настоящему времени в данной серии опубликованы пять монографий, две из них: «Язык лаха» (1986 г.) и «Язык рук» (2001 г.) – с участием Н.В. Солнцевой. Кроме того под ее руководством была подготовлена все еще не опубликованная коллективная монография «Язык нунг» и велась работа над коллективными монографиями «Язык пупео», «Язык кату», «Язык зай», «Язык ма». Работу над последней монографией в настоящее время продолжает сотрудник Института востоковедения РАН Т.Г. Погибенко.

Собранные экспедицией материалы изучены далеко не в полной мере и большую часть этих материалов еще только предстоит ввести в общелингвистический оборот. Можно с уверенностью утверждать, что они сохранят свою актуальность еще для многих поколений исследователей.

Из других крупных работ Н.В. Солнцевой, связанных с исследованиями языков данного ареала, особого упоминания заслуживает «Новый большой вьетнамско-русский словарь», создававшийся совместно с вьетнамскими учеными. Составление этого словаря, вышедшего из печати в 2012 г., было начато под научным руководством и при непосредственном участии Нины Васильевны, которая, в частности, провела большую работу по разработке принципов организации в нем лексикографических описаний и представления в них грамматических сведений.

Неудивительно, что при таком богатстве и разнообразии исследуемого языкового материала Н.В. Солнцева уделяла большое внимание вопросам методологии лингвистических исследований, а также общетипологической, общетеоретической и сравнительно-исторической проблематике. В ее работах обсуждаются такие важные языковедческие понятия, как изоляция, агглютинация, аналитизм, моносиллабизм, факультативность, маркированность/немаркированность, соотношение частей речи и членов предложения, проблемы универсальности грамматических категорий и средств, особенности контрастивного изучения языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

Анализ собранных в ходе лингвистических экспедиций сведений о ранее не изучавшихся или малоизученных языках этого региона позволил Нине Васильевне внести серию поправок в теорию общего языкознания и типологии. В частности, в монографии «Проблемы типологии изолирующих языков» (1985 г.) ею была уточнена морфологическая классификация языков, выдвинута идея о цикличности их развития, показано, что изолирующий строй не является первым этапом в развитии языков.

Исследовались в работах Н.В. Солнцевой также вопросы исторических связей между языками разных семей, в том числе дальние связи монгольских языков, связи японского языка с австронезийскими и австроазиатскими, вопросы генезиса и развития в изучаемых языках отдельных грамматических категорий.

Не чужда была Нине Васильевне и социолингвистическая проблематика. В ее работах рассматривались, в частности, возможности использовать лингвистические данные для выявления сведений о контактах между народами, населяющими соответствующие ареалы.

лы, изучалась проблема двуязычия, проблема сохранения языков малых народностей.

Завершая этот очень предварительный обзор научной деятельности Нины Васильевны Солнцевой, повторим еще раз, что она внесла важнейший вклад в решение многих сложных вопросов общего языкознания и языковой типологии, в развитие китайского и алтайского языкознания, в изучение языков Вьетнама, в исследование социолингвистических проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Ее труды по этим проблемам значительно обогатили отечественную и мировую науку, существенно продвинув вперед изучение грамматического строя изолирующей семьи языков и соотношения этих языков с языками других типов.

Труды Н.В. Солнцевой получили широкую известность и высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом. Ее статьи по вопросам изоляции и изолирующих языков представлены в Лингвистическом энциклопедическом словаре (1990 г.), в энциклопедии «Языки народов России и соседних государств» (2001 г.), в Большой российской энциклопедии (2008 г.) и др. Она неоднократно получала гранты научных фондов на научные исследования и на издание коллективных трудов, была членом Постоянной Международной Алтаистической конференции, участвовала в совместном российско-японском научно-исследовательском проекте «Лингвистическая типология», в работе комиссии по реформе калмычской письменности, в соглашении о международном сотрудничестве, заключенном в 2000 г. между Институтом востоковедения РАН и Институтом национального языка Королевской Академии Камбоджи.

Нина Васильевна Солнцева хорошо известна и как педагог, воспитавший не одно поколение востоковедов. Она читала лекционные курсы по общему и сопоставительному языкознанию, а также по различным аспектам китайского языка и китайского языкознания в целом ряде отечественных и зарубежных высших учебных заведений. Среди отечественных востоковедных центров достаточно упомянуть университеты Москвы, Владивостока, Ташкента и Читы, среди зарубежных – Сорбонну во Франции, Токийский университет иностранных языков в Японии, Шанхайский, Нанкинский и Хэйлунцзянский университеты и Институт торговли и языкознания города Гуаньчжоу в Китае.

Н.В. Солнцева руководила научной работой многих российских и иностранных аспирантов, докторантов и стажеров. Под ее руководством подготовлены и успешно защищены одна докторская и шесть кандидатских диссертаций.

Свою научную и педагогическую деятельность Н.В. Солнцева успешно совмещала также с большой научно-организационной ра-

ботой. Под ее редакцией вышло немало научных монографий, сборников, материалов отечественных и международных конференций. Много лет Нина Васильевна была членом Диссертационного совета ИВ РАН по языкознанию, диссертационного и учёного советов Института языкознания РАН, а также других диссертационных советов.

Научная и просветительская деятельность Нины Васильевны Солнцевой отмечена многими высокими международными наградами. В 1982 г. за выдающиеся заслуги в области изучения языков Вьетнама вьетнамское правительство наградило ее медалью «Дружба». В 1996 г. за научные заслуги Н.В. Солнцевой было присвоено звание почетного профессора Хэйлунцзянского университета (Харбин, КНР). С 1999 г. она стала членом-корреспондентом РАЕН.

Нина Васильевна Солнцева была прекрасным ученым, преподавателем, скромным, отзывчивым, чутким человеком. Ее кончина – это большая потеря для российского языковедения и для всех ее коллег и друзей, которые навсегда сохранят о Нине Васильевне добрую память.

Н.В. Солнцева. Библиографическая справка (сост. З.М. Шаляпина)

Публикации о жизни и трудах Н.В. Солнцевой

1. Пинчук Л. Семья китаеведов // Сунянь фунюй {Советская женщина}. 1966, № 9. С. 26-27. На кит. яз.
2. Милибанд С.Д. Солнцева Нина Васильевна // Милибанд С.Д. Востоковеды России. Библиографический словарь. В двух книгах. Книга II. Н.-Я. М.: Вост. литература, 2008. С. 389-390.
3. Солнцева Нина Васильевна // Синологи мира. Пекин, 1994. С. 226. На кит. яз.
4. Kaden K. [Rec. ad. op.]: Солнцева Н.В. Страдательный залог в китайском языке (Проблемы морфологии). М., 1962 // Revue bibliographique de sinologie. Paris: Mouton, 1971. № 9. P. 272-273.
5. Shkarban L. [Rec. ad. op.]: Materials of the Soviet-Vietnamese linguistic expedition of 1979. The Laha language. Solntceva N.V., Hoang Van Ma. Linguistic essay. 1986 // Прачи-бхашавиджан. Vol 15. 1988, № 1. P. 38-43.

Основные научные труды Н.В. Солнцевой

Монографии и словари

1. *Солнцева Н.В.* Категория страдательного залога в современном литературном китайском языке. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М.: МИВ, 1953. 16 с.
2. *Солнцева Н.В.* Категория страдательного залога в современном литературном китайском языке. Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М.: МИВ, 1953. 197 с.
3. *Солнцева Н.В.* Страдательный залог в китайском языке (Проблемы морфологии) / АН СССР. Институт народов Азии. Отв. ред. Н.Н. Коротков. М.: Изд. иностр. литературы, 1962. 103 с. (пер. на япон. яз.: Отару сёка дайгаку. Дзимбун кэнкю {Торговый университет гор. Отару. Исследования по гуманитарным наукам}. Отару, 1967. № 34. С. 155-198; 1968. № 36. С. 89-136).
4. *Солнцев В.М., Солнцева Н.В.* Теоретическая грамматика современного китайского языка. Проблемы морфологии. Курс лекций. М.: Изд. Военного института, 1978. 152 с.
5. *Солнцева Н.В.* Проблемы морфологии изолирующих языков в типологическом освещении. Дисс. на соиск. учен. степени доктора филол. наук. М.: ИВ АН СССР, 1984. 418 с.
6. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков / АН СССР. Институт востоковедения. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1985. 256 с.
7. *Солнцева Н.В., Хоанг Ван Ма.* Язык лаха: Лингвистический очерк / Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. АН ССР. Институт востоковедения. Комитет общественных наук СРВ. Институт языкознания. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1986. 407 с.
8. *Янкивер С.Б. (рук.), Солнцева Н.В., Семенов А.Л., Толкачев П.Ф.* Библиография по китайскому языкознанию / Отв. ред. В.М. Солнцев. Книга 1. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 559 с. Книга 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1993. 524 с.
9. *Солнцев В.М., Солнцева Н.В., Самарина И.В.* Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Вып. 4. Язык рук / Гл. ред. чл.-кор. РАН В.М. Солнцев, проф. Хоанг Туэ. Отв. ред. Н.В. Солнцева, проф. Нгуен Ван Лой. М.: Восточная литература, 2001. 610 с.
10. Новый большой вьетнамско-русский словарь. В 2 томах / Авторы: И. Алешина, А.В. Андреева, А. Белецкая, Д.В. Летагин, Н.В. Солнцева, А. Ситникова, Ву Лок, Нгуен Ван Тхак, Нгуен Туэт Минь, Чан Ван Ко. М.: Вост. лит., 2012. 2550 с.

Статьи

11. Солнцева Н.В. О критериях определения подлежащего глагольного предложения в китайском языке // Некоторые вопросы китайской грамматики. М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 23-47. (Пер. на кит. яз.: Юйяньское луныцун. Шанхай, 1958. № 2. С. 169-194).
12. Solntseva N. Morphological problems in Modern Chinese // 12th conference of junior sinologues: Annual conference of chinese studies. Cambridge, Sept., 1959. Cambridge, 1959. 4 p.
13. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. К вопросу об агглютинации в современном китайском языке (К типологической характеристике китайского языка) // Вопросы языкознания. 1962, №6. С. 22-30. То же // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. М.-Л., 1964, С. 283-291.
14. Солнцева Н.В. Обсуждение проспекта «Грамматики современного китайского литературного языка» // Народы Азии и Африки. М., 1962, №6. С. 217-219.
15. Солнцева Н.В. Предложение с послеглагольным подлежащим // Китайский язык. Вопросы синтаксиса. М.: Изд. вост. лит., 1963. С. 112-137.
16. Солнцева Н.В. Теория факультативности и проблемы немаркированной формы глагола // Спорные вопросы грамматики китайского языка. М.: Изд. вост. лит., 1963. С. 86-96.
17. Солнцева Н.В. О характере значения глагольных суффиксов // Спорные вопросы грамматики китайского языка. М.: Изд. вост. лит., 1963. С. 108-113.
18. Солнцева Н.В. Частные грамматические категории в китайском языке // Материалы к симпозиуму по грамматике китайского языка. М., 1965. С. 33-34.
19. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965. С. 80-88.
20. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Опыт экспериментального исследования функционирования морфологических показателей в изолирующих языках (на материале китайского языка) // Спорные вопросы строя китайского языка. М.: Наука, 1965. С. 85-96.
21. Солнцева Н.В. Грамматические категории в изолирующих языках // Языки Юго-Восточной Азии. М., 1967. С. 135-146.
22. Солнцева Н.В. Китайский язык // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 373-385. (Пер. на англ. яз.: Chinese language study // Fifty years of Soviet Oriental studies. Brief reviews. [Ed.: B/G/Gafurov, Y.V. Gankovsky. Moscow: Nauka. Centr. dep. of oriental lit., 1968. P. 3-28].

23. *Солнцева Н.В.* Характер морфологических категорий в китайском языке // Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию академика Н.И. Конрада. М.: Наука, 1967. С.173-181.

24. *Солнцева Н.В.* О некоторых итогах изучения китайского языка в СССР (о месте и роли китайского языкознания среди других наук) // Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М., 1968. С. 127-133.

25. *Солнцева Н.В.* Библиография работ русских и советских ученых по китайскому языку // Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М., 1968. С. 136-171.

26. *Солнцева Н.В.* О морфологической проблематике в исследованиях по языкам Юго-Восточной Азии (Вместо предисловия) // Языки Юго-Восточной Азии. Вопросы морфологии, фонетики и фонологии / Отв. ред. Н.В. Солнцева. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 3-8.

27. *Солнцева Н.В.* Строй глагольного предложения китайского языка // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса. М., 1971. С. 143-167.

28. *Солнцев В.М., Солнцева Н.В.* Универсальность и неуниверсальность синтаксических категорий и средств // Универсалии и их место в типологических исследованиях). М.: Наука. Гл. ред вост. лит., 1971, С. 10-14.

29. *Солнцев В.М., Солнцева Н.В.* Взаимодействие частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков) // Члены предложения в языках различных типов: Мещаниновские чтения. Ленинград, 1972. Л.: Наука, 1972. С. 78-87.

30. *Солнцева Н.В.* Парадигматические и синтагматические значения бессуффиксальной формы глагола // Исследования по китайскому языку. М.: Наука, 1973. С. 84-97.

31. *Солнцев В.М., Солнцева Н.В.* О некоторых свойствах морфологических категорий в изолирующих языках // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М.: Наука, 1975. С. 91-104.

32. *Солнцева Н.В.* К уточнению морфологической классификации языков // Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания». М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1976. С. 154-157.

33. *Солнцева Н.В.* Об основных понятиях морфологической классификации // Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы Восточного языкознания». Часть 2. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 51-52.

34. *Плам Ю.А., Белова А.Г., Еремина К.Н., Концевич Л.Р., Липеровский В.П., Орловская М.Н., Солнцева Н.В.* Современное со-

стояние восточного языкознания в СССР // Доклады советской делегации к Международному симпозиуму «Теоретические проблемы Восточного языкознания». Часть 2. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1977. С. 25-51.

35. Солнцева Н.В. К вопросу о факультативности // Восточное языкознание: факультативность. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. С.103-107.

36. Солнцева Н.В. Об основных понятиях морфологической классификации языков // Теоретические проблемы восточного языкознания. Часть шестая / Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 190-199.

37. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Относительно грамматических функций // Проблемы функциональной грамматики (Тезисы конференции). Звенигород, 1–2 апреля 1983 г. М.: Наука, 1983. С. 42–44.

38. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Частеречный синтаксис и китайский язык // “III конференция по китайскому языкознанию” (сборник тезисов). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1986. С. 90–97.

39. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Моносиллабизм и изоляция // IV Международный симпозиум ученых социалистических стран по теоретическим проблемам Азии и Африки (тезисы докладов). Москва-Ханой: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986. С. 14–17.

40. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. О роли порядка слов в китайском языке // Новое в изучении Китая. Культура, лингвистика, знаковые системы. Часть I. М.: Наука, 1987. С. 159–186.

41. Solntseva N.V. Chinese Language Study // Linguistics: A Soviet Approach / M.S. Andronov, Bhakti P. Malik, eds., Swapan Banerjee, coed. Indian Journal of Linguistics. Calcutta, 1988. P. 77-97.

42. Solntseva N.V. Diachronic Change and Typology as illustrated with languages of East and Southeast Asia // Lehmann, Winfred P. (ed.). Language Typology 1987: Systematic Balance in Language. Papers from the Linguistic Typology Symposium, Berkeley, 1-3 Dec. 1987 [Current Issues in Linguistic Theory, 67]. Amsterdam-Philadelphia, 1990. P. 139-146.

43. Солнцева Н.В. К вопросу о контроле агенса над действием // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы V Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. М., 1990. С. 100-104.

44. Солнцева Н.В. Кадайские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет издательства «Советская энциклопедия». Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 209.

45. Solntseva N.V. The Grammar of Pronouns. Pronouns as means of Regulating Relations of Nouns and Verbs in Asian languages // Pan-

Asiatic Linguistics. Proceedings of the 3 International Symposium on Language and Linguistics. Vol. 1. Bangkok, 1991. P. 109-115.

46. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Обозначение понятия «человек» в монгольских языках и ряде языков Юго-Восточной Азии (к вопросу о дальних связях монгольских языков) // IV Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. Т. II. Филология, культура, религия. Москва-Улан-Батор: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1992. С. 156-168.

47. Солнцева Н.В. Относительно понятия «топик» // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всероссийской конференции. М., 1992. С. 139-145.

48. Солнцева Н.В. О служебных словах и категории одушевленности в языках Дальнего Востока // Нгон нгы {Язык}. Вып.1. Наної, 1992.

49. Солнцева Н.В. Синтаксические проблемы китайского языка // Paper presented to the 25th International conference on Sino-Tibetan languages and linguistics. Berkeley: Univ. of California, 1992.

50. Солнцева Н.В. Слова к пресиллабам в Кабео // Текущие издания по Сино-Тибетской конференции. Осака, 1994. С. 949-955.

51. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. О смене научных парадигм в китайском языкознании // Актуальные проблемы китайского языкознания. М., 1995. С. 116-123

52. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Проблема связей японского языка с австронезийскими и австроазиатскими языками как аспект алтайской проблемы // J.Stary, ed. Proceedings of the 38th Permanent Altaistic Conference (PIAC). Kawasaki, Japan, October 1995. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1996. P. 359-364.

53. Solntseva N.V., Solntsev V.M. Genitive Case in Altaic Languages and in Some Languages of Southeast Asia // Mon-Khmer Studies (MKS). Таиланд, 1996. Vol. XXV. P. 255-262.

54. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Родительный падеж в алтайских языках и некоторых языках Юго-Восточной Азии (генетив и посессив) // Российское монголоведение. Бюллетень / Российская Академия наук, Институт языкознания, Институт востоковедения, общество монголоведов. № IV. М., 1996. С. 32-46.

55. Sontseva Nina V. Case-marked pronouns in the Taoih language // Mon-Khmer Studies (MKS). Таиланд, 1996. Vol. XXVI. P. 33-36.

56. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Счетные слова (классификаторы) и единицы измерения в китайском и других изолирующих языках // Китайское языкознание. Материалы VIII Международной конференции. М., 1996. С. 126-131.

57. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. О смене научных парадигм в китайском языкознании. Краткое резюме // Китаеведение в России

(Ханьюй цзяосюе ханьсюе яньцзю). М., 1996. Вып. 2. С. 1–3 (на кит. яз.).

58. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Относительно соотношения категорий состояния, пассива и каузатива в языках Юго-Восточной Азии и алтайских языках // *Altaica*. М.: ИВ РАН, 1997. С. 89-100.

59. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. О подвижности аффиксов и аффиксо-подобных элементов в алтайских языках и языках Юго-Восточной Азии // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.). Доклады российской делегации. М., 1997. С. 160-161.

60. Solntseva N.V., Solntsev V.M. Some regularities in language development and the reconsideration of the typological classification // IV Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. 17-20 сентября 1997 г. Тез. докл. Часть II. Р-Я, А-З. М.: Изд. центр ИСАА при МГУ, 1997. С. 147-149. Тезисы с тем же назв.: XVI International Congress of Linguists. Résumé / CNRS, LLACAN. Paris, 1997. P. 278.

61. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Куда идет китайский язык? // Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. М., 1998. С. 15-22.

62. Солнцева Н.В. Проблема двуязычия и проблема витальности языков Вьетнама // Материалы Международной конференции по языкам малых народов. Ханой, Вьетнам. Ноябрь 1999 г. Hanoi, 1999.

63. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. Морфологические категории и функционально-семантическое поле отрицательности в изолирующих языках Восточной и Юго-Восточной Азии // X Международная конференция «Китайское языкознание. Изолирующие языки». Тезисы. М., 2000. С. 157-161.

64. Солнцева Н.В. Китайско-тибетские языки // Языки народов России и соседних государств. Энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 114-117.

65. Солнцева Н.В. Дейксис в языке нунг // Нгон нгы {Язык}. Вып. 2. Hanoi, 2002.

66. Солнцева Н.В. Лингвистическая экспедиция // Азия и Африка сегодня. 2002, № 8. С. 58.

67. Солнцева Н.В. Некоторые вопросы неологизмов в китайском и вьетнамском языках // Языкознание в теории и эксперименте: к 80-летию М.К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики при ИСАА. М., 2002. С. 516-521.

68. Солнцева Н.В. Некоторые вопросы неологизмов // Китайское языкознание. Изолирующие языки. М.: Институт языкознания РАН, 2002. С. 231-234.

69. Солнцева Н.В. Понятие «начала» в древней китайской философии // Логический анализ языка. М.: Институт языкознания РАН, 2002. С. 639-643.

70. Солнцева Н.В. Кочевая цивилизация в свете лингвистических данных // Altaica. Вып. VIII. М.: ИВ РАН, 2003. С. 283-289.

71. Солнцева Н.В. Подклассы глаголов в языках Юго-Восточной Азии // Восточное языкознание. К 80-летию Ю.А.Рубинчика. М.: Восточная литература, 2003. С. 276-282.

72. Солнцева Н.В. В.М.Солнцев // Отечественные лингвисты XX века. Т. 2. М., 2003. С. 283-289.

73. Солнцева Н.В. 25 лет работы Российско-вьетнамской лингвистической экспедиции // I Международный симпозиум по полевой лингвистике. Москва 23 – 26 октября. Тезисы докладов. М., 2003. С. 88-89.

74. Солнцева Н.В. Дейксис в языке нунг // VII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова. Сб. докладов. Ч. 2. М., 2003. С. 116-125.

75. Солнцева Н.В. Идеал красоты в восточном мире // Языки эстетики. М., 2004. С. 283-289.

76. Солнцева Н.В. Явление интерференции в языках нунг и зай // VI Международный симпозиум по паназиатской лингвистике. Тезисы. Hanoi, 2004. С. 118 (англ.). С. 278 (вьетн.).

77. Солнцева Н.В. Транспозиционные средства во вьетнамском языке // Китайское языкознание. Изолирующие языки. XII Международная конференция. Материалы. Москва, 22-23 июня 2004 г. М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. С. 311-313.

78. Солнцева Н.В. Интеграция лексикографических и грамматических описаний в словарях вьетнамского языка // К 25-летию установления российско-вьетнамских дипломатических отношений в ДВГУ. Материалы международной конференции. Владивосток, апрель 2005 г. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005. С. 286.

79. Солнцева Н.В. Союз языков Восточной и Юго-Восточной Азии // Языки союзов Евразии, этнокультурные взаимодействия (история и современность) / Институт языкознания РАН. М.: Советский писатель, 2005.

80. Солнцева Н.В. Интерференция в языках нунг и зай (на вьетн. яз.) // VI International symposium on Pan-Asiatic linguistics. Proceedings/ Hanoi State University, Institute of linguistics (Vietnamese Academy of social sciences). Hanoi: Изд-во «Общественные науки», 2005.

81. Солнцева Н.В. Заимствованные морфологические элементы в языке нунг // ICANAS XXXVII. Труды Всемирного конгресса востоковедов. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2007. С. 231-234.

82. *Solntseva N.* Kinship terms and third person pronouns in Mongolian and South-East Asia languages // The role of women in the Altaic world. Permanent International Altaistic Conference, 44th meeting, Walberberg, 26-31 August 2001 / Ed. by Veronika Veit. Asiatische Forschungen, vol. 152. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. P. 269-272.

83. *Солнцева Н.В.* Изолирующие языки. Изоляция // Большая российская энциклопедия. Т. XI. М.: Большая российская энциклопедия, 2008.

84. *Солнцева Н.В.* Контрастивный подход к исследованию языков Восточной и Юго-Восточной Азии // Контрастивные исследования языков мира. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой / Ин-т языкознания РАН. М.: ИП Кошелев А.Б. (изд-во «Эйдос»), 2009. С. 86-93.

85. *Солнцева Н.В.* Русский язык в ситуативных диалогах // Сб. трудов Чжао Юнь Чжуна. Харбин, 2009. С. 174-179

86. *Солнцева Н.В.* Особенности отрицания в изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (на примере китайского языка) // Логический анализ языка. Негация и ассерция. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. С. 521-528.

87. *Солнцева Н.В.* Указательные местоимения в языках Юго-Восточной Азии // Бюллетень общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008»: Москва, 8-10 октября 2008 г. М.: ИВ РАН, 2010. С. 213-220.

88. *Солнцева Н.В.* Лингвистическая мысль в древнем Китае (Первые словари. Представление о слове) // В пространстве языка и культуры. Звук. Знак. Слово. Сб. статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 790-796.

89. *Солнцева Н.В.* Солнцев Вадим Михайлович // Московская энциклопедия. Лица Москвы. Том 1, книга 4. М., 2011. Электронное издание.

Лингвистические источники и справочные материалы

Н.Г. Семенова

Авторы и участники «Московского лингвистического журнала» (1995-2014)

В форме индекса представлена человеческая история журнала за 20 лет.

Ключевые слова: авторы, переводчики, публикаторы архивных материалов, члены редколлегии, герои персоналии.

От редакции

В 2015-м году исполняется 20 лет со дня выхода первого тома «Московского лингвистического журнала» (МЛЖ), и это естественный повод для анализа достижений и просчетов в его деятельности. Для такого анализа нужны инструменты. Содержание всех томов за 1995-2006 гг. было отражено в 2007 г., в первом номере, вышедшем уже в составе «Вестника РГГУ» («Вестник РГГУ», Серия Языкознание, № 8; МЛЖ, том 9/2). Содержание последующих томов отражено на сайте журнала, размещенном на портале РГГУ (<http://mjl.rsuh.ru/archive.html>). Эти материалы годятся для тематического анализа журнала, но недостаточны и неудобны для изучения его «человеческой» истории: кто публиковался на его страницах, кто предоставлял для издания свои переводы, обзоры, хроники, кто работал в редколлегии, кому посвящались историографические, юбилейные, некрологические материалы.

Инструментом для изучения подобной истории журнала «в лицах» и призван стать предлагаемый указатель авторов и участников МЛЖ, объединяющий в себе свойства обычных авторских индексов и указателей *personalia*.

При каждой из фамилий собраны номера всех томов и выпусков, в которых данный человек принимал участие. После номера в скобках указывается год издания, перед номером, также в скобках, дается помета, определяющая тип участия, если это не авторская оригинальная публикация: *редкол.* – член редколлегии, *перев.* – переводчик, *публ.*, публикатор, *коммент.* – комментатор, *сост.* – составитель, *рец.* – рецензент, *о нем* – герой помещенных в номере материалов.

С.Г.

- Aikhenvald A. Yu. № 3 (1996)
Comrie B. № 3 (1996)
Gill D. № 3 (1996)
Knorina L.V. № 3 (1996)
Lehmann C. № 3 (1996)
Polinsky M.S. № 4 (1998)
Rastall P. № 4 (1998)
Агранат Т.Б. № 11 (2009)
Алпатов В.М. № 3 (1996), № 5/2 (2001), (публ., предисл. и коммент.)
№ 7/1 (2003)
Аляпкина А.В. № 16 (2014)
Андрющенко В.М. № 7/1 (2003), № 16 (2014)
[Андрющенко В.М., о нем] № 8/1 (2004), № 16 (2014)
Антонян К.В. № 4 (1998)
Апресян Ю.Д. № 2 (1996), № 10 (2008), № 15 (2013)
Арбачакова Л.Н. № 11 (2009)
Арефьев А.А. № 3 (1996)
Аркадьев П.М. № 6/1 (2002)
Архипова А.С. (перев.) № 8/1 (2004)
Ахметова М.В. № 15 (2013)
[Бабицкий К.И., о нем] № 9/1 (2006)
Багеева О.О. № 10 (2008), № 11 (2009), № 12 (2010)
Байрашева В.Р. № 4 (1998)
Бакулов А.Д. № 7/1 (2003)
Барулин А.Н. (редкол.) №1-4, № 2 (1996), № 3 (1996)
[Барулин А.Н., о нем] № 16 (2014)
Басовская Е.Н. № 7/2 (2003)
[Бахтин М.М., о нем] № 8/2 (2005)
Башарин П.В. № 8/1 (2004)
Белецкий М.И. № 14 (2012)
Беляков В. № 5/1 (2001)
Беспалова Е.Н. № 16 (2014)
Бинстед К. № 8/1 (2004)
Блинов А.А. № 13 (2011)
Богуславский А. № 2 (1996), № 5/1 (2001)
Богушевская В.А. № 9/2 (2007), № 11 (2009)
Борисова Е.Г. № 3 (1996)
Борщев В.Б. № 2 (1996)
Ботобекова А. № 8/2 (2005)
Бочавер С.Ю. № 16 (2014)
Браккер Н.В. № 14 (2012)
Бречалова Е.В. № 11 (2009)
Бровко Е.Л. № 15 (2013)
Будянская Е.М. № 9/2 (2007), № 10 (2008)
Бульгина Т.В. № 2 (1996)
Бурлак С.А. № 14 (2012)
Бурлова Г.М. № 7/1 (2003)
Бурмистрович И.Е. № 14 (2012)
Буторина Е.П. № 3 (1996), № 4 (1998)
Вайс Д. № 6/2 (2003)

- Валеева Н.Т. (редкол.) №5/1, № 5/1 (2001)
Валиахметова А.Р. № 13 (2011)
Ванюков А.С. № 13 (2011), № 14 (2012)
Вахонева Д.М. № 9/2 (2007)
Вежбицкая А. № 2 (1996)
Вентцель А. № 14 (2012)
Видяпина В.В. № 7/1 (2003)
Виноградов А.А. № 5/1 (2001)
Волошина О.А. № 12 (2010), № 13 (2011)
Гадилия К.Т. № 13 (2011), № 14 (2012)
Галкин М.А. № 7/1 (2003)
Галямина Ю.Е. № 9/2 (2007), № 10 (2008)
Гардер М.О. № 10 (2008)
Гаспаров М.Л. № 2 (1996), № 7/1 (2003)
Гиндин С.И. (см. также Сигов Н.Е.) (гл. ред.) № 5/1-16, № 5/2 (2001), (предисл. и публ.) № 5/2 (2001), (предисл. и публ.) № 6/1 (2002), № 6/2 (2003), № 7/1 (2003), № 7/1 (2003), № 8/2 (2005), № 9/1 (2006), (публ.) № 9/1 (2006), № 9/2 (2007), (сост.) 9/2 (2007), № 10 (2008), № 10 (2008), № 14 (2012), № 16 (2014)
Гладкий А.В. № 4 (1998), № 8/1 (2004), № 9/1 (2006), № 10 (2008), № 16 (2014)
[Гладкий А.В., о нем] № 15 (2013)
Глебкин В.В. № 9/2 (2007), № 12 (2010), № 16 (2014)
Гловинская М.Я. № 2 (1996), № 15 (2013)
Горелик Е.В. № 5/1 (2001), (рец.) № 8/2 (2005)
Григорьев Н.В. № 2 (1996)
Григорьева С.А. № 2 (1996)
Григорян Л.А. № 16 (2014)
Грицышина М.А. № 4 (1998)
Гурьян Н.В. № 15 (2013)
Дегтярева А.В. № 16 (2014)
Демич К.И. № 12 (2010)
Демьянков В.З. № 8/1 (2004)
Дзахова В.Т. № 12 (2010)
[Диковский А.Я., о нем] № 16 (2014)
Долгопольский А.Б. № 1 (1995)
Дорогов А.А. № 8/2 (2005)
Драмбян Л.В. № 9/1 (2006)
Драчёва Н.В. № 16 (2014)
[Дрейзин Ф.А., о нем] № 9/1 (2006)
Дронов П.С. № 16 (2014)
Дыбо А.В. (редкол.) № 5/1-16, № 1 (1995), № 6/1 (2002)
Дыбо В.А. № 1 (1995)
Егоров А.Ю. № 4 (1998)
Елистратов А.А. № 12 (2010)
Ермаков М.В. № 11 (2009)
Есипова А.В. № 11 (2009)
Житниковская А.С. № 14 (2012)
Жолковский А.К. № 2 (1996), № 8/1 (2004)
[Журинский А.Н., о нем] № 11 (2009)

- Зализняк Анна А. № 5/1 (2001), № 5/1 (2001)
 Занадворова А.В. № 6/2 (2003), (рец.) № 6/2 (2003), № 16 (2014)
 Зевахина Н.А. № 13 (2011)
 Зелинский Ф. № 9/1 (2006)
 Златинский Р.Н. № 16 (2014)
 Иванова Е.А. № 7/1 (2003), № 10 (2008), № 10 (2008), № 12 (2010)
 Ивченко Т.В. № 12 (2010)
 Иорданская Л.Н. № 2 (1996)
 Иссерс О.С. № 6/2 (2003)
 Каганов А.Ш. № 15 (2013)
 Кадыкова А.Г. № 12 (2010)
 Кадырова О.М. № 16 (2014)
 Казакевич О.А. (редкол.) №10-16, № 9/2 (2007), № 10 (2008), № 11 (2009), № 16 (2014)
 Калюга М. № 10 (2008)
 Кауль М.Р. № 14 (2012), № 15 (2013)
 Кейдан В. № 14 (2012)
 Кит М. № 12 (2010), № 13 (2011)
 Китайгородская М.В. № 6/2 (2003), № 7/1 (2003)
 [Китайгородская М.В., о ней] № 16 (2014)
 Киттредж Р. № 2 (1996)
 Кобозева И.М. № 7/2 (2003)
 Кобзарева Т.Ю. № 8/1 (2004), № 9/2 (2007), № 10 (2008), № 12 (2010), № 13 (2011), № 15 (2013)
 Ковалев С.А. № 14 (2012)
 Коваль А.И. № 11 (2009)
 Ковтунова И.И. № 10 (2008)
 Козинцев А.Г. № 11 (2009)
 Козырева М.М. № 14 (2012)
 Козьмин А.В. (перев.) № 8/1 (2004), № 11 (2009)
 Колодяжная Л.И. № 8/1 (2004)
 Корельская Т. № 2 (1996)
 Коротаев Н.А. № 11 (2009), № 15 (2013)
 Костыркин А.В. № 5/2 (2001), № 8/1 (2004), № 12 (2010)
 Кравченко Н.Н. № 3 (1996)
 Красникова А.С. № 10 (2008), № 12 (2010)
 Крейдлин Г.Е. (редкол.) № 5/1-16, № 2 (1996), № 7/2 (2003), № 8/2 (2005), № 9/2 (2007), № 12 (2010), № 13 (2011), № 14 (2012), № 16 (2014)
 Кронгауз М.А. (редкол.) № 1-16, № 2 (1996), № 4 (1998), № 5/1 (2001), № 7/2 (2003)
 Крылов С.А. № 2 (1996), № 16 (2014)
 Крылова М.Н. № 16 (2014)
 Крылова Т.В. № 7/2 (2003)
 Крысин Л.П. № 15 (2013)
 Кузнецов П.С. № 7/1 (2003)
 Кустова Г.И. (редкол.) №2, № 2 (1996)
 Ландер Ю.А. № 13 (2011)
 Лахути Д.Г. № 6/1 (2002)
 Леонтьева Н.Н. № 8/1 (2004), № 9/1 (2006), № 11 (2009), № 15 (2013)
 [Леонтьева Н.Н., материалы к списку работ] № 9/2 (2007)

- Летучий А.Б. № 8/2 (2005), № 10 (2008)
Литвин Ф.А. № 3 (1996)
Лихачев С.В. № 13 (2011)
Лукашевич Н.Ю. № 7/2 (2003)
[Любченко В.И., о нем] № 9/1 (2006)
Мазо О.М. № 5/2 (2001)
Майская С. (перев.) № 5/1 (2001)
Малевич О.Б. № 9/1 (2006)
Манастер Рамер А. № 1 (1995)
Мартемьянов Ю.С. № 8/1 (2004)
[Мартемьянов Ю.С., о нем] № 8/1 (2004), № 10 (2008)
Мельчук И.А. № 2 (1996), № 8/1 (2004), № 14 (2012)
Мечковская Н.Б. № 6/1 (2002)
Мещерякова Е.М. № 8/2 (2005)
Митрофанова Н.К. № 11 (2009)
Михайлова Т.А. № 6/1 (2002), № 9/2 (2007)
Михайлюк Н.М. № 7/2 (2003)
Михеев М. № 2 (1996)
Мицнер П. (публ.) № 9/1 (2006), № 9/1 (2006)
Морозова Е.Б. № 7/2 (2003), № 8/2 (2005)
Муравенко Е.В. (редкол.) № 1-9/2, № 10 (2008), № 11 (2009)
Муравьева И.А. (редкол.) № 1-4
[Муравьева И.А., о ней] № 16 (2014)
Напольнова Е.М. № 13 (2011)
Неклюдов С.Ю. № 11 (2009)
Нерлер П. № 6/2 (2003)
Николаева Т.М. № 2 (1996)
Николаева Ю.В. № 8/2 (2005)
Николаенко Н.Н. № 4 (1998)
Норманская Ю.В. № 6/1 (2002), № 10 (2008)
[Оборина М.А., о ней] № 16 (2014)
Опалева М.А. № 12 (2010)
Орел В.В. № 1 (1995)
[Падучева Е.В., о ней] № 2 (1996)
Пайар Д. (редкол.) № 5/1
Панина А.С. № 6/1 (2002)
Панов Е.Н. № 14 (2012)
[Панов М.В., о нем] № 10 (2008)
Папш Ф. № 2 (1996)
Парти Б.Х. № 2 (1996)
Пашкина Е.С. № 6/2 (2003)
Перебейнос В.И. № 15 (2013)
Переверзева П.Б. (публ.) № 8/2 (2005)
Переверзева С.И. № 11 (2009), № 13 (2011)
Перекрестенко А.А. № 6/2 (2003)
Перцов Н.В. (редкол.) № 1-4, № 2 (1996), № 4 (1998), № 9/1 (2006), № 14 (2012)
Перцова Н.В. № 2 (1996)
Пестова А.Р. № 15 (2013)
Петракова Л.Н. № 9/2 (2007)

- Плунгян В.А. (редкол.) № 2 (1996), № 2 (1996), (рец.) № 3 (1996), № 5/1 (2001)
- Подлеская В.И. (редкол.) № 5/1-9/2
- Ракова К.И. № 13 (2011)
- Раскин В. № 14 (2012)
- Раскина А. № 10 (2008), № 14 (2012)
- Рахилина Е.В. (редкол.) № 2 (1996), № 2 (1996)
- [Ревзин И.И., о нем] № 9/1 (2006)
- [Реформатский А.А., о нем] № 10 (2008), № 12 (2010)
- Рико-Кассар Ф. № 8/2 (2005)
- Ричи Г. № 8/1 (2004)
- Ровинская М.М. № 5/1 (2001), № 6/1 (2002), (редкол.) № 7/2
- Розанова Н.Н. № 6/2 (2003), № 16 (2014), № 16 (2014)
- [Розенцвейг В.Ю., о нем] № 8/1 (2004), № 14 (2012)
- Розина Р.И. (редкол.) № 2, (редкол.) № 10-16, № 2 (1996)
- Рудерман М.В. № 4 (1998)
- Рудницкая Е.Л. № 9/2 (2007), № 11 (2009)
- Рукодельникова М.Б. (редкол.) № 10-16, № 12 (2010), № 14 (2012)
- Рыбакова И.В. № 16 (2014)
- Рядинская О.П. № 13 (2011)
- Сайтанова Н.И. № 3 (1996)
- Салтыкова А.А. № 15 (2013)
- Сафонова М.А. № 16 (2014)
- Сталл П. № 2 (1996)
- [Севбо И.П., о ней] № 15 (2013)
- Семенова Е.К. № 9/1 (2006)
- Семенова Н.Г. № 5/2 (2001), (сост.) № 9/2 (2007), № 12 (2010), № 16 (2014)
- Семенова С.Ю. № 2 (1996), № 13 (2011), № 15 (2013)
- Серебрякова Э.В. № 7/1 (2003)
- Серебряный С.Д. № 9/2 (2007)
- Сигов Н.Е. (см. Гиндин С.И.) № 8/2 (2005)
- Синев Р.Г. № 8/1 (2004)
- Скулачева Т.В. № 14 (2012)
- Сморгунова Е.М. № 16 (2014)
- Соколова Е.Г. № 9/2 (2007)
- [Соколова М.В., о ней] № 6/2 (2003)
- Солнцева В.Б. (рец.) № 8/2 (2005)
- [Солнцева Н.В., о ней] № 16 (2014)
- Соловьев В.Д. № 4 (1998)
- Сосинский А.Б. № 14 (2012)
- Спиридонов В.Ф. № 16 (2014)
- Старостин С.А. (редкол.) № 1-9/1, № 1 (1995)
- Степанов В.Н. № 6/2 (2003)
- Стефанский Е.Е. № 9/1 (2006)
- Сумбатова Н.Р. № 13 (2011)
- Сухова Н.В. № 9/1 (2006)
- [Сухотин Б.В., о нем] № 9/1 (2006)
- Сушкова И.В. № 9/2 (2007), № 12 (2010)
- [Сыромятников Н.А., о нем] № 13 (2011)
- Такахаси К. № 7/2 (2003)

- Тестелец Я.Г. (редкол.) № 10-16, № 14 (2012)
[Тихомиров Б.Д., о нем] № 9/1 (2006)
Ткаченко Г.А. № 6/1 (2002)
[Ткаченко Г.А., о нем] № 12 (2010)
Траченко О.П. № 4 (1998)
Труб В.М. № 9/1 (2006)
Труфанова В.Я. № 4 (1998)
Тумаркин П.С. № 8/2 (2005)
Урманчиева А.Ю. (рец.) № 6/2 (2003)
Урысон Е.В. № 2 (1996)
Устинова Е.Г. № 3 (1996), № 9/2 (2007), № 16 (2014)
Файер В.В. (публ.) № 14 (2012)
Федорова Л.Л. № 3 (1996), № 7/2 (2003), № 13 (2011)
Филипенко М.В. № 2 (1996)
Финкель А.М. № 5/2 (2001), № 9/1 (2006)
[Фитиалов С.Я., о нем] № 9/1 (2006)
Флоренская Э.А. № 9/2 (2007)
Формановская Н.И. № 7/2 (2003)
Хай Фэн № 9/1 (2006)
Хайлова И.М. № 7/1 (2003)
Хелимский Е. О № 1 (1995)
[Хидекель С.С., о ней] № 14 (2012)
Хоффманн Э. № 6/2 (2003)
Христофорова О.Б. № 12 (2010)
Членова С.Ф. № 16 (2014)
Шабат Г.Б. № 9/2 (2007), № 13 (2011), № 14 (2012)
Шайкевич А.Я. № 8/2 (2005), № 14 (2012), № 16 (2014)
[Шайкевич А.Я., материалы и дополнение к списку трудов] № 7/1 (2003), № 8/2 (2005)
[Шайкевич А.Я., о нем] № 7/1 (2003), № 15 (2013)
Шаляпина З.М. (редкол.) № 5/1-16, № 5/2 (2001), № 7/1 (2003), № 9/1 (2006), № 9/1 (2006), 9/2 (2007), № 10 (2008), № 11 (2009), № 12 (2010), № 13 (2011), № 15 (2013), № 16 (2014)
Шаронов И.А. (редкол.) № 7/2, № 4 (1998), № 6/1 (2002), № 7/2 (2003), № 8/2 (2005), № 11 (2009)
Шарыкина О.А. № 15 (2013)
Шаталова М.Г. № 7/1 (2003)
Шеманаева О.Ю. № 10 (2008)
Шестакова Л.Л. № 12 (2010)
Шиханович Е.Ю. (Е.Ш.) № 14 (2012)
Шиханович Ю.А. № 14 (2012)
[Шиханович Ю.А., о нем] № 14 (2012)
Шмелев А.Д. № 2 (1996), № 2 (1996), № 5/1 (2001)
Штарева Т.В. № 14 (2012)
Штернова О.А. № 7/1 (2003)
Эзрина Э.В. № 16 (2014)
Эно-Сахно К. № 5/1 (2001)
Якунина Д.В. № 5/1 (2001)
Янко Т.Е. (редкол.) №2, № 2 (1996)
Янков В.А. № 6/1 (2002)

Abstracts

Nina N. Rozanova, Anna V. Zanadvorova

Phonetic Archive of Russian Colloquial Speech is a Historic Evidence and Cultural Property

The paper deals with the phonetic archive of Russian colloquial speech, created in the Department of Modern Russian in the Viktor Vinogradov Institute of the Russian language in Moscow. The authors trace the history of the Archive, characterize its content and structure, give the examples of various types of records.

Key words: language documentation, phonetic archive, Elena Zemskaya Lamara Kapanadze, Galina Barinova.

A.Ya. Shaikevich, S.A. Krylov

Andryushchenko's Eightieth Birthday

Vladislav M. Andryushchenko is mainly known as the author of an ambitious project of 'Computer fund of the Russian language', designed in 1980-s, but not yet materialised on full scale. The paper concerns the Andryushchenko's life in the context of XX century Russia.

Key words: automatization in linguistics, computational linguistics, historiography of linguistics, linguistic statistics, automatic translation.

Olga A. Kazakevich, Svetlana F. Chlenova

50 years Anniversary of the Automatic Lexicographic Systems Laboratory in the Moscow State Univerity (MSU)

The article treats the history and contemporary state of linguistic studies in one of the leading Moscow scientific centres. At the end the authors formulate the general cultural motto which unites numerous scientific projects of the laboratory.

Key words: automatization in linguistics, linguistic typology, corpora linguistics, endangered language documentation, conservation of cultural and linguistic heritage.

V.M. Andriushchenko

A Memoir Address on the Occasion of 50th Anniversary of the Automatic Lexicographic Systems Laboratory (MSU)

The author, one of the founders and first head of the Automatic lexicographic systems laboratory, writes about its establishment and first decades of its activity.

Key words: Boris Uspenskij, Rem Hohlov, Revekka Frumkina, Viktor Zhivov, automatization in lexicography, history of linguistic statistics, relations with the Univerity administration.

S. Gindin

Aleksandr Barulin and the Formation of the Faculty of Theoretical and Applied Linguistics at the RSUH

The first autonomous faculty of linguistics was established in Russia at the beginning of the 1990s at the RSUH. The author characterizes Aleksandr Barulin's personal contribution in that process and gives a survey his decisions in elaborating in the inner structure and arranging the teaching staff of the

faculty. A special attention is drawn to the style of his relations with graduate students.

Key words: history of professional education for linguistics in Russia, separation of linguistic and philological education.

V. Glebkin, Anastasia V. Alyapkina, Elizaveta N. Bespalova

Perceptual portraits of the abstract concepts (*happiness, freedom, disaster*)

This article addresses the structure of perceptual images of abstract concepts. Three concepts (*happiness, freedom, and disaster*) are used as touchstones for such analysis. Major material clusters creating the perceptual framework are described. The article paves the way for investigating a typology of perceptual images of abstract concepts.

Key words: perceptual portrait, abstract concept, *happiness, freedom, disaster*.

Anna V. Degtyareva

Syntactic properties of approximate verb (Japanese representative verb in online texts of diaries)

The article concerns with the corpus research of special phenomenon of Japanese syntax - representative verb form constructions. A feature of this form is that usually in other languages the meaning of representation is expressed analytically and more often as part of a nominal group rather than of a verb word form. This article demonstrates a wide range of functions that this structure can use in a sentence.

Key words: Japanese syntax, representation, approximate verb, approximation.

P. Dronov, Svetlana Ju. Bočaver

Modifications of the idiom *the Gordian laurel* in Russian, English, German, and Spanish

This paper deals with modifications of (*to cut*) *the Gordian knot*, an international phraseological unit/common figurative unit (terms coined by A. Rajhľtejn and E. Piirainen, respectively) in English, Russian (*[razrubit'] gordiev uzel*), German (*den [Gordischen] Knoten durchhauen*) and Spanish (*[cortar] el nudo gordiano*), focusing on their properties of modification, similarities and differences thereof, and shades of figurative meaning in specific contexts.

Key words: international phraseological units, common figurative units, idiom modifications, figurative meaning.

R. Zlatinskiy

Towards a Comparative Syntax of Latin and Ancient Greek Circumstantial Participles

This paper is a brief report on the statistical comparative study of Latin and Ancient Greek circumstantial participles – both participium conjunctum and participium absolutum. The analysis of more than ten thousand Latin and Ancient Greek participles shows how a system of functional analogues of the past active participle referring to the subject of the sentence is formed in Latin on the basis of the past passive participle. These functional analogues are: first, the absolute past passive participle with an implicit and in such cases never phonologically expressed agent coreferent to the subject of the sentence; second,

the past passive participle referring to the direct or indirect object with an implicit agent coreferent to the subject of the sentence; third, the deponent past passive participle agreeing with the subject of the sentence. These participles make up one third of all circumstantial participles in Latin. For comparison, one third of all circumstantial participles in Greek are past active participles agreeing with the subject of the sentence. There are twice as many absolute participles in Latin than in Greek and exactly half of them are absolute participles with an implicit agent coreferent to the subject of the sentence. There are no such specific absolute past passive participles in Greek and the obvious reason for this is that they can easily be replaced with past active participles referring to the subject of the sentence.

Key words: non-finite adverbial clause, participium conjunctum, participium absolutum, coreference, functional equivalent.

Olga M. Kadyrova

(Non)Finiteness Criteria of Turkish Verbal Forms

The paper discusses the issue of conventional (non)finiteness criteria and their applicability for Turkish studies. It compares approaches to (non)finiteness of Turkish verbal forms of Russian and foreign researches.

Key words: finite, non-finite, verbal form, person and number marker, verbal noun, infinitive, participle, converb, gerund, nominalization.

G. Kreidlin

Rudiments as a Type of Somatic Objects

The paper provides an analytic investigation of the class of rudiments, which has never been systematically explored in linguistics and semiotics. The paper describes in detail: (a) what are the everyday and scientific (mainly terminological) Russian names of different rudiment somatic objects and (b) what common and distinctive features they have; (c) how speakers employ lexical and grammatical units as resources to construct talks about rudiments, their properties and diseases. It is stated that most of the units considered in the paper must be fixed not only in the linguistic and semiotic conceptualization of the human body but also in different dictionaries, reference books and other lexicographic manuals.

Key words: lexicology, rudiments, semiotic studies, somatic objects, conceptualization of human body.

Maria N. Krylova

The Genitive of Comparison in Modern Russian Language

The article deals with the comparative constructions in form of genitive – a hybrid type of comparison between the simile and metaphor; the use of that forms in language of classical literature as well as in modern Russian is also compared. The genitive of comparisons are compact, concise, and at the same time insightful, stylistically diverse. They are used almost exclusively in literary texts, often in poetry. They occupy a smaller place in modern Russian language than in the language of classical literature, but it is premature to talk about their uselessness -- as the genitive of comparison expanding its use nowadays.

Key words: functional-semantic category of comparison, comparative constructions, the genitive of comparison, Russian language, language personality.

Maria A. Safonova

Linguistic Peculiarities of Lytton Strachey's Individual Style

The article is dedicated to the primary stylistic peculiarities of Lytton Strachey's biographical works. The author explains what constitutes the originality of Strachey's individual style in his biographical prose. The basic postulates of the article are illustrated with examples from Queen Victoria's biography ("Queen Victoria", 1921).

Key words: biography, individual style, tropes and figures of speech, expressive syntax, connotative lexis.

L. Grigoryan

On the Development of Morpheme Dictionaries of the Chemical Nomenclature

The paper deals with the linguistic aspects of the chemical nomenclature. The complex of 3 morpheme dictionaries of the chemical nomenclature is proposed with respect to the present-day classification of chemical morphemes. The structure and use of the dictionaries is presented within the author's program application «Nomenclature Generator» designated to generate a graph structure for the systematic name of a chemical compound as well as its translation between the natural languages.

Key words: morpheme dictionaries, chemical nomenclature, generative grammar, homonymy, synonymy

Irina V. Rybakova

Features of Use of Homeric Epithets which Characterize Heroes in the "Argonautica" of Apollonius Rhodius

Apollonius Rhodius uses semantically neutral traditional epithets in the "Argonautica" to show that his characters live in the world of the "Iliad" and "Odyssey". Epithets in his epic refer to the Homeric ones, alluding to some particular episodes of Homeric poems. At the same time Apollonius makes his epithets fit into the plot structure of the poem: in the course of action the hero should reveal the particular quality implied by a traditional formulaic epithet. Thus, epithets which are semantically neutral in the "Iliad" and the "Odyssey" become specifically marked within the Alexandrian epic.

Key words: Homer, Apollonius Rhodius, "Argonautica", formula, neutral epithet, marked epithet, epic hero.

V. Spiridonov, Emily V. Ezrina

Empirical Verification of N. Chomsky's Early Theory of Grammar

This article addresses the possible directions and results of empirical verification of the early version of Chomsky's grammatical theory. The results of several experiments with the use of various sign systems provide arguments both for and against the said theory. In order to continue the discussion we need methodological tools that would allow us to observe syntax "at work".

Key words: empirical verification of grammatical theory, systems of signs, trilinguals, subliminal priming

Nina V. Drachiova

Controversy Analogy – Anomaly in the Treatise of Marcus Terentius Varro «De lingua Latina»

The article deals with the problems of interpretation of controversy «analogy – anomaly». The author presents the main opinions on this subject which

have developed in modern science, and proposes her solution of this problem.

Key words: Alexandrian philological school, Stoic-Pergamese school, analogy, anomaly, declination (declinatio), «disputare in utramque partem» principle, «thesis – antithesis – synthesis» scheme.

A. Gladkij

Recollections about Sasha Dikovskij

Aleksandr Dikovskij (1945-2014) was an outstanding scholar in the field of mathematical and computational linguistics. He also has a brilliant pedagogic gift. The author who was Dikovskij's university teacher recollects his life and career. He also tells about Larisa Modina, Dikovskij's wife and co-author.

Key words: formal grammars, categorial grammars, the Novosibirsk university, the Kalinin (Tver') university, the Russian state university for Humanities, the Nant university.

Nina N. Rozanova

Margarita Vasilievna Kitaigorodskaya

M.V. Kitaigorodskaya (1943-2013) is an acclaimed researcher of Russian colloquial speech. Her well-known works are dedicated to colloquial word formation, urban language, male and female speech, urban colloquial speech et cetera. Her works always raised high interest and have not lost their relevance. M.V. Kitaigorodskaya's co-author remembers the researcher's scientific path and their joint work.

Key words: word-formation in Russian colloquial language, urban language, gender linguistics, varieties of the urban colloquial speech, communication in modern megapolis.

Elena G. Ustinova

In Commemoration of Irina Muravjeva

Irina Muravjeva (1949-2014) was a gifted linguist and teacher of linguistics. Her works treated the problems of theoretical and applied linguistics, linguistic typology and especially – of the Cukchi-Kamchatian language family.

Key words: theory of incorporation, the Alutor language, pedagogic activity.

Elena M. Smoryunova

Muza Oborina (1923-2014)

The article is dedicated to the memory of Musa Oborina, an outstanding editor and publisher of foreign linguistic literature in the USSR.

Key words: Translation of foreign linguistic words in Russia, the «Novoe v lingvistike» series, the «Etymologic Dictionary of Russian» by Max Vasmer.

Zoya M. Shalyapina

Nina Vasilyevna Solntseva: in memoriam

The paper gives an outline of the life story and research activities of the outstanding Russian linguist and orientalist N.V. Solntseva. The areas noted as those where she made her most valuable contribution are primarily Chinese and Altaic studies, problems of linguistic theory and typology, field research on languages of Vietnam, linguistic and sociolinguistic studies of languages of East and South-East Asia belonging to various types and families. Biobibliographic data of Nina V. Solntseva is in appendix.

Key words: Chinese linguistics; Altaic linguistics; linguistic theory and typology; languages of Vietnam; Russian-Vietnamese linguistic expedition.

Natalia G. Semenova

Author's and Other Participants of the *Moscow Journal of Linguistics*

This alphabetic index is to means to reveal the “human history” of the *Moscow Journal of Linguistics*.

Key words: authors, translators, publishers of archive matherials, members of the editorial board, subjects of *personalia* publications.

Сведения об авторах

Аляпкина Анастасия Валерьевна – студентка НИУ ВШЭ.

Андрющенко Владислав Митрофанович – доктор филол. наук, специалист в области ливгвостатистики и вычислительной лингвистики. E-mail: andrjusc@yandex.ru

Беспалова Елизавета Николаевна – студентка НИУ ВШЭ.

Бочавер Светлана Юрьевна – канд. филол. наук, младший науч. сотр. Института языкознания РАН. E-mail: svetlana.bochaver@gmail.com.

Гиндин Сергей Иосифович – канд. филол. наук, профессор, зав. Каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ, гл. редактор серии «Языкознание / Московский лингвистический журнал» журнала «Вестник РГГУ». E-mail: si_gindin@il.rggu.ru.

Гладкий Алексей Всеволодович – доктор физ.-мат. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Московского института открытого образования, специалист в области логики и формальных грамматик. E-mail: avgladjkij@gmail.com.

Глебкин Владимир Владиславович – канд. философских наук, зав. Отделением теории и истории мировой культуры гимназии № 1514 г. Москвы. E-mail: gleb1514@gmail.com.

Григорян Лев Арменович – мл. науч. сотр. Всероссийского института научной и технической информации РАН. E-mail: levgr2@yandex.ru.

Дегтярева Анна Владимировна – аспирантка Учебно-научного центра лингвистической типологии РГГУ, преподаватель японского языка. E-mail: mikonito@yandex.ru.

Драчёва Нина Владимировна – канд. филол. наук, ст. преподаватель Каф. классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ. E-mail: ndrachova@mail.ru.

Дронов Павел Сергеевич – канд. филол. наук, доцент, Институт языкознания РАН. E-mail: nord.dronov@gmail.com.

Занадворова Анна Владимировна – канд. филол. наук, старший науч. сотр. Отдела современного русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: annazann@gmail.com.

Златинский Роман Николаевич – канд. филол. наук, доцент, зав. Каф. древних языков Института лингвистики РГГУ. E-mail: romanzlat@gmail.com.

Кадырова Ольга Михайловна – аспирант Института Востоковедения РАН. E-mail: alfabem@yandex.ru.

Казакевич Ольга Анатольевна – канд. филол. наук, зав. Лабораторией автоматизированных лексикографических систем Научно-исслед. вычислительного центра МГУ, доцент каф. Теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ. Научные интересы: финно-угорское языкознание, полевая лингвистика, документация исчезающих языков. E-mail: kazakevich.olga@gmail.com.

Крейдлин Григорий Ефимович – доктор филол. наук, профессор Кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ. E-mail: gekr@iitp.ru.

Крылов Сергей Александрович – доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. Отдела языков Института востоковедения РАН. Специалист по русской грамматике, монгольскому языку, историографии лингвистики. E-mail: krylov-58@mail.ru.

Крылова Мария Николаевна – канд. филол. наук, доцент Каф. профессиональной педагогики и иностранных языков Азово-Черноморской государственной агроинженерной академии. E-mail: gekr@iitp.ru.

Розанова Нина Николаевна – канд. филол. наук, ведущий науч. сотр. Отдела современного русского языка Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН. E-mail: ninarozanova13@yandex.ru.

Рыбакова Ирина Владимировна – канд. филол. наук, преподаватель Каф. древних языков Института лингвистики РГГУ. E-mail: rybakova_irina@mail.ru.

Сафонова Мария Александровна – канд. филол. наук, ст. преподаватель Каф. английского языка физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: lostatones@yandex.ru.

Семенова Наталья Георгиевна – преп. каф. Теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ. E-mail: mjournal@rambler.ru.

Сморгунова Елена Михайловна – канд. филол. наук, преподаватель древних языков и Библиейской археологии Колледжа «Наследие», специалист по диалектологии и исторической лексикологии русского языка. E-mail: elenasmogunowa@yandex.ru.

Спиридонов Владимир Феликсович – доктор психол. наук, профессор Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ. E-mail: vfspiridonov@yandex.ru.

Устинова Елена Георгиевна – канд. филол. наук, доцент Каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ, специалист в области фонетической типологии, русской грамматики, теории литературных языков. E-mail: e-ustinova2014-ustinova@yandex.ru.

Членова Светлана Фёдоровна – программист 1 категории Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: svetlana.chlenova@gmail.com.

Шайкевич Анатолий Янович – доктор филол. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН, профессор Каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ. E-mail: cfrl@rli.ru.

Шаляпина Зоя Михайловна – канд. филол. наук, зав. Отделом языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН. E-mail: languages@ivran.ru.

Эзрина Эмилия Валерьевна – аспирант Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ. E-mail: ezrina@yandex.ru.

About the Authors

Alyapkina Anastasia – Student of NRU SHE (Higher School of Economics National Research University).

Andriushchenko Vladislav Mitrofanovich – Doctor hab. in Philology, a specialist in linguistic statistics and computational linguistics. E-mail: andrjusc@yandex.ru.

Bespalova Elizaveta - Student of NRU SHE (Higher School of Economics National Research University).

Bočaver Svetlana Jur'evna – Candidate of Philology, Junior Research Fellow of the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences). E-mail: svetlana.bochaver@gmail.com.

Chlenova Svetlana Fjodorovna – the 1st Category Programmer of the Laboratory for Computational Lexicography in the Scientific Research Computer Center at Moscow State University. E-mail: svetlana.chlenova@gmail.com.

Degtyareva Anna – Postgraduate Student at the Research Centre for Linguistic typology, Institute of Linguistics (RSUH), Instructor of Japanese. E-mail: mikonito@yandex.ru.

Drachiova Nina Vladimirovna – Candidate of Philology, Lecturer of the Department of Classical Philology of the Institute for Classical and Oriental Studies (RSUH). E-mail: ndrachova@mail.ru.

Dronov Pavel Sergeevič – Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences). E-mail: nord.dronov@gmail.com.

Ezrina Emily – Postgraduate Student of Vygotsky Institute of Psychology (RSUH). E-mail: ezrina@yandex.ru.

Gindin Sergej – Candidate of Philology, Professor of the RSUH Department of the Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics, Executive Editor of the Linguistic Series “Moscow Journal of Linguistics” in “RGGU Bulletin”. E-mail: si_gindin@il.rggu.ru.

Gladkij Aleksej – Doctor hab. in Physical and Mathematical Sciences, Professor, the Leading Researcher of the Moscow Institute for Open Education. A specialist in logic and in theory of formal grammars and general syntax. E-mail: avgladjkij@gmail.com.

Glebkin Vladimir – Candidate of Philosophy, Head of the Department of Theory and History of World Culture at Grammar School 1514, Moscow. E-mail: gleb1514@gmail.com.

Kadyrova Olga M. – Postgraduate Student of The Institute of Oriental Studies, RAS. E-mail: alfabem@yandex.ru.

Kazakevich Olga – Candidate of Philology, Head of the Laboratory for Automatic Lexicographic Systems (the Moscow University), associate professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics (RSUH). E-mail: kazakevich.olga@gmail.com.

Kreidlin Grigorij – Doctor hab. in Philology, Professor of the Russian Department of the Institute of Linguistics, RSUH. E-mail: gekr@iitp.ru.

Krylov Sergej Aleksandrovich – Doctor hab. in Philology, Leading Researcher of the Department of Languages of the Institute of Oriental Studies of the

Russian Academy of Sciences. A specialist in Russian grammar, the Mongolian language, historiography of linguistics. E-mail: krylov-58@mail.ru.

Krylova Maria Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Professional Pedagogy and Foreign Languages of the Azov-Black Sea State Agroengineering Academy. E-mail: krylovamn@inbox.ru.

Lev Grigoryan – Junior Researcher at the All-Russian Institute of Scientific and Technical Information. E-mail: levgr2@yandex.ru.

Rozanova Nina Nikolaevna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Modern Russian Language of the Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS. E-mail: ninarozanova13@yandex.ru.

Rybakova Irina V. – Candidate of Philology, Lecturer at the RSUH Department of Ancient Languages of Institute of Linguistics RSUH. E-mail: rybakova_irina@mail.ru.

Safonova Maria Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Physics Faculty, Department of the English Language (MSU). E-mail: lostatones@yandex.ru.

Semenova Natalya G. – Lecturer at the RSUH Department of Theoretical and Applied Linguistics of Institute of Linguistics. E-mail: mjournal@rambler.ru.

Shaikevich Anatolij – Doctor hab. in Philology, Professor, Senior Researcher of the Viktor Vinogradov Institute of Russian Language, the Russian Academy of Sciences, Professor of the RSUH Department of the Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics. E-mail: cfri@rli.ru.

Shalyapina Zoya M. – Candidate of Philology, Head of the Department of Asian and African Languages of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences). E-mail: languages@ivran.ru.

Smorgunova Elena Mihajlovna – Candidate of Philology, Professor of the Old Languages and Bible Archeology of the Kolledge “Nasledie”, a specialist in dialectology and historical lexicology of the Russian language. E-mail: elenasmorgunowa@yandex.ru.

Spiridonov Vladimir – Doctor hab. in Psychology, Professor of Vygotsky Institute of Psychology (RSUH). E-mail: vfspiridonov@yandex.ru.

Ustinova Elena Georgievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the RSUH Department of the Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Linguistics. A specialist in phonetic grammar of Russian and the theory of standard languages. E-mail: e-ustinova2014-ustinova@yandex.ru.

Zanadvorova Anna Vladimirovna – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Modern Russian of the V. Vinogradov Institute of Russian Language (RAS). E-mail: annazann@gmail.com.

Zlatinskiy Roman – Candidate of Philology, Associate Professor and Head of the Department of Ancient Languages of the Institute of Linguistics, RSUH. E-mail: romanzlat@gmail.com.

Заведующая редакцией: *И.В. Лебедева*

Художник: *В.В. Сурков*

Художник номера: *В.Н. Хотеев*

Компьютерная верстка: *Н.Г.Семенова*

Формат 60x90 ¹/₁₆

Усл. печ.л. 15,0 Уч.-изд. л. 15,75

Тираж 1050 экз. Заказ № 74

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru